

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет истории

Центр исторических исследований

Материалы Международного научного семинара
**«Исторические биографии
в контексте региональных и имперских границ
Северной Европы»**

Proceedings of International Research Seminar
**“Historical Biographies
in the context of Regional and Imperial borders
of Northern Europe”**

Санкт-Петербург

2013

УДК 93(07)
ББК Т3(0)442-8
С 29

Научный редактор — д. и. н. А. А. Селин

Источник финансирования — Фонд академического развития НИУ ВШЭ

С 29 **Материалы Международного** научного семинара «Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы» [Текст] / А.А. Селин ; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013. — 144 с. — 300 экз. — ISBN 978–5–9905341–1–7 (в обл.).

УДК 93(07)
ББК Т3(0)442-8

ISBN 978–5–9905341–1–7

© Селин А.А.

© Оформление. НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013

Оглавление

<i>Адриан Селин.</i> Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг. 4	
<i>Михаил Бенцианов, Алексей Лобин.</i> Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в.	12
<i>Олег Ноздрин.</i> Шотландцы Балтийского моря XV–XVII столетий: опыты биографических исследований	19
<i>Александр Корзинин.</i> Изучение персонального состава Царского двора эпохи Ивана Грозного в 1550-е — первой половине 1560-х гг.	21
<i>Владимир Успенский.</i> Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода	26
<i>Наталья Рыбалко.</i> Дьяки и подьячие Смутного времени: опыт просопографического исследования	32
<i>Андрей Беляков.</i> Возможности метода просопографии при исследовании служилых татар в России XV–XVII вв.	36
<i>Максим Моисеев.</i> Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек	41
<i>Андрес Адамсон.</i> «Зять» Грозного царя	46
<i>Александр Толстиков.</i> Судьба шведского королевича Густава в контексте истории Балтийского региона на рубеже XVI–XVII вв.	55
<i>Aleksandr Ivan Pereswetoff-Morath.</i> Straddling cultural and political borders in Swedish Ingria: the case of Benjamin Barohn (Bažen Ivanov)	61
<i>Зоя Дмитриева.</i> Персональный состав братии Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI — начале XVII в.	66
<i>Вадим Стецюк.</i> Участники религиозной полемики в Речи Посполитой XVI–XVII вв.: особенности просопографии восточноевропейских интеллектуалов раннего Нового времени	69
<i>Дарья Брусницына.</i> Просопографическая база данных как инструмент реконструкции судеб карельских пашенных солдат	74
<i>Kimmo Katajala.</i> Studying Noble and Gentry of Käkisalme province and Ingria during the Swedish period (17th century).....	78
<i>Вероника Беляева.</i> Реконструкция семейных связей балахонских солепромышленников XVII в.	83

<i>Андрей Дедук.</i> «Список русских городов дальних и ближних» в научных биографиях Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера	87
<i>Алексей Крайковский.</i> Биографический аспект трансфера европейских технологий морского промысла в Россию в XVIII в.	93
<i>Алла Майорова.</i> Петербургский период в биографии вольского именитого гражданина В. А. Злобина. (ок. 1789–1812 гг.)	101
<i>Эйнар Вяря (Einar Värä).</i> Финляндские торговые стряпчие в портах Российской империи в XIX в.	113
<i>Дмитрий Нечипорук.</i> Американские друзья русской свободы, 1890–1920-е гг.: просопографическое исследование	121
<i>Юлия Лайус.</i> Трансграничные взаимодействия в биографиях российских и скандинавских исследователей Арктики, 1900–1950-е гг.	126
<i>Павел Васильев.</i> Советская психиатрия: просопографическое исследование	131

Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг.

Применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных письменными источниками. Этим обусловлено то, что просопографические исследования концентрируются в области изучения поздней античности и раннего Нового времени.

В базе данных «Просопография Византийского мира» (англоязычная), в которой собраны (и продолжают собираться) известия о всех персоналиях, упомянутых в византийских текстах за период с 642 по 1261 гг. В этом же ключе следует рассматривать традицию просопографических исследований, сложившуюся в балканских странах — Сербии и, особенно, в Болгарии, где просопографический метод имеет длительную традицию и обширную библиографию¹. Российское антиковедение и византиноведение также оказывалось в круге этой историографии²; не случайно первые учебные пособия по просопографии на русском языке были написаны исследователями поздней античности и истории Византии³. Хорошая разработанность просопографии англо-саксонской знати также связана с тем, что сохранившийся источник конца XI в. — *Domesday Book* — дает обильную информацию по персональной истории последнего периода существования англо-саксонских королевств. Именно этому посвящена вторая крупнейшая открытая база данных «Просопография Англо-Саксонской Англии».

¹ *Божилев И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография (1186–1460). 2-е изд. София, 1994.

² Обзоры работ по византийской просопографии публиковались с 1960-х гг. Ср. напр.: *Каждан А. П.* Новые работы по византийской просопографии // *Византийский временник*. 1968. № 55. С. 254–259; *Байер Х.Ф.Г., Степаненко В.П.* Рец.: Энциклопедический просопографический лексикон византийской истории и цивилизации / Сост. А.Г.Саввидис. Том 1: Амр-Альфиос. Афины: Метрон/Иолкос, 1996. 276 с; // *Известия Уральского ГУ*. № 7. 1997. Гуманитарные науки. Вып. 1.

³ *Петрова М. С.* Просопография как специальная историческая дисциплина. На примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004; *Чекалова А. А.* Сенаторская знать ранней Византии (спекурс). М., 2000.

Вторым важнейшим источником для современного просопографического исследования общества Московской Руси является исследовательская традиция, заложенная в начале XX столетия Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским. Созданные этими учеными справочники по дьякам и подьячим Московского государства, боярским родам XIV–XVI вв. никогда в историографии не именовались просопографическими, хотя по сути являлись такими.

С конца 1980-х г. достижения европейской историографии начинают проникать на Восток, в российскую науку. Термин «просопография», ранее употреблявшийся лишь историками античности и Византии, с этого времени достаточно прочно входит в употребление российскими учеными. Появляются серьезные работы, посвященные исследованию отдельных социальных групп московского общества, с использованием «просопографической» терминологии («коллективные портреты» и др.⁴).

Делаются и первые попытки осмыслить теоретическую базу просопографии (в первую очередь, в работах Ю. Юмашевой⁵) и подвести первые итоги. Заметное влияние на теоретические разработки в области метода оказала монография Л. Стоуна. Русский перевод его определения «просопографии» использовался (и используется) в значительном числе работ⁶. В известных мне работах, написанных на русском языке, как правило, цитируются именно эти слова Л. Стоуна (со ссылкой на с. 107 в его статье в *Historical Studies Today*); мне бы не хотелось, конечно, предполагать, что эта ссылка «гуляет» из статьи в книгу и т.д. Важно отметить, что предметом исследований Лоуренса Стоуна была английская знать раннего Нового времени; именно исследуя горизонтальные связи в английском обществе XVI–XIX вв. им были созданы классические работы по просопографии.

Хочется остановиться на нескольких работах, так или иначе отражающих важнейшие тенденции развития просопографических исследований в последние годы. Их обозрение и попытка поставить в общий контекст

⁴ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI веков. СПб., 2003. С. 232; Нечаева М. Ю. Просопография уральского монашества: перспективы исследования // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17–19 ноября 1994). Екатеринбург, 1995. С.172–176.

⁵ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. № 39 (2005) Гуманитарные науки. Выпуск 10. С. 95–127.

⁶ Stone L. Prosopography // *Historical Studies Today* / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N.Y., 1972. P. 107.

современных просопографических исследований наводит на некоторые размышления.

Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»⁷. Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десяти, в том числе новгородские. Персональный состав приказных служителей Смутного времени продолжает оставаться объектом пристального внимания исследовательницы. В своей работе 2007 г. она ставит вопрос о том, что очень сложно восстановить функционирование приказных изб в начале XVII в. Лишь «чудом уцелевшие документы» позволяют реконструировать систему управления. Возможно, следует поверить Н. В. Рыбалко, что таково положение с сохранностью архивов большинства городов Московского государства, но новгородские материалы такому наблюдению противоречат. Рассматривая новгородскую бюрократию в Смуту, исследовательница оценивает Новгородскую и Смоленскую приказные избы как две самых больших приказных городских изб. Это скорее отражает источниковедческую ситуацию: новгородский и смоленский архивы эпохи Смуты были вывезены (соответственно в Швецию и в Речь Посполитую) и лучше изучены, нежели архивы других крупных городов Смутного времени. Сформулированные в статьях 2006–2008 гг. мысли получили отражение в монографии Н. В. Рыбалко, посвященной исследованию московского приказного люда Смутного времени, в которой аккумулированы данные о дьяках и подьячих этого времени⁸.

В 2009 г. была опубликована книга Д. В. Лисейцева, в которой, несмотря на скромное заявленное название «Приказная система Московского государства в эпоху Смуты», ставится вопрос о генезисе московской приказной системы как таковой и предлагаются принципиально новые, оригинальные его решения. В полной мере это исследование можно назвать просопографическим. Именно этот метод позволил Д. В. Лисейцеву прийти к важнейшим общим выводам о происхождении московских приказов и показать, как эта система эволюционировала в годы Смуты. В исследовании Д. В. Лисейцева содержатся существенная критика работ Н. В. Рыбалко, которая, по мнению автора, пытается «обобщить необобщаемое» и в результате ее подсчетов получается парадоксальная численность московских приказов: при царе Борисе штат приказа Большого дворца (по Рыбалко),

⁷ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5.

С. 21–39.

⁸ Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011.

составлял дворецкий, 6 дьяков и всего 3 подьячих, что, разумеется, невозможно⁹. Присоединяясь, в целом, к этой критике, подчеркну, что, с другой стороны, отказ Д. В. Лисейцева от идентификации собственно подьячих также представляется излишне ригористичным.

Книга А. В. Белякова, посвященная служилым Чингисидам была опубликована в 2011 г. в Рязани; книга получила одобрительные рецензии в Российской истории, как специалистов по татарам раннего Нового времени, так и других видных исследователей этой эпохи, в том числе — В. Д. Назарова. В книге, с привлечением огромного фактического материала, исследуются тысячи служебных карьер представителей Чингисидов, служивших Московскому дому. Возможно, книга А. В. Белякова не обладает идеальной структурой (на что обращали внимание многие рецензенты); однако ее прочтение дает самое исчерпывающее представление о выбранной А. В. Беляковым социальной группе.

В 2013 г. была опубликована книга А. Ю. Савосичева «Дьяки и подьячие эпохи Ивана Грозного: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования». Центральный вопрос монографии — о происхождении дьяков и подьячих XVI в., их связи с другими группами общества, в первую очередь — с дворянством. Этому вопросу были посвящены опубликованные в недавнем прошлом книги Д. В. Лисейцева (2009) и Н. В. Рыбалко (2011). А. Ю. Савосичев предлагает свой взгляд на данный вопрос. Некоторые сомнения вызывает определение «дворянства» для XVI в. В монографии дана трезвая оценка нашим познавательным возможностям: разумеется, говоря о дворянстве XVI в., мы допускаем серьезное обобщение. В терминологии XVI в. понятие «дворянство» обозначало гораздо более узкую социальную группу, нежели мы сегодня определяем этим термином. В значительной степени давний историографический спор о связи дьяков и подьячих с дворянством малоэффективен. Заметен противоречивый взгляд А. Ю. Савосичева на данный вопрос. Справедливо упрекнув Д. В. Лисейцева в том, что тот причисляет к «дворянству» конюхов и сытников, упомянутых в списке Государева двора 1573 г., он однако упускает из виду то, что дети таких государевых конюхов и сытников имели шанс (и часто им пользовались) попасть прямо в московские дворяне гораздо больший, нежели представители провинциальных служебных корпораций. Таким образом, противопоставление дьяков, связанных происхождением с такими «конюхами и сытниками» и тех, кто происходил из детей городских

⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 451.

детей боярских получает формальный характер и вызывает новые вопросы: продуктивно ли причислять к «дворянству» архиерейских детей боярских, новгородских своеземцев. Несомненно, их местнический потенциал в XVI в. был значительно ниже, чем у рядовых служителей государя. Видимо, вопрос о соотношении друг с другом, «лестнице» разнообразных групп служилого сословия был неясен и людям XVI–XVII вв. Это и привело в XVII столетии к созданию и распространению таких памятников «Поганая книга», «Списки стрелецких голов», иные местнические памфлеты.

Еще один спорный вопрос, который рассматривает автор чрезвычайно подробно, касается брачных стратегий приказных служителей — дьяков и подьячих. Собранная и обсчитанная информация о брачных связях самих приказных и их сыновей, в первую очередь с «дворянскими» фамилиями носит, на мой взгляд, исчерпывающий характер: но только в том случае, если мы согласимся с тем, что именно служебный статус фамилии-партнера имел определяющее значение в таковой брачной стратегии (а скажем не соседский фактор). Неясно, руководствуется ли Савосичев, описывая стратегию семейного устройства детей дьяков, соображениями престижности той или иной службы, имея в виду, что эти соображения могли, скажем, в 1570-е быть одними, а в 1590-е — другими. Сомнение вызывает и еще один тезис автора — о том, что к середине XVII в. «дворянство в социальной среде, питавшей дьячество, отходит на третий план» На мой взгляд, здесь речь идет о своеобразной «инфляции» дьяческого чина, в связи с усложнением центрального и местного управления. Если «перекинуть мост» в начало следующего, XVIII столетия, то число дьяков и вырастающих из дьяков «секретарей» будет вовсе огромным. Параллельно шли изменения и в структуре «дворянства».

Все описанные книги, на мой взгляд, подходят под следующее описание:

- в них использован огромный фактический материал;
- он до какой-то степени систематизирован;
- в них дается довольно точный портрет выбранной социальной группы (вар.: «коллективный портрет»);
- они базируются на однотипных источниках Московского государства XV–XVII вв.

Книгам этим, равно как и в целом исследованиям по просопографии Московского царства не хватает одного и того же. Они не нацелены на то, чтобы стать частью сетевого проекта. Значительная часть недостатков этих книг связана именно с формой подачи материала. Особенно это заметно в тексте А. Ю. Савосичева, где (возможно здесь можно видеть влияние недавней монографии И. Б. Михайловой о служилых людях Северо-Востока,

в целом неудачной, но методически очень сходной). Несмотря на определенное развитие предложенных условно Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским методов эти работы не могут считаться прорывным шагом в развитии просопографического метода.

Связано это, на мой взгляд, с отсутствием сравнительной перспективы. Ограничение исследований рамками московского материала неизбежно приводит его к замкнутости. Между тем именно раннее Новое время позволяет оперировать такими объемами источников, когда сравнительная перспектива кажется наиболее приемлемой.

Prosopographical Studies of 2000–2013 reviewed

Using prosopographical method looks much more productive in studying bright and well supplied with written sources epochs. This makes the prosopographical studies to be concentrated on Late Antiquity and Early Modern period.

The prosopographical database «Prosopography of Byzantine World» (PBW: <http://www.pbw.cch.kcl.ac.uk/>) collects information on all the persons mentioned in 642–1261. The same direction could be find also in the Balkan tradition of prosopography based on long tradition and wide bibliography. Russian Antic and Byzantine studies also find itself in this historiography circle; that is why the first exercise books in prosopography in Russian were written by researchers of Antiquity and Byzantine. Well elaboration of Anglo-Saxon prosopography is based on the well preserved source of late 11th c. — Domesday Book, that allows plentiful data on personal history of the latest period of Anglo-Saxon kingdoms (the database «Prosopography of Anglo-Saxon England» — PASE: <http://www.pase.ac.uk/index.html>).

A prosopographical study of Muscovite society of 16–17th cc. ought to be based also on the research tradition plotted in early 20th c. in the works by N. Likhatchev and S. B. Veselovskij. The reference books created by them and dedicated to secretaries and clerks, also to Muscovite boyars of 14–16th cc. had never named prosopographical studies but had been prosopographical indeed.

Since late 1980s the European historiography ideas started to influence significantly on Russian researches. The term “prosopography” previously used only by historians of Antiquity and Byzantine became to be often used by the researchers of Early Modern. Significant works — the studies of local groups of Muscovite society had appeared; the researchers started to name them “prosopographical”, using special terms (like “collective portraits”, etc.).

Also first theoretical studies in prosopography appeared in Russia (primarily studies by Yumasheva) and first results were summed up. Noticeable influence of L. Stone’s book on the theoretical studies must be mentioned. Russian translation of his definition of prosopography was and is in use in numerous

works. It is important to note that the plot of L. Stone's study was the Early Modern English nobility. Studying horizontal ties of English noblemen of 16–19th cc. L Stone created classical works in prosopography.

I would like to describe some books that more or less show the main trends of prosopographical research development.

Natalja Rybalko stands on the way of prosopographical study of Muscovite bureaucracy during the Time of Troubles. She formulated the method to be used as «the reconstruction of real events continuity through studying biographies». The Rybalko's records were the boyars' lists, rank books (*razrjadnye knigi*) and some "tithes lists" (*desyatnjias*). The personal structure of bureaucratic servicemen during the Time of Troubles is still the plot of the researcher's interest. In the article of 2007 she said that it was too hard to reconstruct the functioning of local administrative offices in early 17th c. Only «marvelously preserved acts» allow to reconstruct the administrative system. Probably that was true for the most part of Muscovite towns but the Novgorod data was the opposite example. Rybalko appreciated the Novgorod and the Smoleensk administrative offices as the two largest ones.. But that was more thanks to the preservation of the documents: the archives of the both towns were taken abroad during the Time of Troubles and now became two collections in Svenska Riksarkiv. Ideas formulated in Rybalko's articles of 2006–2008 were followed in the books by her in 2011.

In 2009 Dmitrij Lisejcev published the book named "Prikaz system of Muscovite State during the Time of Troubles". The very important issue of the genesis of Muscovite Prikaz system was plotted in the book and some new original decisions were proposed. Generally the book could be named the prosopographical study: just the method allowed the author to make the most important conclusions on the genesis of Moscow prikazes and to show how did the system function during the Time of Troubles Lisejcev criticize Rybalko's research: he said that she had tried to "generalize something could not be generalized". The results of her calculation was of some paradox character: there had been 6 secretaries and only 3 clerks in the Great Palace office (*Prikaz Bol'shego Dvortsa*) in late 16th century, that was impossible. I also join to this critics but would like to stress that the rigorist view of Lisejcev and his reject to identify any clerk seems also to be not productive.

Andrey Belyakov's book about service Tchingisids was published in 2011. The book received approving reviews in "Rossijskaja istoria" both by the specialists in Early Modern Tartar history and of the specialists of Early Modern Muscovy (Vladislav Nazarov, etc.). Belyakov studied some thousands biographies of noble Tartars who had served to Muscovite Czardom. Probably Belyakov's book is not of ideal structure (some reviewers had attracted attention

to that); but after reading the book the conception on the chosen social group appears to be clear.

Andrey Savosichev published his book «Secretaries and Clerks of Ivan the Terrible epoch: The origin and the social ties: The experience of prosopographical study” in Orel in 2013. The central issue of the book is the origin of secretaries and clerks of 16th c. and their ties with other groups of the society, primarily with gentlemen. The issue had been also plotted in Rybalko’s and Liseicev;s books. Savosichev propose his own view on the issue. The definition of the “gentlemen” in 16th century is very complicated issue. Savosichev gave a sober appraisal of the cognitive possibilities: while talking about the gentlemen of 16th c. Muscovy a serious generalization was always made. In the terms of 16th c. A concept of gentlemen included much more narrow group than we indicated in our days. Long ago started discussion in historiography is not productive enough.. Savisichev’s personal view on the topic looks also very discrepant. He evenly upbraided Lisejcev for reckoning czar’s grooms and cooks among gentlemen (because they had been mentioned in the Court list of 1573). In the same time Savosichev missed that the children of those grooms and cooks had rather better chance to make a good carrier at the Czar’s Court in Muscovy than the representatives of numerous local gentry. Thus the contrasting of secretaries who were the relatives of those “grooms and cooks” and those of them who originated from the local gentry look very formal and create new problems: is it perspective way to reckon Archbishop’s gentry, local small landowners (like *svozemtsy* in Novgorod) among the gentlemen or not. In any case their starting carrier position in 16th c. was much lower than the same of ordinary servants of Czar’s Court. It seems that the correlation of numerous ranks of the Muscovite society in 16th c. was not clear enough even for the contemporaries. That was followed with the appearance of various pamphlets (like *Poganjaja Kniga*) in 17th c.

The other disputable issue concerns the marriage strategies of secretaries and clerks. Collected and calculated information on the issue (about the marriages of bureaucrats and their sons with primarily “gentleman” families) seems to be exhaustive. But it could be used as an argument only if we agree that just the service state of the partner’s family was the main reason for the marriage (neither vicinity nor friendship, nor something else). It is not clear that the prestigious of the society rank was the same in 1570s and in 1590s. The last thesis of Savosichev that in the 17th c. the gentlemen lost its role as a social strata that had supplied the bureaucracy with people is also not persuasive enough. That was more a kind of inflation of the secretary rank (connected with the complication of the State’s tasks).

All the books described could be united by those common traits:

- A huge amount of data had been used;
- The data was systematized to some extent;

– The exact portrait of the social group was drawn (so called “collective portrait”).

– The books were based on the similar groups of records from 16–17th cc. Muscovite State.

All the books (like all the research in Muscovite Czardom prosopography) were lack of the same element. All the research in the sphere was not directed to be a part of a research network. The most of the drawbacks were connected with the form of data representation. In spite of the developing to some extent the research methods used by Likhatchev and Veselovskij all the books could not be named the breach of the prosopographical method.

The reason is to my mind the lack of comparative perspective. Shortage of the research by the borders of Muscovite data inevitably followed it to insularity. Meanwhile just the Early Modern time allowed the researcher to operate such records corpus that followed to comparative studies.

Михаил Бенцианов

Екатеринбург

Алексей Лобин

Государственный комплекс «Дворец Конгрессов»

Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в.

Увеличение интереса к военной истории средневековья привело к появлению в последние годы ряда исследовательских работ, посвященных вопросу численности русской армии в XV–XVI вв. В ходе дискуссии была отмечена слабость источниковой базы, заведомые искажения нарративных источников. Как следствие, остается простор для фантазии исследователей при определении «предельной численности выставляемых контингентов».

Сражение под Оршей может быть использовано для воссоздания картины организации русской армии. Первостепенное значение для реконструкции имеют списки пленных. Всего дошло 5 списков, составленных в промежутке между 1518 и 1538 гг. Отдельной группой в них фигурируют пленники битвы под Оршей 1514 г. Четкое разделение по местам пленения было характерно для ранних списков. В реестре 1538 г., где появились новые имена, это правило неоднократно нарушалось.

Сведения реестров дополняются свидетельством белорусско-литовских летописей. В большинстве летописей имена пленников были перечислены в той же последовательности, что говорит об использовании общего первоначального источника. Как видно из комментария, эта статья составлялась на основании официальных данных. Летописный «еестр» отразил наиболее ранние сведения об оршанских пленниках. Это предполо-

жение подтверждаются сведениями Кенигсбергского тайного архива. В списке пленных, переданном орденским агентом от 16 сентября 1514 г., присутствовала та же последовательность имен, с характерными ошибками в написании и транскрибировании.

Всего удается насчитать 193 имени служилых людей, пленников Оршанской битвы. Дополнительные сведения сохранились в других источниках: родословных, писцовых книгах, актовых материалах. Привлекая методы статистического анализа, приведенное число можно рассматривать в качестве своеобразной выборки участников сражения с московской стороны. Важно отметить ее случайный характер. При беспорядочном отступлении пленниками становились разные лица, начиная от главных военачальников, и, заканчивая рядовыми детьми боярскими.

Рассматриваемая выборка дает возможность определить состав русской армии. Ее изучение возможно, однако, только при соблюдении 2 основных условий: необходимо, с одной стороны, максимально точно выяснить происхождение и территориальную принадлежность фигурирующих в ней лиц и, с другой стороны, определить достоверные параметры определения численности по одной или нескольким преобладающим в общем списке группам служилых людей.

В общем итоге за исключением мещерских татар (6 человек) можно насчитать 18 территориальных групп. За исключением представителей нескольких знатных фамилий, выступавших, вероятно, в качестве воевод, среди пленников не удастся обнаружить выходцев из крупнейших групп служилых людей центра страны: Москва, Переславль-Залесский, Юрьев, Ростов, Владимир, Ярославль, Белое Озеро и Рязанское княжество. Не были задействованы в этой битве, видимо, и удельные центры с развитым вотчинным землевладением: Дмитров, Кашин, Бежецкий Верх, Углич. Трудно говорить о полноценном представительстве в битве для ряда других территориальных групп. Возможное представительство суздальцев, например, ограничивалось всего 2 именами (1,03% от выявленных пленных).

Основную ударную силу составили новгородские помещики. Среди пленников можно идентифицировать 61 имя. Вероятно, общее число подобных примеров было даже большим. Представители Северо-Запада (вместе с луцкими помещиками) дали не менее 33,2% от всех известных пленников, явно превалируя в объединенной русской армии.

Значительное число пленников принадлежало к костромской (и соседней галицкой), а также муромской корпорациям. Удастся насчитать не менее 13 имен костромских детей боярских (6,7%) и 12 возможных муромцев (6,2%). Компактной группой в Оршанской битве был представлен Волок Ламский. Участвовал в этом сражении также отряд тверских детей бояр-

ских. В меньшем объеме были представлены остальные территориальные группы, среди которых преобладали западные уезды. В первую очередь — можайские и вяземские дети боярские. Определенное число пленных были выходцами из Боровска, Серпухова, Тарусы и Алексина, а также из удельных Брянска, Калуги и Ржевы Володимеровой. Большее число лиц, возможно, дала Коломна.

Полноценное участие в битве можно отметить всего для нескольких «служилых городов»: Новгород и Великие Луки, Кострома (с Галичем), Муром, Волок Ламский, возможно, также Тверь, Можайск и Коломна. В случае с новгородской, костромской, муромской и волоцкой группами можно предполагать наличие у них собственных воевод. В Оршанской битве они были представлены как дворовыми, так и городовыми детьми боярскими, по аналогии с организацией «ратей» удельного времени.

Группы представителей других корпораций отличались разрозненностью и были представлены небольшим количеством людей. Из них невозможно было бы сформировать полноценные воинские единицы и сохранять территориальную структуру. Скорее, служилые люди из разных «городов», в том числе удельных, были искусственно объединены без учета их территориальной принадлежности.

Разнообразие западных уездов, примыкающих к Смоленску, и почти полное отсутствие представителей многочисленных территориальных групп центра страны свидетельствуют о том, что в «далний» поход были отобилизованы имеющиеся в наличии воинские силы, без созыва характерных для крупных походов общевоинских сборов. Разрядные записи показывают, что русская армия в Оршанском походе состояла из двух основных частей: часть полков выдвигалась из Смоленска, другие — «новгородская рать» шли на соединение с ними из Великих Лук. Это объясняет численное преобладание новгородцев. Задержавшиеся в Смоленской земле и приграничных литовских районах отряды служилых людей из центральных уездов заметно поредели. Некоторые из них, вероятно, вернулись домой. Воеводам приходилось доукомплектовывать «личный состав» армии.

Рассматривая составленный список пленных как социологическую выборку состава русской армии, можно попытаться определить ее численность, привлекая данные новгородских писцовых книг, особенно писцовой книги Водской пятины. Эта писцовая книга была составлена в 1501–03 гг. и хронологически соотносится с событиями смоленской кампании 1514 г. Вместе с малолетними детьми в ней фигурировало порядка 460 имен (без учета «ивангородцев»). Анализ писцового описания 1538/39 г. показывает, что за прошедшие три десятилетия личный состав помещиков практически не изменился. Новые раздачи привели к появлению здесь не более 6–8 фа-

милий. Общее число помещиков второго десятилетия XVI в., вряд ли, превышало здесь 480 человек. Среди пленников Оршанской битвы было 13 детей боярских Водской пятины (6,7%).

В полном виде сохранилась и писцовая книга Деревской пятины конца XV в. Этот источник, однако, не отразил в своей основе массовые поместные раздачи первых лет XVI в. Достаточно сказать, что в писцовом описании 1538/39 гг. и в платежной книге 1543 г. фигурировало не менее 143 фамилий, отсутствовавших в первом писцовом описании Деревской пятины. О некоторых из них имеются прямые указания источников об испомещении в первые годы XVI в. В 1514 г. по этой пятине служило значительно больше детей боярских, чем в соседней Водской пятине, что объясняет высокое представительство «деревцев» среди пленников Оршанской битвы (31 имя). Хронологическая удаленность и неполнота писцовых книг 1538/39 г. и сложный, составной характер платежной книги 1543 г. (в значительной мере в ней фигурировали имена, относящиеся к первому десятилетию века, в том числе, среди живущих помещиков были записаны пленники Оршанской битвы) не позволяют, к сожалению, использовать их в полной мере. Тем не менее, очевидно, что во втором десятилетии XVI в. поместьями в Деревской пятине владело не менее 750 помещиков (без учета дворцовых слуг).

Если принять во внимание участие в сражении **всех** помещиков Водской и Деревской пятин (1250 детей боярских или 22,8% от выявленных пленных), то общая численность всех служилых людей — участников рассматриваемого сражения вместе с татарами и без учета «простых мужиков» в соответствии с принципом пропорции могла достигать 5500 человек. Это соотношение несколько условно и могло незначительно меняться (в меньшую сторону) при обнаружении новых имен — помещиков Водской и Деревской пятин в рассматриваемой выборке.

Приведенные данные подкрепляются общими наблюдениями над мобилизационными способностями служилых людей Северо-Запада указанного времени. С учетом отсутствия среди пленных Оршанской битвы «Бежецкой пятины» и проведенных поместных раздач в примыкающих к Новгородской земле территориях (в первую очередь, в Великолуцком и Пусторжевском уездах) предельную численность детей боярских этого региона в рассматриваемом сражении можно оценить в 2000–2300 человек.

В любом крупном походе не могли принимать участие все числившиеся в той или иной корпорации лица. С учетом единичных случаев уклонения от службы эти цифры, однако, могли отражать близкую к действительности картину. Новгородские же полки не были задействованы в предшествовавшей кампании и могли быть полноценно укомплектованы.

Предлагаемая методика, которая на данном этапе носит предположительный характер, не позволяет оценить численность всей русской армии. Проведенный анализ ее территориальной структуры позволяет убедительно говорить о значительном преувеличении масштабов этого сражения в польской и белорусской историографии. Для русской стороны это была рядовая битва, которая, повлекла за собой несоизмеримые для подобных столкновений потери, и надолго вошла в память современников и потомков.

Lists captured battles near Orsha 1514 as a source on the service organization in the Russian state of the first half of the XVI century

The increase in interest to military history of the Middle Ages led to emergence in recent years a number of the research works devoted to a question of number of the Russian army in the XV–XVI centuries. During discussion weakness the base of sources, notorious distortions of narrative sources was noted. As a result, "the limit number of the exposed contingents" still has a scope for the imagination of researchers at definition.

Battle near Orsha can be used for a reconstruction of a picture of the organization of the Russian army. For reconstruction lists of the captured have paramount value. In total reached 5 lists made in an interval between 1518 and 1538. Separate group captives of fight appear in them near Orsha 1514. Clear split in places of capture was characteristic for early lists. In the register of 1538 where there were new names, this rule was repeatedly violated.

Data of registers are supplemented with the certificate of the Belarusian-Lithuanian chronicles. In the majority of chronicles names of captives were listed in the same sequence that speaks about use of the general initial source. Apparently from the comment, this article was formed on the basis of official data. Annalistic "eestr" reflected the earliest data on orshansky captives. This assumption are confirmed by data of the Konigsberg secret archive. In the list captured, transferred the same sequence of names, with characteristic spelling errors and transcription was present the medal agent of September 16, 1514.

In total the 193 name of service people, captives of Orshansky fight manages to count. Additional data remained in other sources: genealogical, cadastre descriptions, act materials. Attracting methods of the sociological research, the given number can be considered as representative selection of participants of battle from the Moscow party. It is important to note its casual character. At chaotic retreat by captives there were different persons, beginning from the chief military leaders, and, finishing ordinary gentries.

Considered selection gives the chance to define structure of the Russian army. Its studying is possible at observance of two main conditions: it is necessary to find

out most precisely an origin and territorial accessory of the revealed persons, and also to determine reliable parameters by one or several corporations.

In the general result except for meshchersky Tatars (6 people) it is possible to count 18 territorial groups. Except for representatives of several notable surnames acting probably as war-lords, among captives it isn't possible to find natives of the largest corporations of the center of the country: Moscow, Pereslavl-Zalessky, Yuryev, Rostov, Vladimir, Yaroslavl, Beloye Ozero and Ryazan principality. Weren't involved in this fight, probably, and the apanage centers with the developed patrimonial land tenure: Dmitrov, Kashin, Bezhetsky Verh, Uglich. It is difficult to speak about full-fledged representation in fight for some other corporations. The possible representation of residents of Suzdal, for example, was limited to only 2 names (1,03% from revealed captured).

The main striking power was made by the Novgorod landowners. Among captives it is possible to identify 61 names. Possibly, total number of similar examples was even big. Representatives of the North West (together with Lutsk landowners) gave not less than 33,2% from all known captives, obviously prevailing in the joint Russian army.

The considerable number of captives belonged to Kostroma (and next Galich), and also Murom to corporations. It is possible to count not less than 13 names of the Kostroma provincial knights (6,7%) and 12 possible residents of Murom (6,2%). By compact group in Orshansky fight it was presented Volok Lamsky. The group of the Tver provincial knights participated in this battle also. In smaller volume other corporations among which the western districts prevailed were presented. First of all — Mozhaisk and Vyazma. A certain number captured were natives of Borovsk, Serpukhov, Tarusa and Aleksin, and also of apanage Bryansk, Kaluga and Rzheva Volodimerova. Bigger number of persons, probably, Kolomna gave.

Full participation in fight can be noted for only several "the sluzhily gorod": Novgorod and Velikie Luki, Kostroma (with Galich), Murom, Volok Lamsky, probably, also Tver, Mozhaisk and Kolomna. In a case with the Novgorod, Kostroma, Murom and volotsky corporations it is possible to assume existence at them own war-lords. In Orshansky fight they were presented both court and ordinary by provincial knights, by analogy to the organization of army of old time.

Groups of representatives of other corporations differed separation and were presented by a small amount of people. From them it would be impossible to create full-fledged military units and to keep territorial structure. It is rather, service people from different "cities", including apanage, were artificially integrated without their territorial accessory.

A variety of the western districts adjoining Smolensk, and almost total absence of representatives of numerous corporations of the center of the country

testify that in a "distant" campaign military forces available in existence, without convocation characteristic for large campaigns of all-military collecting were mobilized. Digit records show that the Russian army in the Orshansky campaign consisted of two main parts: the part of regiments moved forward from Smolensk, others — the Novgorod army went on connection with them from Velikie Luki. It explains numerical prevalence of Novgorodians. Late in the Smolensk earth and border Lithuanian areas groups of service people from the central districts considerably thinned. Some of them probably came back home. It was necessary to war-lords to complete army composition to the end.

Considering the made list captured as representative selection of structure of the Russian army, it is possible to try to determine its number, attracting data of the Novgorod cadastre descriptions, especially description of Vodsky pyatina. This book was made in 1501–03 and chronologically corresponds to events of Smolensk campaign of 1514. Together with juvenile children about 460 names appeared in it (without taking into account "ivangorodsy"). The analysis of the cadastre description of 1538/39 shows that for last three decades the staff of landowners practically didn't change. New distributions led to emergence here no more than 6–8 surnames. Total number of landowners of the second decade of the XVI century, hardly, exceeded here 480 people. Among captives of Orshansky fight there were 13 provincial knights from Vodsky district (6,7%).

In a full look the cadastre descriptions of Derevsky pyatina the end of the XV century remained also. This source, however, didn't reflect mass local distributions of the first years of the XVI century in the basis. It is enough to tell that in the cadastre description of 1538/39 and in the payment book of 1543 appeared not less than 143 surnames which were absent in the first description. About some of them there are direct indications of sources on an moved in the first years of the XVI century. In 1514 on this territory served much more provincial knights, than in next Vodsky pyatina that explains high representation of "derevets" among captives of Orshansky fight (31 names). Chronological remoteness and incompleteness of cadastre description of 1538/39 and difficult, compound character of the payment book of 1543. (considerably the names relating to the first decade of an eyelid appeared in it, including, among living landowners captives of Orshansky fight were written down) don't allow to use, unfortunately, them fully. Nevertheless, it is obvious that in the second decade of the XVI century estates in Derevsky pyatina not less than 750 landowners (without palace servants) owned.

If to take into account participation in battle of all landowners Vodsky and Derevsky pyatinas (1250 children of provincial knights or 22,8% from revealed captured), the total number of all service people — participants of considered battle together with Tatars and without taking into account "simple men" according to the

principle of a proportion could reach 5500 people. This ratio a little conditionally also could change slightly (in the smaller party) at detection of new names — land-owners Vodsky and Derevsky pyatinas in considered selection.

The provided data are supported with the general supervision over mobilization abilities of service people of the North West the considered time. Taking into account absence among captured to Orshansky fight "Bezhetsky pyatina" and the carried-out local distributions in territories adjoining the Novgorod (first of all, in Velikie Luki and Pustaya Rzheva districts) seigniorial this region in considered battle it is possible to estimate the limit number of provincial knights at 2000–2300 people.

All persons which were registered in this or that corporation couldn't take part in any large campaign. Taking into account isolated cases of evasion from service these figures, however, could reflect a picture close to the truth. The Novgorod regiments weren't involved in previous campaign and could be fully completed.

The offered technique which at this stage has presumable character, doesn't allow to estimate the number of all Russian army. The done analysis of its territorial structure allows to speak convincingly about considerable exaggeration of scales of this battle in the Polish and Belarusian historiography. For the Russian party it there was an ordinary fight which, caused incommensurable losses for similar collisions, and for a long time entered into memory of contemporaries and descendants.

Олег Ноздрин

Орловский филиал Российской академии государственного управления

Шотландцы Балтийского моря XV–XVII столетий: опыты биографических исследований

Биографический жанр устойчиво популярен. "Персональные подходы" Натали Земон Дэвис (Natalie Zemon Davis), "микроистории" Карло Гинзбурга (Carlo Ginzburg), "личностные реконструкции" Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff) различаются стилистикой, концепциями, творческими приёмами, методологическими установками. Работы сэра Льюиса Нэмира (Sir Lewis Namier) о британских парламентариях XVIII в., Лоуренса Стоуна (Lawrence Stone), занимавшегося английским провинциальным дворянством первой половины XVII столетия, Кэтрин Китс-Роэн (Katharine Keats-Rohan), анализировавшей именные записи "Книги Страшного суда" (Domesday Book"), открыли новые перспективы просопографических исследований.

Балтийское направление шотландской эмиграции раннего Нового времени является самостоятельной историографической темой. Издаются комментированные сборники документов личного происхождения, мемуаров, днев-

ников, жизнеописания полководцев и государственных деятелей, вроде шведского фельдмаршала сэра Александра Лесли, (Sir Alexander Leslie, 1582–1661), одного из создателей польского флота, героя Оливского морского боя 1627 г. капитана Джеймса Мюррея (James Murray), российского генерал-майора и дипломата Пола Мензиса (Paul Menzies, 1637–1694).

С начала XX в. возрастает численность работ просопографического характера, примером которых стали опубликованные Джоном Малколмом Баллохом и Констансом Оливером Скилтоном (John Malcolm Bulloch & Constance Oliver Skelton) послужные воинские списки 2154 Гордонов, включая 218 солдат и офицеров, получивших известность в армиях европейских государей с 1617 по 1835 годы. (Bulloch J.M., Skelton C.O. Gordon under arms. A biographical muster roll of officers named Gordon in the navies and armies of Britain, Europe, America and in the Jacobite risings. Aberdeen, 1912).

В 1988 г. вышло фундаментальное исследование Томаса Риса датско-шотландских контактов середины XV – начала XVIII в., второй том которого содержит краткие биографии шотландцев, осевших во владениях Ольденбургов в 1450–1707 годах. (Riis T. Should Auld Acquaintance Be Forgotten: Scottish-Danish Relations c. 1450–1707. Vol. I–II. Odense, 1988).

Взаимодействие Эдинбургского и Стокгольмского дворов, включая торговую, военную, трудовую эмиграцию северных британцев в Швецию находятся в центре внимания Алексии Грожан. (Grosjean A. An Unofficial Alliance: Scotland and Sweden, 1569–1654. Leiden, 2003).

Истории шотландцев Речи Посполитой XVI–XVII вв. привлекают польскую учёную Анну Биганьска (Anna Biegańska).

Справочник шотландцев в Балтийских странах XVI–XIX вв., содержащий фрагментарные сведения, составил в 2000 г. Дэвид Добсон. (Dobson D. Scots in Poland, Russia and the Baltic States: 1550–1850. Baltimore, 2000).

В этом контексте предпринятое Дмитрием Федосовым и Олегом Ноздриным исследование шотландцев в России XVII в., насчитывающее около 1000 постоянно пополняемых биографий, с указанием архивных фондов и специальных публикаций, продолжая традицию, расширяет исследовательское поле, включая в научный контекст ранее неизвестные генеалогические данные, документы, материалы личного происхождения. (Fedosov D.G., Nozdryn O.J. Lion Rampant to Double Eagle. Scots in Russia 1500–1700).

Scots of the Baltic Sea of XV–XVIIIth centuries: experiences of biographical research.

The biographic genre is steadily popular. "Personal approaches" by Natalie Zemon Davis, "microhistories" by Carlo Ginzburg, "individual reconstructions"

by Jacques Le Goff are differ in stylistics, concepts, creative techniques, methodological settings. The work of Sir Lewis Namier about British parliamentarians of the 17th century, Lawrence Stone, who was engaged in the English provincial nobility of the first half of the 17th century, Katharine Keats-Rohan, who analyzed nominal records of "Doomsday Book", opened new prospects prosopographical research.

Baltic direction of Scottish emigration in early New time is an independent historiography theme. Published commented collections of personal papers, memoirs, diaries, biographies of military leaders and statesmen, like Sir Alexander Leslie (1582–1661) — Swedish field-marshal and one of the founders of the Polish fleet, captain James Murray — hero of the Oliwa sea battle of 1627, Paul Menzies (1637–1694) — Russian major-general and diplomat.

Since the beginning of the 20th century increases the number of prosopographical works. For example, John Malcolm Bulloch & Constance Oliver Skelton published military service records lists of 2154 Gordons, including 218 soldiers and officers, who gained popularity in the armies of European sovereigns from 1617 to 1835. (Bulloch J.M., Skelton C.O. *Gordon under arms. A biographical muster roll of officers named Gordon in the navies and armies of Britain, Europe, America and in the Jacobite risings. Aberdeen, 1912.*)

In 1988 there was issued Thomas Riis's fundamental research of Danish-Scottish contacts in the middle of the 15th – in the beginning of the 18th century, the second tome of which contains brief biographies of the Scots settled in the lands of the Oldenburg in 1450–1707. (Riis T. *Should Auld Acquaintance Be Forgotten: Scottish-Danish Relations c. 1450–1707. Vol. I–II. Odense, 1988.*) Interaction of Edinburgh and Stockholm courts, including trade, military, labor Northern British emigrants in Sweden are in the spotlight of Alexia Grosjean. (Grosjean A. *An Unofficial Alliance: Scotland and Sweden, 1569–1654. Leiden, 2003.*) The stories of Scots Commonwealth of 16th–17th centuries attract Polish professor Anna Biegańska. In 2000 David Dobson made *Handbook of Scots in the Baltic countries (16th–19th centuries)*, containing fragmentary information. (Dobson D. *Scots in Poland, Russia and the Baltic States: 1550–1850. Baltimore, 2000.*)

In this context, study of Scots in Russia of 16th century undertaken by Dmitry Fedosov and Oleg Nozdrin, which count 1000 of constantly updated biographies, indicating the archival funds and special publications, continuing the tradition, expanding research field, including in the scientific context of the previously unknown genealogical data, documents, and materials of personal origin. (Fedosov D.G., Nozdrin O.J. *Lion Rampant to Double Eagle. Scots in Russia 1500–1700.*)

Изучение персонального состава Царского двора эпохи Ивана Грозного в 1550-е – первой половине 1560-х гг.

Изучение персонального состава Государева двора середины XVI в. упирается в проблему репрезентативности источников. Основные источники по изучению Государева двора можно разделить на следующие типы: акты материалы, делопроизводственные земельные документы массового статистического характера (писцовые, приправочные и межевые книги), делопроизводственные материалы правительственных учреждений (разрядные, посольские и родословные книги, боярские списки и боярские книги, десятины, Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь, местнические памяти и судебные разбирательства, вкладные и кормовые книги монастырей, синодики), нарративные источники (летописи, хроники, жития, сочинения современников, записки иностранцев) и вещественные, археологические источники (надгробия, надписи на могильных плитах соборов и монастырей). Каждый тип источников содержит ценные сведения о представителях Царского двора, но при этом требует критического к себе отношения.

В более или менее полном объеме к настоящему моменту опубликованы основные источники по истории службы представителей Двора: разрядные книги (включая разряд Полоцкого похода 1563 г.), боярские списки второй половины XVI в., посольские книги (кроме книг с Крымом за 1550–начало 1560-х гг.). Опубликованы почти все писцовые описания за вторую половину XVI в. (кроме писцовой книги по Малоярославецкому уезду). Издан нарратив (летописи XVI в., записки о России иностранцев). Также в распоряжении исследователей имеются вкладные и кормовые книги монастырей. В первую очередь нужно отметить вкладную и кормовую книги XVII в. Троице-Сергиева монастыря. Кое-что опубликовано из вещественных источников. Наиболее богатыми по числу усыпальниц феодалов и сохранившихся могильных плит являются Троице-Сергиев и Московский Новоспасский монастыри. Однако есть документы по истории служилых фамилий (как опубликованные, так и неопубликованные), исследование которых еще далеко от завершения.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. являются важнейшими источниками по истории Государева двора середины XVI в. Тысячная книга появилась в связи с указом от октября 1550 г. о наделении поместьями тысячи «лучших слуг». Несмотря на публикацию до революции работы Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева о тысячниках остается непонятным, кого именно записали в Тысячную книгу, представителей Двора или не только дворовых, были ли тысячники наделены подмосковными

поместьями? Цифра в 1071 человек, включая помещиков Северо-Запада, записанных в Тысячную книгу, выглядит вполне реалистичной для состава Двора середины XVI в., если предположить, что весь его состав не превышал 1,5 тысячи человек и большинство его представителей к 1550 г. не имело подмосковных поместий. Что касается Дворовой тетради, то опять же не совсем понятно, кто в нее внесен, какова цель составления этого делопроизводственного документа. Большинство исследователей согласились с датировкой А. А. Зимина, предположившего, что Дворовая тетрадь 1550-х гг. была составлена в 1550/1551 г. и завершена в 1560/1561 г. Однако мной были высказаны сомнения в данной датировке и уточнено время составления Дворовой тетради осенью 1553 – началом 1554 г., а завершение 1560 г. Черновые материалы Дворовой тетради восходят к 1551/1552 гг., а, возможно, и к более раннему времени. Источник был действующим до 1560/1561 гг. Небольшая редакторская работа имела место даже в начале 1570-х гг. Количество записанных в источник лиц (4357 человек, без повторов 4143 лиц) заставляет усомниться к принадлежности их всех к Государеву двору. Такая цифра характерна для Двора только второй четверти XVII в. В Дворовую тетрадь были внесены не только члены Двора, но и городовые дети боярские, недоросли, которых в дальнейшем предполагалось призвать на государеву службу. Поэтому Дворовую тетрадь нельзя назвать источником по учету состава Государева двора середины XVI в. Особенности Дворовой тетради как делопроизводственного документа позволяют сделать предположение о создании этого источника с целью дальнейшего пополнения Двора новыми лицами не только из числа дворовых, но и городских детей боярских. Все записанные в источник землевладельцы представляли собой резерв для призыва на дворовую службу. В этом смысле появление Дворовой тетради можно рассматривать как одну из реформ Избранной рады.

Тысячная книга и Дворовая тетрадь — это уникальные по своему составу и полноте источники. Однако сами по себе сведения в них о служилых людях, тысячниках и дворовых, нуждаются в существенном дополнении за счет других источников. Акты позволяют реконструировать объем вотчинного землевладения, родственные связи контрагентов сделок, узнать соседей и близких друзей завещателей и продавцов имений. Но акты дошли до нас далеко не в полном виде. Большинство актовых материалов распылено по различным архивам Петербурга, Москвы и других городов. До сих пор не опубликованы в полном объеме копиянные книги Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей, крупнейших духовных феодалов России XVI в. А. В. Антоновым готовится к изданию подробный указатель к Грамотам коллегии экономии, поскольку Обзоры ГКЭ С. Шу-

макова являются неполными и выборочными подборками актов различных монастырей далеко не по всем уездам Русского государства. Большое значение для реконструкции землевладения членов Двора имеют извлеченные А. В. Антоновым из столбцов Поместного приказа XVII в., а также из родословных росписей Разрядного приказа и Герольдмейстерской канторы светские акты. Однако и они сохранились далеко не полностью. Мы имеем дело с одной десятой частью уцелевших документов.

Наконец нужно подчеркнуть большие трудности по реконструкции родословных дворянских родов. Основной массив этих источников находится в РГАДА, а также в РГИА. Копии родословных росписей различных московских и петербургских архивов, которые готовили к печати В. В. Руммель и Н. В. Мятлев, хранятся в архиве СПбИИ РАН. Несмотря на подачу представителями многих служилых фамилий своих родословных в Палату родословных дел при Разрядном приказе в конце XVII в., публикацию Н. И. Новиковым Бархатной книги в 1787 г., далеко не все фамилии служилых землевладельцев известны своими поколенными росписями. Из 700 родов и фамилий, входивших в Государев двор в 1550–первой половине 1560-х гг., есть росписи только 300 фамилий, о 400 фамилиях ничего не известно. Приходится реконструировать их происхождение и родословия на основе актового материала, писцовых и копийных книг.

Studying the staff of the Czar court of Ivan the Terrible in the 1550s – first half of the 1560s

Studying the staff of the Czar court of the Russia in middle of the XVI century rests against a problem of a representativeness of sources. The main sources on studying of structure of the Monarchic yard can be divided into the following types: assembly materials, office work land documents of a mass statistical property (*pistsovye, mezhevye* and boundary books), office work materials of government agencies (digit, ambassadorial and genealogical books, seigniorial lists and seigniorial books, *desyatni*, the Thousand book (*Tysyachnaya kniga*) of 1550 and the *Dvorovaya tetrad*, *mestnichesky* memories and judicial proceedings, supplementary and fodder books of monasteries, *sinodiki*), narrative sources (chronicles, compositions of contemporaries, notes of foreigners), archaeological sources (gravestones, inscriptions on gravestones of cathedrals and monasteries). Each type of sources contains valuable information about representatives of the Czar court, but thus demands the critical attitude towards.

In more or less full volume by the present moment the main sources on service of representatives of the Czar court are published: digit books (including the category of the Polotsk campaign of 1563), seigniorial lists of the second half of the XVI century, ambassadorial books (except books with the Crimea for

1550 beginning of the 1560th). Almost all pistsovye descriptions for the second half of the XVI century are published (except the pistsovaya book on the Maloyaroslavets). It is published chronicles of the XVI century, a note about Russia foreigners. Also at the disposal of researchers there are supplementary and fodder books of the largest monasteries. Something is published from material sources. On number of tombs of feudal lords and the remained gravestones monasteries are the richest Troitse-Sergiyev and Moscow Novospassky monasteries. However there are documents on stories of sluzhily surnames (both published, and unpublished) which research is still far from end.

The Thousand book of 1550 and Dvorovaya tetrad of the 1550th are the major sources on stories of the Czar court of the middle of the XVI century. The Thousand book appeared in connection with the decree of October, 1550 about investment with one thousand estates of "the best servants". Despite the publication before revolution of work of N. P. Likhachev and N. V. Myatlev about tsysyachniki, remains unclear whom exactly wrote down in the Thousand book, representatives of the Yard or not only domestic, whether tsysyachniki were allocated with estates situated near Moscow? The figure in 1071 of people, including the landowners of the North West who have been written down in the Thousand book, looks quite realistic for structure of the Czar court of the middle of the XVI century if to assume that all its structure didn't exceed 1,5 thousand people and the majority of his representatives by 1550 had no estates situated near Moscow. As for the Dvorovaya tetrad, besides it isn't absolutely clear who is brought in it, what purpose of drawing up this office work document. The majority of researchers agreed with A. A. Zimin's who has assumed dating that the Dvorovaya tetrad of the 1550th was made in 1550/1551 and is complete in 1560/1561. However I stated doubts in this dating and time of drawing up the Dvorovaya tetrad in the fall 1553 – the beginning of 1554, and end of 1560 is specified. Draft materials of the Dvorovaya tetrad go back by 1551/1552, and, probably, and to earlier time. The source was operating till 1560/1561. Small editorial work took place even at the beginning of the 70th of the XVI century. The number of the faces written down in a source (4357 people, without re-broadcast of 4143 persons) forces to doubt to accessory all of them to the Monarchic yard. Such figure is characteristic for the Court of only the second quarter of the XVII century. In the Dvorovaya tetrad were brought not only members of the Yard, but also policemen children seigniorial, greenhorns who were supposed to be called further on monarchic service. Therefore it is impossible to call the Dvorovaya tetrad a source according to the accounting of structure of the Czar court of the middle of the XVI century. Features of the Dvorovaya tetrad as office work document allow to make the assumption of creation of this source for the purpose of further replenishment of the Yard by new faces not

only from among domestic, but also policemen of children seigniorial. All land owners written down in a source represented a reserve for an appeal on domestic service. In this sense the Dvorovaya tetrad can be considered as one of reforms of the Chosen council.

The Thousand book and Dvorovaya tetrad is unique on the structure and completeness sources. However in itself data in them about sluzhilye people and domestic, need essential addition at the expense of other sources. Acts allow to reconstruct the volume of patrimonial land tenure, related communications of contractors of transactions, to recognize neighbors and close friends of testators and sellers of manors. But acts reached us far not in a full look. The majority of assembly materials is sprayed on various archives of Petersburg, Moscow and other cities. Still *kopiynye* books of St. Trinity-Sergij and Cyrill-Beloozero monasteries, the largest spiritual feudal lords of Russia, aren't published. A. V. Antonov prepares for the edition the detailed index to Gramoty kollegii Ekonomii, as Reviews of GKE of S. Shumakov are incomplete and selective selections of acts of various monasteries far not on all districts of the Russian state. Great value for reconstruction of land tenure of members of the Yard the taken A. V. Antonov from stolbtsy of the *Pomestnyi prikaz* of the XVII century, and also from genealogical lists of the *Razryadnyi prikaz* and Geroldmeystersky kontora has secular acts. However and they remained far not completely. We deal with the one tenth part of the escaped documents.

At last it is necessary to emphasize great difficulties on reconstruction of genealogical noble childbirth. The main massif of these sources is in RGADA, and also in RGIA. Copies of genealogical lists of various Moscow and Petersburg archives which prepared press V. V. Rummel and N. V. Myatlev, are stored in the archive of SPb History institute. Despite giving by representatives of many noblemen surnames of the family trees in Palata Rodoslovnih del at the end of the XVII century, N. I. Novikov publication of the Barhatnaya kniga in 1787, not all surnames of landowners are known for the generation lists. From 700 childbirth and the surnames entering into Czar court in the 1550—first half of the 1560th, there are lists only 300 surnames, about 400 surnames it isn't known. It is necessary to reconstruct their origin and rodosloviya on the basis of an assembly material, pistsovye and kopiynye books.

Владимир Успенский
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Государев двор во второй пол. XVI в. как социальная сеть: предложение метода

Анализ социальных сетей (Social Network Analysis) — сравнительное новый для средневековых историков метод. В самом общем виде анализ

социальных сетей рассматривает социальную реальность с точки зрения «теории сетей», в которой сеть понимается как совокупность узлов (nodes) — участников исторического процесса — и связей (ties), которые представляют собой отношения между «узлами», такие как дружба, родство, служба, деловые отношения, сексуальные отношения и т.д. Такие сети могут быть визуализированы в виде диаграмм, где узлы представлены в виде точек, а связи — в виде линий.

Одним из первых громких заявлений в области анализа социальных сетей в средневековой истории стали работы экономического историка и политолога Джона Пэджетта о социальной и экономической организации Флоренции эпохи Ренессанса, написанные в 1990-х гг. Успех работ Пэджетта, сохраняющей статус классики в области сетевых исследований раннего Нового времени, можно объяснить не только новым подходом к социальной истории, но и совершенно нетипичным для последней исследовательским вопросом: за интересом к истории структур и отношений, понятным для социальной истории, у Пэджетта кроется провокационный вопрос: «каким образом Медичи пришли к власти во Флоренции?». Социальная история с данным случае предлагает каузальное объяснение.

Из всех проектов по средневековой истории, в которых применяется анализ социальных сетей, известных мне на настоящий момент, можно выделить три категории, в которых методика, как кажется, применяется наиболее плодотворно. Это исследования торговых связей и картографирование экономических взаимодействий, исследования интеллектуальных сетей или распространения идей (к которым примыкают исследования сетей корреспонденции), и, собственно, исследования, использующие сетевой анализ для понимания того, как работает средневековое общество.

Для этой последней категории одной из самых серьезных и недооцененных проблем остается разработка самого базового концепта теории — понятия связи. До самого последнего времени по сути единственным методологическим требованием к исследователю было соблюдение принципа гомогенности изучаемых связей: недопустимо в одной и той же сети использовать, например, дружескую связь и финансовые отношения. Сами связи понимались как некие постоянные отношения между субъектами социальной реальности. Проблема, с которой столкнулись историки, оказалась сложнее: не вполне ясна сама природа связи как структурного элемента. Источники заставляют историков задаваться такими вопросами, как, например, наличие связи между двумя крестьянами, упоминаемыми в одном и том же финансовом документе или дворянами, воевавшими в одном и том же полку, т.е. задуматься над природой связей ситуативных и, возможно, случайных. Что мы понимаем под связью в таких случаях и

насколько валидно такое понимание? В значительной степени именно распространение исторических исследований с применением методики анализа социальных сетей в 2000-х гг. привело к появлению «ситуативного» понимания связи: так, например, в работе об общине в Византийском Египте (единственном пока исследовании социальных сетей в средневековье монографического уровня) Джованни Руффини строит связи из совместных упоминаний крестьян в документах, исключая из их числа такие, где упоминание происходит всего однажды (т.е. если две персоны оказываются упомянуты совместно в двух документах и более, постулируется гипотетическая связь между ними).

Что в теории социальных сетей может оказаться полезным для изучения отечественного средневековья и, в частности, служилой корпорации?

Вплоть до настоящего времени структуру служилой корпорации историки представляют в институциональном ключе, вслед за изменениями иерархий в официальных документах меняется и структура: от первых попыток стратификации (статей Тысячной книги, князей и детей боярских дворовых Дворовой тетради) до «классической» структуры московских и городских чинов. Как представляется, анализ социальных сетей может дополнить такое институциональное понимание иерархий.

В условиях очевидной нехватки источников личного происхождения существует, как кажется, всего два способа представить традиционные связи в социальной структуре служилой корпорации: это родственные связи (из которых, по понятным источниковым причинам, почти полностью исключаются отношения свойства) и, с некоторым допущением, соседские. Конечно, подобные сети, возможно, любопытные для визуализации служилой географии, мало что могут поведать о социальной структуре. Внутренние связи, патрон-клиентские отношения в XVI в. реконструируются только намеками или вообще угадываются интуитивно. То же касается придворных «партий» — возможно, одной из самых интересных тем политической истории России в XVI в (например, борьбы придворных группировок в малолетство Ивана IV и после смерти Ивана IV). Возможные выходы из этой ситуации — событийное или ситуационное понимание связи и соответствующих подход к формированию сети.

Мне представляется, что разрядная документация предоставляет возможности для анализа ситуативных связей внутри Государева двора. В качестве гипотезы при этом принимается допущение, что два и более совместных назначения одних и тех же лиц означают наличие связи (в ряде случаев это удастся проверить, наложив сеть родственных или соседских связей, но это удастся далеко не всегда).

Визуализируем ли мы при этом какие-то отношения внутри служилой корпорации или логику работы разрядных дьяков, дающих совместные назначения людям, уже служившим вместе? Для ответа на этот вопрос можно попытаться сравнить две синхронные сети: опричный, а позднее т.н. особый двор Ивана IV и земский двор.

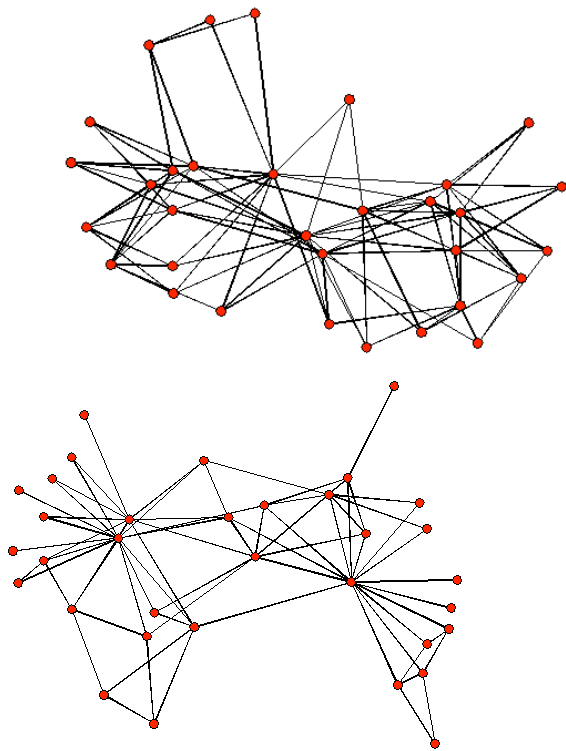

Рис. 1. Основные связи земского (слева) и опричного (справа) дворов в 1566–1570 гг. Для упрощения схемы вместо персоналий на месте «узлов» фамилии с наибольшим количеством связей.

Отличия значительны: по ключевым количественным показателям, характеризующим социальные сети, опричный двор обладает более централизованной, но менее плотной и компактной структурой: количество связей между персонами в среднем значительно меньше (1,73 против 3,74), количество переходов «от периферии к центру» сети больше (в среднем 4,76 против 2,52). Такие наблюдения позволяют сделать осторожный вывод о качественных структурных отличиях, не объясняющихся «делопроизводственными» процедурами.

Наивно было бы полагать, что все повторяющиеся совместные назначения сигнализируют о патрон-клиентских отношениях. Вопрос о природе обнаруженных связей чрезвычайно запутан и требует специального изучения.

The Royal Court in the 16th century as a Social Network: the possibilities of methodological approach.

Social Network Analysis is a relatively new method for medieval historians. According to the most common definition, Social Network Analysis examines the social reality in terms of "network theory", in which the network is understood as a set of nodes — members of the historical process — and ties, which represent the relationships between the nodes such as friendship, kinship, service, business relations etc. Such networks can be visualized in the form of diagrams, where the nodes are represented as points and ties are represented as lines.

One of the first high-profile applications of social network analysis in the field of medieval history were the works of the economic historian and political scientist John Padgett on social and economic organization of Renaissance Florence, published in the 1990s. The success of the Padgett's work, which keep the status of classics in the field of network studies of Medieval and Early Modern times, can be explained not only by his use of a relatively new approach to social history, but by quite atypical for the social history research question: "How did the Medici come to power in Florence?". Social history in this case suggests a causal explanation.

Of all the projects on medieval history, which use the Social Network Analysis, known to me at the moment, there are three categories in which the technique seems to be applied in the most fruitful way. These are the studies of trade relations and economic interactions mapping, quantitative researches in intellectual history or and mapping of ideas diffusion (which are flanked by the study of networks of correspondence), and researches using network analysis to understand how the medieval society was composed and structured (which use social network analysis in the most basic sense).

For this last category one of the most serious and underrated problem is the development of the basic concept of the theory — the concept of communication. Until very recently, in fact the only methodological requirement of the researcher was the principle of homogeneity of the studied relationships: for example, for obvious reasons friendly relations and financial relations are not valid in the same network. Bonds themselves are understood as a kind of permanent relationship between the subjects of social reality. The problem faced by historians was more complex: the very nature of tie as a structural element it is not al-

ways clear. Sources force historians to ask such questions as, for example, if there was a link between two peasants mentioned in the same financial instrument or nobles, who fought in the same regiment. Therefore historians are forced to reflect on the nature of links, which are situational (probably even random). What do we mean by communication in such cases and how valid is this understanding? To a large extent, it is the spread of historical research using the method of SNA in the 2000s. that has led to the emergence of "situational" understanding of the relationship: for example, in the work on the Aphrodito community in Byzantine Egypt (this far the only study of social networks in the Middle Ages at monographic level) Giovanni Ruffini builds ties of joint mentions of farmers in the documents, except when reference occurs only once (if two persons are mentioned together in the two or more documents, is postulated hypothetical relationship between them).

How the theory of social networks may be useful for the study of Russian Middle Ages and, in particular, the service-men class?

Until now, the structure of the service-men class was understood by historians largely in an institutional manner, following the hierarchy changes in official, from the first attempts of stratification to the "classical" structure of 'chiny moskovskiy i gorodovye'. It seems that Social Network Analysis can complement such institutional understanding of hierarchies.

With the apparent lack of sources of personal origin, it seems there are only two ways to present traditional ties in the social structure of the serving corporations: the ties of kinship (of which, for obvious reasons, are almost completely eliminated the relations of marriage) and, with some assumptions, the neighbor networks. Of course, such networks might be interesting to visualize the geography of the serving elite, but there is hardly something they can tell us about the social structure. Internal communications, patron-client relations in the 16th century are reconstructed only with some hints or even guessed intuitively. The same applies to the Court "parties" — perhaps one of the most interesting topics of the political history of Russia in the 16th century (for example, the Court groups in the infancy of Ivan IV, and after the death of Ivan IV). Possible ways out of this situation — the event-driven or situational understanding and communication and a relevant approach to the network research.

It seems to me that the service documentation ('razryad') — provides the ability to analyze situational ties within the Czar's court. As a hypothesis it is assumed that two or more joint service appointments mean an association of persons (in some cases it is possible to check it by looking up in a network of family or neighborhood ties, but it is not always possible).

Do we visualize some kind of actual relationships within the serving corporations, or just the logic of the clerks or the *razryad*, giving joint appointments to

the people who have already served together? To answer this question, we can try to compare the two synchronous networks: *Oprichnina* , later called the “Special” Court of Ivan IV and *Zemshina*.

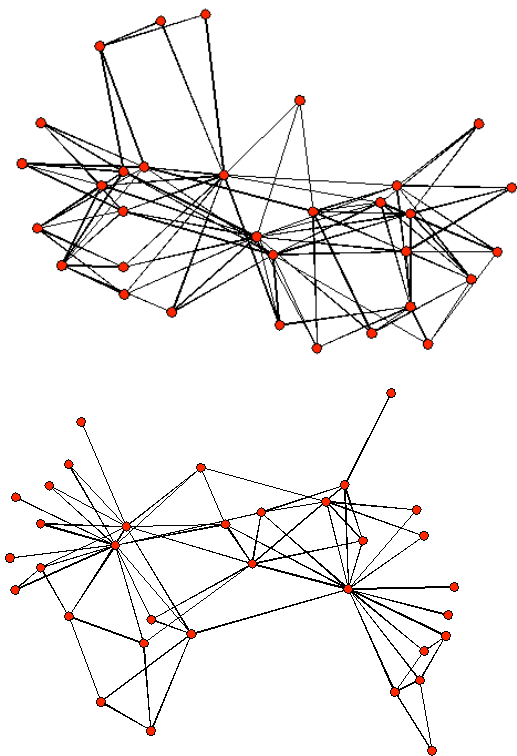

Fig. 1. The main links of zemsky (left) and oprichniy (right) courts in the years 1566–1570 . To simplify the scheme, instead of personalities the families with the most links are placed as nodes.

The differences are significant : the key quantitative indicators characterizing social networks, oprichnina yard has a more centralized, but less dense and compact structure: the number of links between persons on average, significantly lower (1.73 vs. 3.74), the number of transitions from the periphery to the center in the *orprichniy* Court network is significant larger (average 4.76 to 2.52). These observations lead to the cautious conclusion that the quality of the structural differences can not be explained by the "bureaucratic" procedures.

It would be naive to believe that all of the repetitive joint appointments give signal about the patron-client relationships. The question of the nature of these relationships is extremely confusing and requires a special study.

Наталья Рыбалко

Волгоградский государственный университет.

Дьяки и подьячие Смутного времени: опыт просопографического исследования

Метод просопографии может стать незаменимым там, где существует проблема полноты информации об общественных явлениях вследствие ограниченности источниковой базы. Практическое применение метода просопографии и обобщение накопленного опыта позволил исследователям теоретизировать его главные принципы и условия:

- 1) принцип типического отбора;
- 2) однотипность вопросов для большинства членов группы;
- 3) в процессе обобщений и распространения результатов исследования большинства членов на оставшееся меньшинство необходимо доказать элемент случайности и вероятную степень достоверности;
- 4) следует учитывать, что все показатели могут изменяться во времени;
- 5) для интерпретации данных в процессе сравнения необходимо учитывать процентное соотношение показателей, а не численное;
- 6) метод лучше всего работает, если применять его к относительно небольшой определяемой группе лиц с ограничением во времени, не превышающим 100 лет¹.

Для исследования аппарата центрального управления периода Смуты был определен отрезок времени в 15 лет в соответствии со сменой верховной власти с 1598 до 1613 г. В свою очередь в данном периоде выделены группы приказных служащих, относящиеся к периодам правления Б. Годунова, Лжедмитрия I, В. Шуйского, самозванческому режиму Лжедмитрия II, боярскому правительству в междуцарствие, правительствам при Первом, Втором и Соединенном ополчениях.

К настоящему моменту реконструировано более 700 биографий дьяков и подьячих Москвы и городов². Установлено, что одновременно функцио-

¹ Stone L. Prosopography // Gilbert F., Graubard S.R. Historical studies today. New York, 1972. P. 119 – 130; Гиндилис Н. Я. Просопография в науковедении 80-х г. // Метафизика и идеология в истории естествознания. М., 1994. С. 142.

² Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011.

нировало около 30 московских приказов, где служили одновременно около 80 дьяков. Биографии представляют собой преимущественно указания на места службы приказных людей, так как их подписи и упоминания имен содержатся в многочисленных актах. Это позволило выяснить персональный состав учреждений, распределив дьяков и подьячих по приказам, приказным и воеводским избам городов. Далее прослеживаются их карьерные продвижения.

Сведения о датах рождения отсутствуют, иногда можно зафиксировать информацию о дате смерти. Кроме этого имеется информация о социальном происхождении ряда дьяков и подьячих, родственных связях, денежных и поместных окладах.

Для дальнейшего анализа собранной информации необходимо было разделить служащих на более дробные однородные группы.

- 1) дьяки, никогда не служившие в подьячих;
- 2) подьячие, никогда не служившие в дьяках;
- 3) дьяки, начавшие свою карьеру подьячими и т.д.

Сразу же мы сталкиваемся с двумя объективными проблемами.

Проблема 1. Состояние источниковой базы. Из-за небрежного хранения и многочисленных пожаров утрачены многие материалы делопроизводства московских приказов и архивы приказных изб городов. *Необходимо проводить реконструкцию архивных комплексов.*

Проблема 2. Особенность делопроизводства. Отсутствуют документы сводного биографического характера о приказных служащих. В нашем распоряжении лишь отрывочные боярские списки и многочисленные акты, редко нарратив, сведения из которых черпаются путем сплошного просмотра и сопоставительной проверки на точность и достоверность. *Необходимы большие затраты во времени и/или коллективная работа.*

Проблема 3. Полнота сведений. В результате собранные по группам сведения отличаются разной степенью полноты информации. Биографии наиболее известных дьяков восстанавливаются достаточно подробно, а о некоторых служащих сохранились порой лишь единичные упоминания. На определенном этапе работы была предпринята попытка воспользоваться количественными методами, в частности, выборочным методом статистического исследования. Однако данный метод положительного результата не дал. При подсчете средней продолжительности службы приказных людей была выделена выборочная совокупность, но количественный диапазон оказался слишком большим и варьировал от 3 до 46 лет. В итоге средняя продолжительность по подсчетам составила 15–16 лет, хотя чаще всего приказная служба становилась для людей родом их занятий в течение всей жизни. Выводом стало то, что применение количественных мето-

дов в данном случае нецелесообразно ввиду слишком малой генеральной совокупности.

Перспективы. Просопографический проект нужен!

1) База должна быть доступной (сеть Интернет) и иметь жизнеспособность (возможность постоянного пополнения).

2) Для признания биографического факта достоверным необходима его оценка, а не просто механическое извлечение из документа.

3) Все добавления в биографию должны быть авторскими и иметь дату.

4) Вопрос финансирования проекта (так как у основных исполнителей будет уходить на это много личного времени).

5) Сбор биографий для метода просопографии — это только половина работы. Главное — аналитическая обработка! То есть, возможность нажать одну кнопку и получить график или аналитический обзор за секунду, не перебирая часами бумажные карточки в картотеке. Нужна **продуманная** база и хорошие программисты!

6) Попытки создания такой базы мне известны (РГАДА и ВолГУ (И.О.Тюменцев)), но развития не получили. В настоящее время работа в этом направлении возобновляется в ВолГУ совместно со студентами и преподавателями математического факультета.

Clerks and servers in the Time of Troubles: Experience of prosopographic research

Prosopography method can be an indispensable when there is the problem of completeness of information about public events because of the limited source base. Practical application of the method of prosopography and generalization of experience allowed the researchers to theorize its main principles and conditions:

1) the principle of the typical selection;

2) the uniformity of questions for most of the members of group;

3) it is necessary to prove an element of chance and the probable degree of accuracy in the process of generalization and dissemination of research results for the majority of the remaining minority;

4) it should be noted that all indicators can vary over time;

5) we should take into account parity of indicators per cent not quantity for the interpretation of database of in the comparison;

6) the method works best if we apply it to a relatively small group of determined individuals with a time limit not exceeding 100 years.

We took a time span of 15 years for the study of the central governance apparatus in the Time of Troubles, from 1598 to 1613. We have allocated groups of clerks who worked in the reign of Boris Godunov, False Dmitry I, V. Shum-

sky at False Dmitry II, with Seven Boyars, in the governments of the First, Second, and the United militias.

To date, more than 700 biographies of clerks and assistant clerks of Moscow and cities reconstructed. Found that around 30 Moscow institutions functioned simultaneously, about 80 clerks were there at the same time. Biographies mainly contain indication of clerks' duty station, as their signatures and names contained in numerous acts. It is possible to elucidate the personal staff of institutions, having distributed clerks and servers by duty station.

Information about the dates of birth are not available, sometimes you can simply record information about the date of death. In addition there is information about the social origins of a number of clerks and assistant clerks, family relationships, wages and land grants.

For further analysis of the information we needed to divide the officials at a fractional homogeneous groups.

- 1) clerks, never served in assistant clerks;
- 2) assistant clerks, never served in clerks;
- 3) clerks, who began his career in assistant clerks, etc.

Immediately we are faced with two objective problems.

Problem 1. The state of the source base. Due to careless storage and numerous fires, many materials have been lost in the archives in Moscow and cities over time. Necessary to carry out the reconstruction of archival systems.

Problem 2. The peculiarity of office. At the time, no one was documents containing biographies of the clerks. We have only fragmentary lists of knights and numerous acts rarely narrative. Data are scooped by the overall reading with comparative testing for accuracy and reliability. This job requires a lot of time.

Problem 3. The completeness of the information. As a result information collected bit by bit, has a different completeness. Biographies of the most famous clerks recovered in sufficient detail. Often we are dealing only with individual references. At a certain time an attempt was made to use quantitative methods, in particular, selective method of statistical research. However, this method does not give positive results.

Prospects. We need prosopographic base!

1) The base should be accessible (Internet) and have a viability (the ability to continually increase).

2) It is necessary to assess the degree of reliability of facts before mechanically removing it from the document and placed in the base.

3) All additions to the biography should have the date and author.

4) The question of financing the project (because the principal investigators will spend a lot of personal time to work with the database).

5) The collection of biographies for the method of prosopography — is only half the job. The main thing — Analytical Processing! That is, we should be able to click a button and get a graph or analytical review of a second, do not spend hours going over paper cards in the card file. We need a well thought-out base and good programmers!

6) Attempts to create such a database known to me (RGADA and Volgograd (I.O.Tyumentsev)), but they never developed. Currently, the work in this direction is resumed in Volgograd with students and faculty, Faculty of Mathematics together.

Андрей Беляков

Рязанский филиал Московского психолого-социального института

Возможности метода просопографии при исследовании служилых татар в России XV–XVII вв.

Несмотря на то, что за последние годы проведена большая работа по изучению истории служилых татар в России, сделать в этом направлении предстоит еще очень много¹. Главной и вполне типичной для отечественной истории проблемой здесь следует признать явный недостаток источников. При этом если по «мирзинским» родам определенная информация еще имеется, то по «казацким» (рядовые служилые татары) она практически отсутствует. Данное наблюдение справедливо по отношению к XVII, и тем более ко второй половине XVI в. Что касается более раннего периода, то в нашем распоряжении имеются только отдельные упоминания. Этот факт ставит перед исследователями дополнительные трудности при изучении данной группы служилых людей. При этом изучение роли и значения служилых мирз целесообразно разбивать на два этапа.

¹ На настоящий момент мы можем привести пример только одного пропосографического исследования по служилым татарам (Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: пропосографическое исследование. Рязань, 2011). Однако отдельные авторы (М. М. Акчурина, И. Р. Габдуллин) также проводят большую исследовательскую работу, которая в конечном итоге может вывести нас на некие обобщения по истории формирования и развития данной категории населения в регионе Мещеры. Следует признать вполне перспективным подход предложенный И. Р. Габдуллиным по привязке тот или иного рода к конкретным уездам, городам и даже селам и деревням, а также указания смены места жительства. Показательно, что по нашим наблюдениям даже в начале XXI в. в регионе Мещеры целый ряд родов сохранил привязку к тем или иным сельским населенным пунктам известную еще в XVII–XVIII в. (Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006).

Первый должен включать исследование истории отдельных родов. Он подразумевает выявление всех представителей конкретного рода, особенности заключения браков, историю их землевладения, службы и изменение служилого статуса (поместный оклад и годовое денежное жалование, пожалование мордовскими баляками и др.). На этом этапе возможно заполнение значительного числа информационных лакун по целому ряду представителей рода, информация о которых носит случайный характер. Благодаря этому мы можем выявить основные тенденции в истории семьи на протяжении одного—двух веков.

Второй этап — это сравнительный анализ историй отдельных родов. При этом мы опять-таки имеем возможность с высокой долей достоверности реконструировать историю тех родов, по которым известны только отдельные документы.

Однако подобный подход оправдывает себя только при наличии относительно полных комплексов документов. А таковыми может похвастаться только регион Мещеры и отчасти Романов. По другим территориям мы, как правило, имеем только отдельные упоминания, зачастую не связанные между собой. В подобной ситуации можно предложить только одно решение — создание баз данных, в которых должны фиксироваться все упоминания данных категорий населения по отдельным территориям и эпохам. При этом данная работа не может быть проведена одним человеком. Здесь следует признать более чем актуальным предложение А. А. Селина по созданию единой базы данных служилым людям северо-запада Московского государства рубежа XVI–XVII в. Это позволит совершить значительный прорыв в целом ряде направлений.

Приведем конкретный пример. Работа, проделанная на данный момент А. А. Селиным по выявлению служилых татар новгородчины, позволяет значительно скорректировать наши представления о некоторых, различных по своему значению, событиях в отечественной истории.

Так был обнаружен неизвестный ранее шурин ургенчского царевича Мухаммед-Кула б. Мухаммеда Ондагул мирза Маметев². Скорее всего это фиксация еще одного выезда ногайских мирз в Россию в конце XVI в. Сын Мухаммеда б. Исмаила (?).

² Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятины. 1611. 11.01 // Riksarkivet, Sweden. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 1:75. С. 659–663.

Важным следует признать бухарское происхождение Трофима Маметева³. Дело в том, что в окружении хана Кучума и его детей после потери ханства отмечено значительное количество сартов (выходцев из Средней Азии)⁴. Поэтому это, вполне возможно, один из плененных сподвижников последнего сибирского хана.

Однако самой значительной находкой на сегодняшний день следует признать установление имени сибирского карачи. В Новгородском уезде Воскресенском погосте в Лучинях в июле 1607 г. отмечено поместье Кащя карачина Маметева, который незадолго до этого получил часть поместья Сейтяка Сибирского⁵. Таким образом, нам становится известным имя карачи — Мухаммед — или же его родовое прозвище — Маметев. Тем самым следует признать ошибочным отождествление летописного карачи с джалаирцем Кадыр Али-беком⁶. Данный факт позволит значительно скорректировать многие представления о Сибирском царстве второй последней четверти XVI в. Теперь мы знаем, где следует искать татар Сейтяка Сибирского, и, возможно, сибирского карачи.

В свою очередь наши наблюдения позволят детальнее представить как проходило расселение служилых татар в Новгородском крае конца XVI – начале XVII вв.

³ Российский государственный архив древних актов (далее в сносках: РГАДА), Ф. 210. оп. 4. Д. 122. Л. 13 об.

⁴ *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 23.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 150 об.

⁶ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972. С.52–55, 95.

Facilities of prosopographical method in research of Serving Tatars in Russia XV–XVII centuries

Despite the fact that in recent years much has been done in studying the history of Serving Tatars in Russia, still very much should be done in this direction.¹ The main and typical problem for the national history should be recognized the lack of sources. And if there is certain information about “Mirza’s” clans, the information about “Cossack’s” clans (ordinary Serving Tatars) is nearly absent. This observation is right for the 17th century, and especially for the second half of the 16th century. With regard to the earlier period, we have only some single references. This fact poses additional problems for researcher to study this group of military people. It is expedient to divide the study of the role and importance of serving mirz in two stages.

The first one should include the study of the history of separate clans. The stage involves the identification of all representatives of a particular clan, features of marriages, the history of landowning, military service and changing the service status (local salary, annual cash salary and others). At this stage it is possible to fill a significant number of informational gaps for a number of representatives of the clan, the information about which is random. Thanks to this we can identify main trends in the history of the family for one or two centuries.

The second stage is a comparative analysis of histories of separate clans. And we also have an opportunity to reconstruct with a high degree of reliability the history of those clans, which are known only by separate documents.

However, this approach is justified only when there are relatively large complexes of documents. Only region of Meschera and partly Romanov have such complexes. As for other areas we usually have only some references, which are often unrelated. In this situation only one solution can be offered: to create databases, in which all references to these categories of the population will be recorded in separate territories and epochs. Such kind of work cannot be done by one person. Here must be recognized more than relevant the current proposal of

¹ Currently we can give the example of only one prosopographical research on Serving Tatars (*Belyakov A. V.* Чингисиды в России XV–XVII веков: пропосографическое исследование. Рязань, 2011). However some authors (M. M. Akchurin, I. R. Gabdullin) also carry out major research work, which can eventually lead us to some generalization in history of formation and development of this category of population in the region of Meschera. An approach for binding one or another clan to the concrete uyezd, city or even village offered by I. R. Gabdullin is quite promising. According to our observations a number of clans even in the beginning of the XXI century are connected with certain rural settlements known in the XVII–XVIII century in the region of Meschera. (*Gabdullin I. R.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006).

A. A. Selin for creation the united database of serving people of the North-West of the Moscow state in XVI–XVII century. It will allow to make a significant breakthrough in a number of ways.

We can give a concrete example. The work for identification Serving Tatars in Novgorod done by A.A. Selin can significantly modify our understanding of some events in Russian history.

Thus was discovered a previously unknown brother-in-law of the Prince of Urganch Mohammed Kula b. Mohammed Ondagul Mirza Mametev. Probably this is a fixation of other departure Nogai's mirs in Russia in late XVI century the son of Muhammad b. Ismail (?)

Bukhara's origin of Trofim Mametev should be recognized as important.² In Khan Kuchum's and his children's inner circle after losing khanate was a considerable number of Sarts (settled inhabitants of Central Asia)³. Therefore, it is quite possible that he is one of the captive companions of the last Siberian Khan.

However, the most significant discovery nowadays is identification of the name of Siberian karachi. In 1607 in Voskresensky pogost Novgorod district was recorded the estate of Kaschei karachi Mametev, who had received shortly before this a part of Seitak Siberian's estate⁴. Thus we know the name of Karachi — Mohammed — or his clan sobriquet — Mametev. So the identification of the annalistic karachi with Kadyr Ali Bey should be recognized mistaken⁵. This fact can help to adjust many ideas about the Siberian Kingdom of the second quarter of the 16th century. So we know, where to find Siberian Seitiak and probably Siberian karachi.

Our observations would allow to imagine more detailed how the resettlement of Serving Tatars was happening in Novgorod in the late 16th century and early 17th century.

² Russian State Archive of Ancient Acts (further in notes: RGADA), F. 210. Op. 4. №. 122. L. 13 об.

³ *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 23.

⁴ RGADA. F. 1209. D. 16662. L. 150 об.

⁵ *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С.52–55, 95.

Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек

История Казанского ханства и его противоборства с Русским государством знает много ярких личностей. Элита ханства «прославилась» как крайне неуживчивая, амбициозная и себялюбивая. Еще ханике Нур-Салтан, вышедшая замуж за Менгли-Гирей-хана после того как умер ее муж казанский хан Ибрахим, наставляла своих сыновей, будущих казанских ханов Мухаммед-Эмина и Абд ал-Летифа: «Казанская земля — злая». В знаменитом дастане «Шора-батыр» отец заклинал своего сына витязя Шору опасаться казанского хана и его беков. Любопытно, что такое настороженное отношение к казанцам сохранялось и в XVIII, и в XIX, и даже XX веках¹.

Подобное отношение во многом базировалось на факте непрерывной борьбы за власть среди казанской элиты. Позиция нобилей Казани была весьма не стойкой. Как пример приведем деятельность ширинского карачи-бека Пулада. Еще в начале 1519 г. он входил в состав казанского посольства, просившего дать на казанский престол Шах-Али. Затем, летописи молчат о нем вплоть до 1530 г., когда он входил в переговорную комиссию о прекращении артобстрела Казани и заключении перемирия. В 1531 г. вел секретные переговоры с Москвой о смещении Сафа-Гирея и, в итоге, возглавил переворот. В 1533 г. возглавил казанское правительство. В 1535 г. Пулад не просто участвует в перевороте, в результате которого погиб Джан-Али, а на самом деле был его инициатором: присылал к Сафа-Гирею грамоту и привел его в Казань, «утаив земли». Впрочем, «крымский роман» для карачи-бека не стал долгим. Уже в 1541 г. он вновь заигрывает с Москвой, начав переговоры о смещении Сафа-Гирея, а марте 1542 г. отсылал посольство о мире. В целом, эта практика частых присяг (шертования) в верности Русскому государству, а затем сложение их привело к тому, что в русский политический нарратив казанцы вошли как изменники. Однако реальность была сложнее. Среди знати ханства встречались не

¹ Ал-Кырыми считал казанцев склонными к колдовству и несправедным деяниям, Серай Шапшал, путешествуя по Турции в 1911 г., слышал мнение, что «татары крымские честны, а казанские — нет». (*Миргалеев И. М.* Сведения ал-Хадж ал-Гаффара Кырыми о Казанском ханстве// Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 97; *Зайцев И. В., Кизилов М. Б.* Путешествие Серая Шапшала по Турции в 1911 году// Восточный архив № 1 (27). 2013. С. 28).

только изворотливые политики, но честные патриоты и верные вассалы. Образцом честного казанского патриота, сторонника мирного сосуществования с Москвой был Табай-бек. Табай летом 1529 г. возглавлял казанское посольство в Москву о мире и урегулировании отношений. В тяжелые дни осады Казани в июне 1530 г. именно он был главой переговорной комиссии, ведшей переговоры о прекращении артобстрела Казани и заключении перемирия. В 1531 г. Табай вновь возглавляет посольство в Москву о мире, но Сафа-Гирей начал затягивать переговорный процесс. Подобное поведение хана крайне опечалило бека и поставило его в затруднительное положение. Русским переговорщикам он заявил, что Сафа «нас [послов — *М. М.*] забыл, а того не похотел, на чем мы зделали». Подобное поведение Табай объяснял, что хана окружают крымцы, ногаи и «тутошние лихие люди». Свою речь дипломат завершил следующим: «...тому ли быть царю на Казани или иного государь царя пожалует на Казань пошлет». Итак, позиция Табай-бека прозрачна. Сафа-Гирей нарушил план, выработанный казанской аристократией, ориентированной на заключение мирного договора с Россией. Именно это оттолкнуло его с единомышленниками от Сафа-Гирея. После нового переворота 25 сентября 1535 г., в результате которого Джан-Али был убит, а на престол возведен Сафа-Гирей, Табай ездил в Ногайскую Орду за женой Сафа-Гирея, дочерью Мамай. Исполнив эту миссию, бек в Казань не вернулся. В 1548 г. Табай-бек находился в России и возглавлял казанскую эмиграцию.

Особое место в этом ряду занимает Хосров-бек. Необходимо отметить, что русские источники вплоть до 1549 г. не фиксируют его участия в русско-казанских отношениях и борьбе за власть. Впервые его имя «всплывает» в послании бия Ногайской Орды Юсуфа, в котором он перечисляет казанцев сбежавших к нему. После этого русское правительство начинает переписку с этими эмигрантами. В грамоте Ивана IV Хосров-беку сообщается следующее. Крымцы, находившиеся в Казани, захотели его убить за то, что он «учал нам [великому князю — *М. М.*] служить». Тогда Хосров «ушел» из города, собрал людей и атаковал Казань, бился с крымцами, после чего ушел в Ногайскую Орду. Описанная ситуация имела место, скорее всего, после скоропостижной смерти Сафа-Гирея, когда его приближенным было необходимо решить вопрос о его наследнике. Кандидатура малолетнего сына Сафы — Утямыш-Гирея поначалу ими не рассматривалась. Как писал Юсуф: «...те бадраки, которые живут в Казани» отправили посольство в Крым «царя просити», которое было перехвачено ногаями. Позднее из Казани было направлено еще одно посольство. Впрочем, к тому времени ногаи перерезали пути сообщения с Крымом. Инициаторами приглашения крымского султана выступали Мамай-бек ширин, Енбарс-мирза Растов. Очевидно, именно этим планам воспротивился Хо-

сров-бек. Таким образом, его выступление мы можем отнести к зиме–весне 1549 г. В начале августа этого же года он оказался в Ногайской Орде. В сентябре 1549 г. Хосров покинул ногайские степи и отъехал в Москву². Возглавлял вместе с Табай-беком отряд казанских беков и мирз в известном походе на Казань зимой 1549/50 г.³. Известно, что Хосров входил в число советников, советовавших строить будущий Свияжск на Круглой горе на устье Свияги⁴. В апреле 1551 г. Хосров возглавил казанскую «диаспору», насчитывавшую к тому времени 500 человек. Говорить об этом позволяет тот факт, что именно он командует казанцами, входившими в состав судовой рати⁵. 12 августа 1551 г. входил в число сопровождающих Сююн-бике с сыном на пути из Свияжска в Москву, куда они прибыли 5 сентября⁶. Оставаясь в Москве, Хосров-бек принял активное участие в судьбе Казанского ханства. В ноябре 1551 г. опасаясь преследований со стороны Шах-Али он вместе с казанским карачи-беком Нур-Али ширином просил убежища в Москве для себя и своей семьи. В январе 1552 г. они совместно выступили с инициативой упразднения института ханства в Казани. Дальнейшая судьба Хосрова оказалась связана с Новгородом. В 1557 г. ханские села и земли казанских беков были конфискованы и даны в раздачу. После этого в Новгороде образовалась корпорация татар, которую возглавил наш герой. В 1557/58 г. Хосров принял участие в ливонском походе⁷. В 1563 г. принял участие в Полоцком походе, возглавляя группу татар сохранивших ислам⁸. Хосров имел поместье в Карачуницком и Ясенском погостах Шелонской пятины. Умер он не позднее 1572 г., так как именно тогда на владение этими землями получил взвозную грамоту его сын — Матвей, принявший православие⁹.

В целом, даже не смотря на скудость данных можно заметить, что лояльные представители знати покоренных ханств сохраняли свое положение

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 323. Ранее отъезд Хосрова в Москву датировал 1549 г. Р. Галлям (С. 24), но привлечение посольской книги позволило значительно уточнить эту дату.

³ Разрядная книга 1475–1598гг. / Подг. текста, введ. статья и ред. В. И. Буганова. М., 1966 (далее в сносках — РК). С. 123.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 162.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 163.

⁶ ПСРЛ. Т.13. С. 168.

⁷ РК. С.171.

⁸ Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 121, 122, 127.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 212 об.–214. Благодарю А. А. Селина за предоставленные сведения.

ние, не взирая ни на какие метаморфозы. Жизненный путь казанского Хосров-бека прекрасно иллюстрирует этот тезис.

Members of political elites conquered Tatar khanate in Russia second half of the XVI century: Khosrov Beg

History of the Khanate of Kazan and his confrontation with the Russian state knows many outstanding personalities. Elite Khanate "famous" as a very peevish, arrogant and selfish. Nur Sultan, who married Mengli Giray Khan after her husband died Kazan Khan Ibrahim, instructed his sons future Kazan khans Mohammed Amin and Abd al-Letif: "Kazan land — evil.". In the famous epos "Shora-warrior" father begged his son Knight Shora fear Kazan Khan and his lords. It is curious that such a cautious attitude Kazan citizens persisted in XVIII, and XIX, XX and even centuries.

This attitude is largely based on the fact that a continuous struggle for power among elites Kazan. Position nobles Kazan was not very stable. As an example we present the activities shirin's carachy-beg — Pulad. Back in early 1519 he was part of the Embassy of Kazan, who asked to give Kazan throne of Shah Ali. Then, chronicles are silent about it until 1530, when he go in into the conference committee on the cessation of the shelling of Kazan and armistice. In 1531 conducted secret negotiations with Moscow on the shift Safa Giray and, as a result, headed overturn. In 1533 he became head of the Kazan government. In 1535 Pulad initiates takeover, resulting in the death of Gian-Ali. However, «crimean affair» for carachy-beg's did not long. Yet in 1541 he negotiates with Moscow the displacement Safa-Girey. In general, the practice of frequent oaths allegiance to the Russian State and then denial vow resulted to the fact that the Russian political narrative Kazan entered as traitors. However, the reality was more complex. Khanate of nobility met not only dodgy politics, but honest patriots and loyal vassals. Kazan sample honest patriot, supporter of peaceful coexistence with Moscow was Tabai Beg and Khosrov Beg. It should be noted that the Russian sources up to 1549 do not record participation Khosrov Beg in the Russian-Kazan relations and the struggle for power. First his name appears the message Nogai Horde Yusuf Bey in which he lists Kazan escaped him. Thereafter Russian government begins a correspondence with these emigrants. In the charter of Ivan IV Khosrow Beg reported the following. Crimeans, in Kazan wanted to kill him for what he « began to serve us [grand duke — *M.M.*]». Then Khosrow fled the city, people gathered and attacked Kazan fought Crimeans, then went to the Nogai Horde. The situation described took place, most likely after the sudden death of Safa Giray, when his entourage was necessary to solve the question of his successor. Khosrow Beg was against the candidacy of Crimean Sultan. Winter and spring of 1549 Khosrow made against their opponents with arms. In September 1549 Khosrow Nogai steppe left and drove off in Mos-

cow. Headed with Tabai Bey squad Kazan bec's and mirza's famous campaign against Kazan in winter 1549/50. It is known that Khosrow was among the advisers advise Svijazhsk build a future on the Kruglaya Gora (Round the Mountain) at the mouth Sviyagi. In April 1551, led by Khosrow Kazan "diaspora", by that time, there were 500 people. August 12, 1551 was one of the accompanying Syuyun-Bike with his son on the way from Sviyazhsk to Moscow, where they arrived on September 5. Staying in Moscow, Khosrow Beg took an active part in the fate of the Khanate of Kazan. In November 1551 fearing persecution by the Shah-Ali, he and Kazan Karachi Beg Nur Ali Shirin sought asylum in Moscow for himself and his family. In January 1552 they jointly launched an initiative to abolish the Khanate of Kazan.

The further fate of Khosrow was associated with Novgorod. In 1557 Khan's village and the Kazan land lords were confiscated and distributed. Thereafter, in Novgorod formed corporation Tatars headed our hero. In 1557/58 Khosrow participated in the Livonian campaign. n 1563, he took part in the march Polotsk, heading a group of Tatars preserved Islam. Khosrow had an estate in Karachunitskom and Yasenskaya pogost (churchyards) Shelonskoy pyatina. He died no later than 1572, as it was then on the possession of these lands was vvoznaya gramota his son — Matthew, adopted Orthodoxy¹.

In general, even though the paucity of it can be seen that loyal nobles subjugated khanates retained his position, despite anything to the metamorphosis. Life Khosrow Beg perfectly illustrates this thesis.

¹ RGADA. F. 1209. D. 16931. l. 212 об.–214. Special thank's for A.A. Selin for providing information.

«Зять» Грозного царя

Эта статья посвящена герцогу Магнусу Голштинскому (1540–1583), о котором автор написал диссертацию и выпустил книгу.¹ Как известно, герцог Магнус в 1560 г. стал одним из правителей Ливонии — вначале под протекторатом Дании, а с 1570 до 1577 г. как голдовник Ивана Грозного был номинальным королем Ливонии. В историографии эту фигуру принято либо игнорировать, либо изображать подчеркнуто снисходительно и даже иронически. Более того, отношение к Магнусу в исторической литературе почти всегда было тенденциозным и предвзятым. Причина кроется во враждебном отношении к его персоне как современных ему хронистов, так и более поздних, главным образом, шведских и российских хронистов и историков, которые, естественно, рассматривали Магнуса как врага и предателя. К тому же, он был неудачником, принесшим поражение своим сторонникам, а историю, как мы знаем, пишут победители. Впрочем, если говорить объективно, Магнус выдающейся личностью, действительно, не был.

Однако если непредвзято, свежим взглядом рассмотреть даже те документы и свидетельства, которые обычно использовались при описании его личности и деяний, можно легко обнаружить, что оценки эти не совсем соответствуют истине. К тому же, в архивах Дании, Швеции, Эстонии и т.д. имеется намного больше документов, чем было принято использовать в историографии.² В том числе, сам Магнус несколько раз посылал своим

¹ *Adamson A.* Hertsog Magnus ja tema “Liivimaa kuningriik”. (Doktoritöö, Tallinna Ülikool, Ajaloo Instituut) Tallinn, 2009; Tallinna Ülikooli Kirjastus; *Adamson A.* Liivimaa kuningriik. Tallinn, 2013.

² Основная масса документов связанных с деятельностью Магнуса в Ливонии находятся в следующих архивах и фондах. В Датском госархиве: TKUA. Ausl. Reg. 1569–1571; TKUA. Livland A I:2. Breve til Dels med Bilag fra Hertug senere Kong Magnus af Ösel, Wiek og Kurland Stifter og Administrator af Reval Stift til Kong Frederik II og enkelte andre 1559–1578; TKUA. Livland A II:7. Akter og Dokumenter vedrørende det politiske Forhold til Livland 1560–1562 (1579); TKUA. Livland A II:9. Akter og Dokumenter vedrørende det politiske Forhold til Livland 1566–1571; TKUA Livland A III:21. Forskellige Akter og Dokumenter 1259–1569; TKUA. Speciel Del. Livland A III. Tillaeg nr. 3. 1560–1569 og udat. Den hertugelige Regering i Livlands Arkiv: Indkomne og udgaaede Breve samt andre Akter og Dokumenter; TKUA Livland. Tillaeg 1560 – Tillaeg 1563. В Таллиннском городском архиве: F 230, n 1, BP 7. Schreiben von Herzog Magnus 1560–1576.; F 230, n

родственникам довольно детальные рапорты о своих делах — разумеется, для самооправдания. Самый длинный из них³ занимает в публикации 27 страниц, а по времени полтора десятилетия. Главное же заключается в том, что глядя на Ливонскую войну сквозь биографию Магнуса, вся эта война предстает в совершенно ином свете и понимается по-новому.

В критические периоды своей карьеры (если рассматривать упрощенно) — в 1560, 1570–71, 1577–78 гг. — Магнус был относительно независим от своих сюзеренов (в разное время ими являлись король датский и норвежский Фредерик II, Иван Грозный и Стефан Баторий) — и старался проводить собственную политику с целью подчинить себе всю или большую часть Ливонии. Правда, почти все время пребывания Магнуса в Ливонии ему это не удавалось, и эту «независимость» следует понимать довольно относительно, так как свобода выбора Магнуса зависела от конкретной международной обстановки в каждый конкретный критический момент, а также от соотношения сил между Данией, Швецией, Польско-Литовским государством и Московией, между которыми ему приходилось лавировать. То есть, Магнус использовал все существующие возможности. Однако поскольку его сюзерены преследовали в Ливонии собственные интересы, стараясь держать ситуацию под своим контролем, а Магнус пережил множество политических поражений, становится понятно: долгое двадцатилетнее пребывание Магнуса в качестве серьезного претендента на власть в Ливонии было немыслимо без стоящих за ним весомых политических сил.

Эти силы далеко не всегда были внутрививонскими, они могли меняться и действительно менялись в течение времени. Характерным примером может служить конфронтация Магнуса с его братом, королем Фредериком, с которым они враждовали уже с детства, причем вражда была настолько острой, что брат месяцами даже не читал его официальных писем. Правда, Магнус опирался на поддержку их матери, вдовствующей королевы Доротеи. Однако после ее смерти в 1571 г. всяческая поддержка короля прекратилась, и позже Магнус пытался получить помощь от других родственников. Кроме того, он неоднократно обращался за поддержкой к королю Сигизмунду II Августу и старался заключить союз или сепаратный мир со шведскими королями Эриком XIV и Юханом III.

1, BP 3. Kopeibuch enthaltend Schreiben von Ferdinand I, Maximilian II, Hertzog Magnus, von Chursachsen, Churbrandenburg und Holstein an den Rat wegen des Moskow 1560–1577. В Шведском госархиве: Livonica I. Ordenmästarens arkiv 37: Hertig Magnus av Ösel papper.

³ Hertug Magnus af Holstens forsværsskrift af 1579 om hans forhold til Czar Ivan den Grusomme. Med F. P. Jensen – Danske Magazin. Ottende Række, Femte Bind (1975), S. 54–83.

Однако в Ливонии существовали также местные силы, на которые опирался Магнус и которые в свою очередь использовали Магнуса в своих интересах для проведения независимой от названных держав и сюзеренов политики. Возражение, что поддержка местного дворянства ландгерру, коим являлся Магнус, была естественной и закономерной, верно лишь отчасти. Ведь Магнус мог бы оставаться представителем исключительно датских интересов в Ливонии и никогда не идти против датской короны, несмотря на другие устремления местного дворянства.

В первой половине карьеры Магнуса (до 1570 г.) были периоды, когда его деятельность находилась под контролем датских королевских чиновников, а также периоды, когда он старался изменить это положение или когда упомянутый контроль ослабевал либо отсутствовал вообще. Как раз в это время ливонское окружение Магнуса пыталось проводить свою, более самостоятельную, часто несовпадающую с интересами Дании политику (особенно в 1560 г. и в 1570 г.). Но и сам Магнус, особенно в конце жизни, иногда старался реализовать собственные цели и амбиции, которые могли идти вразрез с интересами не только датской короны, но и местной элиты. Поэтому кто кого и как именно использовал, не всегда понятно.

По одной из моих первоначальных гипотез, Магнус опирался на ту часть дворян и бюргеров Ливонии, которые старались закончить непосильную для них войну с Россией с помощью компромисса — вначале стараясь использовать дипломатическую помощь Дании, а затем, при подходящей ситуации, с помощью прямой сделки с царём Иваном. Гипотеза это полностью подтвердилось архивными документами. В разное время Магнуса и его окружение поддерживали в этих устремлениях разные части (политические единицы), слои и группировки Ливонии, совсем в стороне оставались только бывшие орденские владения, расположенные южнее реки Даугавы, ставшие герцогством последнего магистра Готхарда Кетлера.

Затем в ходе моей работы на передний план выдвинулись новые проблемы и критические периоды: общий характер датско-российских отношений, международный фон создания «Ливонского королевства», детали и содержание соглашения, заключенного между Магнусом и Иваном Грозным в Москве в июне 1570 г.⁴, а также причины неудачи этого проекта в 1570–71 гг., анатомия его окончательного краха в 1577 г. и т.д. Благодаря этому исчезла опасность излишней «реабилитации» или идеализации самого Магнуса.

⁴ *Adamson A. Prelude to the birth of the “kingdom of Livonia” // Acta Historica Tallinnensia, 2009. T. 14. P. 31–61; Adamson A. Magnus in Moscow // Acta Historica Tallinnensia, 2011. T. 16. P. 67–85.*

Прибытие молодого герцога Магнуса в Ливонию в 1560 г., которого ожидали, кстати, уже с 1558 г., когда его буквально за пару недель перед захватом Тарту русскими войсками избрали коадьютором, т.е. наследником Тартуского епископа, было обусловлено как историческими и юридическими аргументами и амбициями Дании в Ливонии (точнее, на территории Эстонии), которые обострились в ходе разложения Ливонской конфедерации перед и вначале Ливонской войны, так и внутренними проблемами династии Ольденбургов, а также малочисленностью способов разрешения этих проблем после заключения Аугсбургского религиозного мира в Священной Римской империи, куда входила и Ливония, и конкретным развитием положения в Ливонии. Уже перед Ливонской войной стало понятно, что по разным причинам Ливония не в состоянии в одиночку воевать с Московией. Даже не «некая часть», а явное большинство ливонской элиты уже в начале войны видело разрешение кризиса не в самой войне, а в компромиссе с Московией при помощи некоей внешней силы. То есть внешней помощи искали не для ведения непосильной войны, а чтобы ее избежать, а позже — для ее окончания. Так как помощь Священной Римской империи, частью которой Ливония, повторяю, несомненно являлось, отпала, то реально опираться можно было только на соседей.

Если говорить очень упрощенно, то у ливонцев был выбор между двумя дворянскими республиками — Данией и Польско-Литовским государством (в Дании тогда и еще почти в течение столетия королей также выбирали) — и двумя деспотиями — Швецией и Московией (Швеция при королях Густаве Ваза, Эрике XIV, Юхане III, Сигизмунде III и Карле IX также была деспотией, хотя етрудно сравнить с Россией Ивана Грозного).

Предпочтения ливонцев выявились точно в таком же порядке, в том числе и по времени. К тому же Ольденбурги были немецкой династией, а в их государство-конгломерат входили и такие территории (герцогства и города), которые в то же время оставались частью Римской империи, да и чисто юридический выбор в пользу Дании был наиболее обоснованным. Ливонский ландтаг в Тарту в 1558 г. обратился за помощью именно к Дании, причем указывалось, что главной причиной стали традиционно хорошие отношения Дании и России (из-за общего противника, Швеции, разумеется) и тот факт, что границы государств соприкасаются только в Лаплонии, на Кольском полуострове, благодаря чему Дания и Московия никогда ранее между собой не воевали.

Этот шаг из-за излишней осторожности и медлительности датской стороны ни к чему не привел, но менее чем через два года Магнуса все же встречали в Ливонии с почти всеобщим энтузиазмом. Ему передали пост епископа Эзель-Викского (не само епископство, а только чин!). Сам он вскоре купил пост епископа Курляндского и формально также пост епи-

скопа Таллиннского — оба вопреки правам Ливонского ордена на назначение кандидатов на епископский пост. Оставаясь в стороне от войны с Россией, Магнус быстро упрочил свою власть и увеличил число сторонников, захватив некоторые орденские владения. На его сторону частично перешли орденские войска, а с самим Орденом началась вялая и локальная вооруженная борьба. В результате Орден пошел на компромисс, уступив Магнусу во всех спорных вопросах.

Однако довольно скоро русские войска совершили набег на владения Магнуса, которых ливонцы считали нейтральными. Так лопнули надежды ливонцев на скорый мир, принесенный Магнусом. Начались крестьянские восстания и солдатские бунты, за которыми последовал военнополитический и финансовый крах. Таллинн и рыцарство Северной Эстонии перешли под власть Швеции — единственного соседа, не воевавшего в тот момент с Россией. В результате с 1561 до 1566 г. Магнус, находящийся долгое время за пределами Ливонии, был подчинен датским королевским наместникам. Правда, и в этот период он иногда пытался вести более самостоятельную политику — расширить свою власть и доходы, оставаться в стороне от Северной семилетней войны, освободиться от опеки короля Фредерика, сблизиться с Польско-Литовским государством и новым герцогом Курляндским Готхардом Кетлером. Например, в 1565 г., несмотря на действующее в то время в Ливонии локальное перемирие между Данией и Швецией, он участвовал в попытке захвата гофлейтами Таллинна у шведов — не лично, но отправляя им на помощь свои курляндские отряды. Датские же наместники на острове Сааремаа в то время соблюдали перемирие. Окружение Магнуса, с момента его первого приезда в Ливонию, состояло почти из одних ливонцев. Автором сделан поименный анализ их состава, который по методу близок просопографии.

Дворянство Эзель-Викского (Вик, правда, был скоро потерян шведам) и Курляндского епископств поддержало Магнуса как своего правителя, но среди его сторонников было также много беженцев из Тартуского епископства. Во время (если так можно сказать) пиков активизации его деятельности (в 1560, 1565, 1570–71 гг.) Магнуса поддерживала большая часть дворянства Северной Эстонии, уездов Харью, Виру и Ярва, а в 1570–1571 гг. — и большая часть дворянства Рижского архиепископства. В бывших орденских владениях (кроме некогда датской Северной Эстонии) дворян, по большому счету, и не было. Дворянство участвовало в политике не только как корпорация (рыцарство одного или другого штата Ливонии), но и семьями, родами. Несмотря на многочисленные исключения, дворянство Эстонии и Латвии представляло собой две разные системы семейств, семейных кланов и брачных союзов. На стороне Магнуса более активно выступало дворянство Эстонии. Разумеется, ни один клан в тех

сложных условиях не делал ставку только на Магнуса. Однако отметим, что в его ближайшее окружение входили видные представители самых именитых дворянских семейств (Üxküll, Farensbach, Vitinghof, Zoega, Wrangel, Kursell, Taube, Stackelberg, Ungern, Rosen, Tiesenhausen, Vuxhoevden, Wulf, Bra(c)kel, Titfer). Если допустить — что, конечно, было бы слишком смелым предположением! — что названные семейства были полностью, открыто или тайно, сторонниками Магнуса, то это была бы добрая половина дворянства, проживавшего на территории Эстонии. Во всяком случае, его цвет и элита.

Как уже было сказано, эта поддержка была связана с надеждами вывести Ливонию с помощью Дании из войны с Москвией, сохранить в какой-то форме Ливонскую государственность (либо в форме одного государства, либо в форме конфедерации, как и ранее), а также сохранить государственно-правовую связь с Римской империей. Позже, уже после заключения Штеттинского мира в декабре 1571 г., когда ситуация радикально изменилось и число сторонников Магнуса резко уменьшилось, он оказался в прямой зависимости от Ивана Грозного. Переход же большей части дворянства Рижского архиепископства на сторону Магнуса в 1577 г. был уже следствием не политических симпатий, а инстинкта самосохранения. Однако такой переход принес этим дворянским родам лишь поражение или физическое уничтожение в Вендской битве (в городе Венден, или Цесис). Выжившие же подверглись репрессиям как со стороны русских, так и со стороны шведов и поляков. Поэтому после осени 1577 г. ни о какой поддержке Магнуса ливонским дворянством говорить уже не приходится.

Гораздо труднее оценить поддержку Магнуса в городах Ливонии. По сравнению, скажем, с рыцарством уездов Харью и Виру (ядро будущего Эстляндского рыцарства), магистрат города Таллинна и большинство его граждан были более осторожно настроены по отношению к Магнусу и Дании. Граждане Тарту, как беженцы, так и депортированные в Россию или возвращенные оттуда, видели в Магнусе своего спасителя до 1571 г. В этом плане характерны сомнения рижского магистрата в 1566–67 гг., не перейти ли в подданство Дании, т.е. Магнуса, и готовность бюргеров городов Венден (Цесис) и Вольмар в 1577 г. напасть на польские гарнизоны для перехода на его сторону.

Попытки конкретизировать сторонников Магнуса ведут нас к вопросу о ливонских гофлейтах и их роли в Ливонской войне. Обычно гофлейтов характеризовали как продажных авантюристов, всякий сброд, среди которого преобладали иностранные наемники, бывшие орденские служители и т.д. Однако при рассмотрении разных списков их состава, обнаруживается совсем другое. Гофлейты — это, по большому счету, местное дворянское ополчение, среди которых, конечно, оказались и некоторые иностранные

наемники и т.д. Но командный, офицерский и унтер-офицерский состав гофлейтов составляли почти исключительно ливонцы, и нет оснований думать, что с рядовым составом дело обстояло иначе. Даже само слово «гофлейты» сопоставимо со словом «дворяне» (*Hof* = *двор*). Отряды гофлейты неоднократно выступали более-менее единой силой: в 1565 г. (захват города Пярну у шведов и попытка занять Таллинн); в 1570–71 гг. (неудачное восстание против шведов в Таллинне, а затем осада Таллинна русскими и гофлейтами под руководством Магнуса); в 1574–76 гг. (вначале на стороне Швеции, но затем последовал мирный переход на сторону Дании и передача в ее владение уезда Вик, позже — потеря Вика русским). Гофлейты неоднократно переходили на сторону Магнуса, часть их находилась на его службе постоянно. Десять лет, в 1565–75 гг., часть гофлейтов владела городом Пярну с округом, формально под сюзеренитетом Польско-Литовского государства, но периодически сотрудничая с Магнусом. Так, во время осады Таллинна Магнусом и русскими войсками в 1570–71 гг., они вместе с рижанами занимались снабжением осаждавшей армии.

Невозможно доказать, что в какой-то момент абсолютное большинство ливонского дворянства было бы на стороне Магнуса. Но в ареале его конкретных действий это происходило неоднократно. Особенно явно это проявилось именно в начале осады Таллинна в 1570–71 гг., т.е. в начале проекта создания «королевства Ливонии». Без этой поддержки Магнус не мог бы так долго оставаться реальным кандидатом в правители Ливонии. Тем не менее, не оружие было главным аргументом Магнуса. Напротив, его удачи всегда исходили из действенной пропаганды, переговоров, из благоприятной международной обстановки, а неудачи всегда были связаны с попытками решить что-то силой.

Магнус трижды — в 1560 г., 1570–71 гг. и 1577 г. — шел ва-банк. Особенно реальными его шансы на успех были в 1560 и 1570 гг. В первом случае его уже признали своим правителем Эзель-Викское и Курляндское епископства, а также как будущего правителя — органы власти оккупированного русскими Тартуского епископства. Таллинский епископ и домкапитул вместе с частью рыцарства Харью и Виру были на его стороне, даже Орден признал его претензии в Эстляндии. Причиной же провала на этот раз стали неурегулированные отношения с Москвией.

Во втором случае первоначальный успех был провален неожиданно упорным сопротивлением таллинцев, но более всего — катастрофически для Магнуса результатами Штеттинского мирного договора, закончившего Северную семилетнюю войну. В результате вокруг Ливонии возникла совершенно иная международная и юридическая ситуация и в один миг были уничтожены основы политики и пропаганды Магнуса. По договору, который позже по разным причинам не выполнялся, Швеция должна была

возвратить свои владения в Эстонии императору, тот передать их в качестве лена Дании, а союз Магнуса с Московией был резко осужден. Таким образом все, чего добивались ливонцы и ради чего они шли на сотрудничество с Москвой, был формально достигнуто, однако не с помощью Магнуса и Москвы, но вопреки им.

Фундаментальной же причиной провала, как в этом случае, так и вообще, была абсолютно непропорциональная поставленным задачам поддержка короля Фредерика II своему брату. В свою очередь, это можно объяснить не столько антипатией Фредерика к Магнусу и даже не финансовым кризисом Дании во время Северной семилетней войны, а выбранной уже в 1558 г. главной линией датской политики в Ливонии — не быть втянутыми в войну против Московии или Польско-Литовского государства.

В третий раз, в 1577 г., герцог Магнус попытался во вновь изменившийся международной обстановке (вследствие вакуума силы и власти в Северной Латвии) и после относительно успешных тайных переговоров с представителями Польско-Литовского государства снова вести свою, отличную от Ивана Грозного политику, что вновь закончилось крахом из-за слишком большого неравенства сил.

При анализе истинной роли герцога Магнуса в Ливонии во время Ливонской войны становится очевидным, что под влиянием результатов войны и историографической традиции исследователи обращали слишком мало внимания на роль самих ливонцев и Дании в этой войне. Представление о Датско-Российском союзе также ошибочно. Можайский договор 1562 г. был не союзным договором, а лишь пактом о нейтралитете и ненападения. И в 1560 г. (формально до Можайска), и в 1575–78 гг. государства находились в состоянии войны, в которую Дания оба раза была втянута из-за неконтролируемых действий своих ливонских подданных.

Причиной пассивной политики мира Дании в Ливонии, в свою очередь, было отсутствие союзных отношений с Москвой, плюс желание не участвовать в войне с Россией или с Польско-Литовским государством. Диверсионная ценность более эффективной поддержки Магнуса в конфронтации со Швецией бледнела по сравнению с этими опасностями. Конечно, задним числом можно спекулировать, предполагая, имели бы место эти конфликты при другой, более агрессивной позиции Дании (скорее всего, да), и получила ли бы Швеция при более раннем и активном вмешательстве Дании в ливонские дела возможность вступить на путь создания своей державы (может быть, нет). Обманувшись в своих надеждах на Данию и опасаясь Швеции, Магнус и его ливонское окружение под влиянием московской дипломатии выбрали путь военно-политических авантюр, причем почти достигли успеха, который, скорее всего, оказались бы очень краткосрочным.

Необходимо все же подчеркнуть, что в начале этого пути (до Штеттинского мира) у Магнуса имелось если не согласие находящегося в очень трудном военном, политическом и экономическом положении короля Фредерика, то хотя бы оставленная им свобода действий для сближения с Москвией. При всей своей амбициозности, Магнус вряд ли предпринял бы без этого столь радикальные шаги, но совершив их, он уже не мог повернуть назад без признания своего полного поражения. Сыграли здесь свою роль и сугубо личные, семейные причины. Так, в начале 1572 г., когда Магнус после попытки его гофлейтов во главе с бывшими приближенными (дипломатическими агентами) царя Иоганом Таубе и Элртом Крузе отбить у русских Тарту находился на острове Сааремаа и готовился выйти из игры, он рассорился со своим братом, королем Фредериком, из-за материнского наследства.

Тем не менее, создание «королевства Ливонии» в первую очередь следует рассматривать в контексте надежд Ивана Грозного и его крушения с помощью сближения с императорским двором (для чего и нужен был некий временный компромисс в Ливонии) достичь после угасения династии Ягеллонов раздела Польско-Литовского государства между Россией и Габсбургами. Предложение этой сделки исходило не от императорского двора, как принято считать в историографии, но от самого царя Ивана, и было первоначально сделано через Магнуса, его ливонского окружения и короля Фредерика в 1570 г. Иными словами, вассальное королевство создавали главным образом по «неливонским» причинам, а Магнус и Фредерик были в этой ситуации только статистами.

Герцог Магнус остро ощущал крах своей политики, маргинализацию своей персоны и своих сторонников, а также потерю большинства последних (после 1571 г.), несмотря на расширение своих владений и брак с племянницей Ивана Грозного. Брак этот, кстати, организовали очень быстро в пропагандистских целях сразу после смерти короля Сигизмунда Августа, когда виды на раздел Польско-Литовского государства возобновились. Повторные попытки Магнуса создать свое «реальное» королевство были заблокированы царем. Как описывал сам Магнус, он в 1572 г. несколько месяцев был почти пленником царя, а в 1577 г. действительно был пленен на две недели в Вендене (Цесисе). В конце концов Магнус стал представлять большую проблему для всех участников Ливонской войны, которая разрешилась только его смертью в 1583 г.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что Магнус не был «рукой» Дании или России в Ливонии, но долгое время он был орудием самих ливонцев, желавших сохранить за собой хотя бы часть старой Ливонии.

Duke Magnus of Holstein, “son-in-law” of Ivan the Terrible

Duke Magnus’ arrival in Livonia was prompted by Denmark’s ambitions, the problems faced by the Oldenburgs and the faint prospect of solving them after the Peace of Augsburg, and by concrete developments in Livonia. Early in the Livonian War a coalition had emerged endorsing Livonia’s agreement with Russia as an escape from the atrocities of war. The project required an external mediator for which Denmark was best suited. Despite other candidates Magnus, who had in 1559/60 become a landlord of Livonia, was the best choice to promote this solution — preservation of the Livonian Confederation and a compromise with Russia. However, this coalition refused to follow Denmark’s national interests and pursued its own agenda. With such backing, and encouraged by his personal ambitions, Magnus was the principal contender in 1560 and 1570–1571. A vassal of the Czar, Magnus was in 1577 hailed as someone who could facilitate escape from Moscow’s domination.

After the military-political and financial disaster of 1560, Magnus was in 1561–1566 temporarily subjected to the control of Danish regents; however, he tried to work against Denmark’s interests, expand his authority and revenues, and shake off the patronage of Frederick II. He was probably guided by his inner circle, not the other way round. This clique emerged after Magnus’ arrival in Livonia in 1560, and was largely comprised of Livonian nationals.

A closer look at Magnus’ role in Livonia and the Baltic Sea region reveals the tendency of earlier research to rely on retrospective judgement and stress the roles of Russia, Sweden and Poland-Lithuania, ignoring the part played by Denmark and the citizens of Livonia. The fictitious alliance of Denmark and Russia is a misconception. The 1562 Mozhaisk agreement was in essence a neutrality pact, and in 1560 and 1575–1578 the countries were in war, Denmark’s involvement resulting from the improvisations of its Livonian subjects. Denmark’s passive policy in Livonia, in turn, ensued from the non-alliance with Moscow and the desire to avoid hostilities with Russia or Poland-Lithuania. The diversion value that the support given to Magnus could have had in his struggle against Sweden paled in comparison. It is mere speculation whether conflicts would have broken out indeed had Denmark adopted a more aggressive attitude, or whether Sweden would have been able to start building an empire, had Denmark opted for a powerful intervention in Livonia. Disappointed in Denmark’s passive policy and threatened by the Swedes, Magnus and his supporters, blinded by the promises of Russians, opted for political opportunism — and almost succeeded. Until the Stettin Peace Treaty (1571), even without Frederick’s explicit support, Magnus had a free hand granted by his brother, or else it would have taken more than ambition to push him to such radical steps.

The establishment and subsequent liquidation of the “Kingdom of Livonia” should be viewed in the context of Ivan’s crushed hopes to divide Poland-

Lithuania between Russia and the Habsburgs through a rapprochement to the Holy Roman Empire. Thus the creation of a vassal structure in Livonia was predominantly inspired by external factors.

Александр Толстиков

Петрозаводский государственный университет

Судьба шведского королевича Густава в контексте истории Балтийского региона на рубеже XVI–XVII вв.

Шведский принц Густав, старший сын короля Эрика XIV, родился 28 января 1568 г. в Нючепинге и был крещён 9 июня того же года в Стокгольме. После свержения его отца собственным братом Юханом (в конце всё того же 1568 г.) Густав оказался вместе с роднёй в заключении, а в 1575 г. был разлучён с матерью, вместе с которой содержался тогда в Або отдельно от отца, и вывезен на территорию Речи Посполитой. Воспитанный в католической вере, превратившийся в поляка по языку и обычаям, Густав сумел, судя по всему, получить образование в иезуитской коллегии в Браунсберге и в иезуитской академии в Вильно. В 1587 г. он неожиданно появился в Кракове на коронации своего двоюродного брата Сигизмунда, ставшего новым польским королём, но уже в следующем году мы встречаем Густава в Праге при дворе Рудольфа II (где он, по некоторым данным, занимался алхимией). В 1596 г. в Ревеле принц встретился с матерью, Карин Монсдоттер, которая специально приехала из Финляндии. В 1598 г. он находился в Данциге, откуда просил разрешения направиться вместе с Сигизмундом в поход в Швецию против герцога Карла Сёдерманландского, но ему было отказано. Имеются сведения, что в это время принц получил от Сигизмунда право на доходы с какого-то монастыря в Познани, однако проживал в Торне. В 1599 г. он принял предложение Бориса Годунова (впервые сделанное ещё в 1593 г.) и приехал в Россию, где ему, очевидно, готовили роль, подобную роли «голдовника» Ивана Грозного Магнуса: Густав должен был стать правителем созданного из ливонских земель государства под протекторатом России. Но проект провалился. Первоначально обласканный царём принц вскоре был выслан в Углич, где оставался до прихода к власти Лжедмитрия I, который в ноябре 1605 г. отправил его в Ярославль. Василий же Шуйский перевёл королевича в Кашин, где тот скончался 22 февраля 1607 г. и где был похоронен.

Краеугольным камнем всей исследовательской литературы о Густаве до сих пор остаётся книга финляндского историка швейцарского происхождения А. Бьодэ¹. Автор обобщил предшествовавшую ему историогра-

¹ *Biaudet H. Gustaf Eriksson Vasa prince de Suède: Une énigme historique du 16e siècle. Genève, 1913.*

фическую традицию, по крупицам собрал новые ценные сведения о жизни принца (до конца 1590-х гг.) и опубликовал в приложении важнейшие документы. Однако следует подчеркнуть, что в книге немало не вполне доказанных утверждений. Бьодэ планировал продолжить изучение биографии Густава, но не успел.

Преимущественно на труде Бьодэ основывался автор второй и последней на сегодня книги о королевиче — польский историк З. Борас². Он не сильно дополнил своего предшественника в части, непосредственно касающейся жизни Густава, и повторил ряд ошибок Бьодэ. Хотя ещё в 1951 г. С. Арнелль указал на недостаточную обоснованность некоторых построений Бьодэ³. Борасу же исследование Арнелля, к сожалению, осталось неизвестным.

Вопрос о роли Густава в российской внешней политике в период правления Бориса Годунова весьма основательно рассмотрен в работе Б. Н. Флори⁴. Наконец, позволю себе также сослаться на собственную статью, посвящённую одному из важнейших нарративных источников о жизни королевича — «Реляции о Густаве, сыне короля Эрика» (она же — опубликованное Бьодэ по другой рукописи сообщение т.н. Дрезденского Анонима). По всей видимости, автором этой реляции, как в своё время предположил К. Таркийнен, был Петрей⁵.

Многое в истории жизни Густава выглядит сплошным «белым пятном». Наиболее серьёзную попытку расширить источниковую базу и разобраться в хитросплетениях биографии королевича сделал в своё время Бьодэ, однако его выводы отнюдь не всегда достаточно обоснованы, а построения часто излишне гипотетичны.

Формат настоящей публикации не позволяет остановиться на характеристике источников, имеющихся в нашем распоряжении для восстановления биографии Густава. На мой взгляд, даже из числа известных материалов в полной мере до сих пор задействованы не все. Так, переписка Лжедмитрия I с Сигизмундом, в которой обсуждался вопрос о том, что делать с

² *Boras Z. Gustaw Eryksson Waza i jego żywot tułaczy. Poznań, 1985.* В приложении 15 из 26 напечатанных Бьодэ документов опубликованы в переводе на польский язык.

³ *Arnell S. Karin Månsdotter: Tolv kapitel om en drottning och hennes tid. Stockholm, 1951. S. 76–77, 86–87, 130–131, 156–168, 175–17.*

⁴ *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 53, 91–101, 134, 179, 196–198.*

⁵ *Толстиков А. В. «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика» и Пётр Петрей // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: Сборник научных статей. Петрозаводск, 2012. С. 104–121.*

принцем, не рассматривалась с этой точки зрения, насколько я могу судить, после С. М. Соловьёва⁶, которого сам Густав интересовал отнюдь не в первую очередь. Всё новые обстоятельства открываются и по мере источниковедческого изучения давно и хорошо известных сочинений иностранцев о России. В нашем случае особое значение имеют труды Маржерета, Массы, Буссова и Петрея. Если первый из них был недавно издан надлежащим образом, то подобная работа в отношении остальных ещё предстоит⁷.

Кроме того, остаются, конечно, неопубликованные и пока не найденные документы. Их разыскание в эпоху массовой оцифровки самых разных (в том числе архивных) бумажных материалов становится всё более эффективным. Так что, по-моему, есть все основания надеяться на заполнение в ближайшем будущем хотя бы некоторых лакун в биографии королевича.

⁶ *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1989. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. С. 425–426.

⁷ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 82, 155. О сведениях, сообщаемых Массой, Буссовом и Петреем про королевича, и о соотношении различных версий его пребывания в России подробнее: *Толстиков А. В.* «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика»... С. 116–121.

The fate of Gustav, prince of Sweden, in the context of the Baltic region's history in late 16th – early 17th century

Prince Gustav of Sweden, the elder son of king Erik XIV, was born January 28, 1568, in Nyköping and baptized June 9 of the same year in Stockholm. After the father had been dethroned by his own brother Johan at the end of the very same year, Gustav found himself in prison together with the family. In 1575 he was taken away from his mother, with whom he had been held in Åbo castle separately from Erik, and brought to the territory of Rzeczpospolita. Gustav became true Catholic in faith, a Pole in language and culture. To all appearances, he managed to get an education at the Jesuit College in Braunsberg and then at the Jesuit Academy in Wilno. In 1587 he showed up suddenly in Krakow at the coronation of his cousin Sigismund who became the new king of Poland, but already in the next year we meet Gustav in Prague, at the court of Rudolf II (where he, according to some sources, indulged himself in studying alchemy). In 1596 our prince in exile had a luck of meeting his mother, Karin Månsdotter, who had to come from Finland to Reval for that. In 1598, abiding in Danzig, he asked for permission to go to Sweden together with the troops of Sigismund in the latter's campaign against Karl, Duke of Södermanland, but got the refuse. There are evidences that at this time Sigismund granted our prince the incomes from a certain monastery in Poznań, while Gustav preferred to live in Thorn. In 1599 he consented to Boris Godunov's proposal (made first as early as in 1593) and arrived in Russia, where he was evidently expected to play the role similar to that of Ivan's the Terrible tributary, duke Magnus: Gustav had to become the ruler of Russia's vassal state in Livonia. But this project failed. The prince, who had been treated very kindly in the beginning, was sent to Uglich. There he stayed before False Dmitry's coming to the throne in 1605 and sending him to Yaroslavl. Vasili Shuisky in his turn moved Gustav to Kashin where he died February 22, 1607, and was buried.

A cornerstone of all that has been written on Gustav's biography is still a book by a Finnish historian of Swiss origins named Henry Biaudet¹. He summarized the previous historiographical tradition and gathered nuggets of information on the life of the prince (up to the end of the 1590s). Moreover, he published the most important sources in the appendix to his book. But it should be stressed, that this book contains many unsustained statements. Biaudet planned to continue his work on Gustav's biography, but the death prevented him from fulfilling it.

It was Biaudet's book that the author of another work on Gustav's biography (or actually the other of the only two existing monographs — counting

¹ *Biaudet, Henry*. Gustaf Eriksson Vasa prince de Suède: Une énigme historique du 16e siècle. Genève, 1913.

Biaudet's), a polish historian Zygmunt Boras, strongly relied on². He has not succeeded very much in adding to the information gathered by his predecessor on the life of prince and repeated some of Biaudet's mistakes. But as early as in 1951 Sture Arnell pointed out some deficiencies in Biaudet's argumentation³. Unfortunately, Boras seems to have not been acquainted with Arnell's book.

Gustav's role in Russian foreign policy during the reign of Boris Godunov has been thoroughly studied by Boris Florya⁴. Finally, I venture to refer to my article which deals with one of the most important sources on our prince's biography — *Relation om Gustavo K. Erichs Son*, i.e. *Relation on Gustav, kung Erik's son* (which is identical to the text by so called Anonymous from Dresden, the other manuscript of which was published by Biaudet). To all appearances, this relation, as Kari Tarkiainen suggested, was written by a not unknown person called Petrus Petrejus⁵.

In many aspects Gustav's biography looks like a big blank spot. The most serious attempt to broaden the source base and investigate the cobwebs of his life was made by Biaudet, but the latter's reasoning is sometimes too hypothetical and not always properly sustained.

The format of this publication gives no space for characterizing the sources we have on Gustav's biography. In my opinion, not even all the published materials have been duly and extensively used for this purpose. For example, the well-known correspondence between False Dmitry I and Sigismund, who discussed what to do with Gustav, have not (as far as I understand) been used as a source on the prince's biography since S.M. Soloviev⁶, for whom Gustav's vicissitudes of life were of minor importance. Actual studies of the famous foreign descriptions of Muscovy bring also new results which must be taken into consideration. In our case the most informative are the evidences by Margeret, Massa, Bussow and Petrejus. And if the book by the former is available now in

² *Boras Zygmunt. Gustaw Eryksson Waza i jego żywot tulaczy. Poznań, 1985.* The appendix contains 15 of 26 documents, published earlier by Biaudet, in Polish translation.

³ *Arnell Sture. Karin Månsdotter: Tolv kapitel om en drottning och hennes tid. Stockholm, 1951.* P. 76–77, 86–87, 130–131, 156–168, 175–17.

⁴ *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. Moscow, 1973.* P. 53, 91–101, 134, 179, 196–198.

⁵ *Толстиков А. В. «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика» и Пётр Петрей, in Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: Сборник научных статей. Petrozavodsk, 2012.* P. 104–121.

⁶ *Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8.* P. 425–426.

proper academic edition, the respective work on the part of the three latter is still to be done⁷.

And of course, there are unpublished and so far unfound sources too. Now, in the era of continuous digitalization of huge masses of paper documents (including archival materials), the quest for them becomes more and more effective. So, I think we have good reasons to hope for filling up in the nearest future at least some of the gaps in our prince's biography.

⁷ *Маржерет Жак*. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). Ed. by А. Берелович, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. Moscow, 2007. P. 82, 155. On the information given by Massa, Bussow and Petrejus and on their versions of Gustav's life in Muscovy see: *Толстиков А. В.* «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика»... P. 116–121.

**Straddling cultural and political borders in Swedish Ingria:
the case of Benjamin Barohn (Bažen Ivanov)**

1. Among the interpreters from Russian serving the Swedish-Novgorodian Alliance we find a native speaker of French, Bažen Ivanov syn, who had earlier served in the *Posol'skij prikaz*. Contemporary Russian sources affirm that he had been brought to Muscovy from the Holy Roman Empire. Having left his wife behind in Moscow, he had then been employed in the army of J. De la Gardie, at the time in the service of Czar Vasiliij. Muscovites had noticed at an early stage, however, that Bažen was having meat with the “*nemcy*” on fast days and was fraternising with them a bit too closely.¹

2. In late lists of Russian noblemen in 17th century Swedish Ingria, we identify members of the family Barohn. Yet, these claimed descent from a French interpreter in Swedish service in the days of king Gustavus II Adolphus, Benjamin Baro(h)n, variously claimed by descendants to have come from France with De la Gardie or to have presented himself from inside the city “as a foreigner” during the 1611 siege of Novgorod (where he had gone to learn Russian). He was, as an afterthought, provided with a noble pedigree, and later still said to have been the son of a Paris mayor. What is certain is that we find him in the top drawer of the non-noble servitors — such as Tomilko Pristal'cev, Fed'ka Lugvenev and Ivaško Šval' — settling in Swedish Ingria around 1617 together with the *bayors*.²

¹ On Bažen, see: *Луцейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1–2. М. 2003; *Селин А. А.* Новгородцы и шведы в 1611–1617 гг.: способы общения и посредники (по материалам Новгородской приказной избы и фонда «Сношения России со Швецией» // *Средние века*. 72: 3/4. 2011. С. 213–222. Generally on the interpreters: *Tarkiainen K.* Venäjätulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // *Historiallinen arkisto*. 64. 1969. P. 5–136.

² On these so-called *bajjorer*, see: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские *bajjor'ы* // *Новгородский исторический сборник*. 7 (17). 1999. P. 366–378; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 432–434 and others; on Barohn, cf. *Elgenstierna G.* Den introducerade svenska adelns ättartavlor med tillägg och rättelser. 1. Stockholm, 1925. P. 242 (contrast: *Luther G.* Friherrinnan von Benjamin, gift Kalitin // *Genos*. 1987. 58. P. 38–39); *Tarkiainen.* Venäjätulkit. P. 72. The descendants' claim: Jost Johan Barohn to the Swedish Government (1684) in: *Swedish National Archives* (Stockholm; henceforth SNA). *Livländska provinskontoret*. FIVb:1, vol. 155; memorandum of Hindrich Johan Barohn (1723) in: SNA. Riksens

Barohn had received two Ingrian villages by royal grant as early as 1615 in addition to his Novgorod *oklad*, partly nearby. There would be an understanding in Sweden that Russian servicemen, as compensation for lost Muscovite lands, were entitled to both alienable and (more or less) inalienable villages. As a result, some of their Ingrian estates were, after 1617, more firmly “theirs” than many a village given to Swedish or German noblemen. This became particularly clear during the so-called Reductions of the later 17th century, when most land in noble hands was called back to the Crown but exceptions were frequently made for the Russian bayors. These peculiarly “Russian” privileges were extended to the Barohns as well.³

3. Among students of the Swedish-Russian affairs of the 1610s there have been informal talk whether the Bažen Ivanov of Russian sources and the Benjamin Barohn of Swedish sources were not in fact one person. I had assumed so for a long time but had been looking in vain for that one fact that would tie the “two” to one event. Then, in 2012, the claim was made, with no new facts adduced, that they might actually be identified “with a high degree of certainty”.⁴ By then, however, I had identified a couple of mentions of what must be Benjamin in Swedish and German lists of Gdovian and Ingrian landholders, where the name forms provide proof of his identity with Bažen.⁵

stånders kommission över reduktions- och likvidationsverken. FI:20; S. D. and H. J. Barohn to the Government (1726) in: SNA. Sköldebrevsamlingen, vol. 2: Barohn. I intend to return in a future paper to the post-1616 fate of Pristal’cev and Šval’.

³ *Pereswetoff-Morath A.* «Chantries Where no Clerks Sing»: on the Russianness of the Bayors of Ingria, 1617–1704. // Forthcoming in: *Slavistica Vilnensis*. Vilnius; *Aminoff C. G.* De ingermanländska ”Bajorfamiljernas” ersättningsfråga efter 1721 // *Gentes Finlandiae*. 7. 1987. P. 7–28; for the 1615 grants, see: J. Berndes to the King, 16 Oct. 1615, in: SNA. Skrivelser till Konungen. Gustav II Adolf, 2: Jochim Berndes; Gustavus Adolphus to B. Barohn, 30 Nov. 1615, in: SNA. Riksregistratur-et: 30 Nov. 1615 (f. 832v); extension of privileges to Barohn: documents in SNA. Livländska provinskontoret. FIVb:1, vol. 155.

⁴ *Maier I.* Wer war der Autor von *Alphabetum Rutenorum* (Stockholm ohne Jahr)? // *Schnittpunkt Slavistik*. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text. Göttingen, 2012. P. 333–57, see P. 352; cf. *Löfstrand E.* and *Nordquist L.* *Accounts of an Occupied City*. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series II. Stockholm, 2009. P. 518; *Селин*. Новгородцы. P. 217.

⁵ The estate «Zauastia» (i.e. Завас(т)ье) in Kušel’skaja guba, granted Barohn by the king 30 November 1615, is not mentioned in the last short Swedish list of landholdings in Gdov, which appears to have been translated from accounts in Russian and then carelessly copied by someone unfamiliar with Russian (Tijendh länghd, såsom och Wiße Manthals Längd etc, Aff Augdous lhänetth, opå Anno etc 1618 in: SNA.

4. In both Russian and early Swedish sources Benjamin/Bažen is regularly known as “the interpreter” in a way so as to make it almost part of his name. Clearly, his knowledge of Russian, German (and French) made him useful for all kinds of tasks. Before 1617 he accompanies envoys, is present at interrogations and collects Novgorod taxes; while just after the peace treaty the king’s half-brother, the General Governor of Ingria, C. C. Gyllenhielm, writes that he cannot do without his translations of “Russian letters from Novgorod and Pskov”. Apparently, French was Barohn’s preferred language in writing, but German would have been his main means of communication with his Swedish employers.⁶

Baltiska fogderäkenskaper. F. 416). However, it mentions under the heading “Basenaüi”, where we expect the name of the landholder, the villages Suseueghora bÿ [“bÿ” = “village”], Logh bÿ, Leouina gorka, Drughoi lok, Pughare Jueghora bÿ, Welieko jeselo bÿ. These may be identified from historical terriers and maps as, respectively: Гусева гора, Лог, Левина гора, Другой Лог, Пухирово (= Малышева гора) and Великое сел(ь)о, surrounding the actual Zavast’e (now an uročišče) within a very short distance. These minor villages obviously constituted the estate Zauastia, and “Basenaüi” is a transcription of Баженовы (“Bažen’s [villages]”) or, unlikely, Баженови (“to Bažen”). (I thank Adrian Selin for making available for comparison his excerpts on the toponymics of the Kušel’skaja guba from the terriers and cadastral records of 1624–27 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 825. Л. 147 об. and following) and 1646 (ib. Ф. 1209. Д. 8497. Л. 887 and following).) Likewise, in 1616–17, we find the Ingrian estate Стасолия (Краколье), which also was given Barohn in 1615 (J. Berndes to the king; Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. 1. СПб., 1859. P. 56), as belonging to “Bašin Tolck”, i.e. “Bažen the interpreter” (Sw. “talk” = interpreter; see: Kurtz forslack auff Caporische Lehns auffborth, van ein Jeder Pogost, van Johanni angangde Ao 1616, bis auff Johannj Ao 1617, in: SNA. Baltiska Fogderäkenskaper. F. 421). There was no way to render the sound [□] of “Bažen” [ba’□en], present also in the French [b□□a’m□], in Swedish 17th-century orthography.

⁶ The fact that the complicated Church Slavonic documents concerning a self-appointed (?) Ingrian bishop are preserved in a German translation (published in: *Пересветов-Мурат А. И. «Епископ Ингомерлянский и всего помория полунощного океана»: великие комбинации Анфиногена Крыжановского // Scando-Slavica. 56:1. 2010. P. 48–83*) is probably due to the circumstance that Barohn had been sent to interrogate and investigate him. On tax-collecting (with his colleague O. Severov) etc., see, e.g., Isak Månssons räkenskap för kommiss i Novgorod 1613—14 in: SNA. Kammararkivet. Provianträkenskaper, vol. 12; cf. *Tarkiainen. Venäjätulkkit. P. 72; Селин А. А. Новгородские судьбы Смутного времени. Новгород, 2009. P. 158. Copy of C. C. Gyllenhielm to J. De la Gardie (?), 16 June 1617, in: Tartu University Library. F. 6 (De la Gardie). A:1. F. 101v.*

In military operations, too, we can sense his presence, as when immediately after the Stolbova peace treaty he serves with three horse in Gyllenhielm's own squadron. Recommending him to the king that year, the Governor seconds Barohn in pointing out that he has twice been taken captive by "the enemy". Later, in the 1620s, as Barohn will communicate to Stockholm, he has served in the same squadron as the "boyars" and landowners of Ingria, apparently in Gustavus Adolphus's Livonian war. All of this will make the king grant to Barohn hereditary rights to his lands not only according to the privileges of "the Russians and some other [landowners]", as he has asked for, but with the rights accorded to "the other [noble] Russians" in Ingria. That minute change in wording will link the destiny of the Barohns to that of Sweden's Russian noblemen.⁷

His abilities were noted for still other tasks, however, and, after having been on small errands to Novgorod, he is included in an 1627 embassy to Moscow, and finally crowns his career heading a fifteen-man-strong embassy through Moscow to the Crimean Khanate in 1630–32.⁸

5. Initially, as it seems, this Protestant (perhaps Calvinist?) interpreter from the French provinces of the Holy Roman Empire, who appears to have professed — or feigned — some Orthodoxy in Moscow, was to end his days in a province of Sweden, where Lutheranism was a precondition for rank. Here, only months before his death between 1648 and 1652, he would enter his third (?) marriage with a Lutheran German noblewoman.⁹ An intermediary stage in this cultural balance act can be traced because his son, Daniel, who would live infirm on his Ingrian estates and never perform state service, was publically called a "bastard" by a young Swedish nobleman in the early 1640s. As a result, documents were produced from Novgorod and witnesses heard. A fascinating picture emerges of Daniel's christening in the Novgorod church of St. Demetrius on Slavkova Street ca. 1615, which does not appear to have been a quite neutral

⁷ Swedish Military archives (Stockholm). Militieräkenskaper, 1616/12; C. C. Gyllenhielm to the King, 22 July 1617, in: SNA. Skrivelser till Konungen. Gustav II Adolf, 12; B. Barohn to the King, 24 July 1617; 1620s (in French); 1620s (in Swedish), in: SNA. Biographica. Barohn, Benjamin. Royal grant to B. Barohn in: SNA. Riksregistraturet, 19 June 1626.

⁸ *von Rosen E.* Bogislaus Rosen aus Pommern, 1572—1658: Stammvater des estländischen Geschlechts der «weissen» Rosen. Tartu, 1938. P. 101; Estonian Historical Archive (Tartu). 278.1.XXV–187. F. 14v; *Tarkiainen.* Venäjätulkkit. P. 72; [*Бантыш-Каменский Н. Н.*] Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 года, учиненный Н. Н. Бантыш-Каменским в 1808 г. Симферополь, 1893. P. 78, 81.

⁹ S. Grundel-Helmfelt to the Government, November 1661, in: SNA. Livonica II: 175 (calling him "a local nobleman of the French nation").

Orthodox act if we are to judge by the Russian *and* French sponsors/godparents present. Daniel's mother Stepanida — probably Benjamin's second wife, with whom he was to live long in Swedish Ingria — turns out to have been a member of the Novgorodian merchant family Charlamov.¹⁰

Daniel was to be buried in a Lutheran Ingrian church, along with members of the local gentry, being at the time married to a Lutheran German noblewoman, and thus appearing at first glance to confirm a return to the pre-Russian roots of his father. But the family traditions of this son of a Novgorodian merchant's daughter may not have been all that monolithic. A sickly young man, Daniel had little need or opportunity to mix with those alien to the family culture at Uchora [Ухора] manor. One of the few times he shows up in the sources is as a witness (as one of several, mainly Russian, noblemen) to the marriage contract of a bayor's daughter to another bayor. The deed was composed in Russian by an Orthodox priest. Daniel's own daughter was in turn to marry yet another bayor, Wassili Callentin [Калитин], whom we have some reason to suspect in late adherence to Orthodoxy.¹¹

6. Close ties to things Russian and to the Russian language may have been kept alive in the Barohn family even longer. With the threat of a possible invasion around the year 1700, Simon Daniel Barohn — Benjamin's great grandson — was picked to “perfect” the Russian burghers of Narva in military drill, an assignment carried out “with the greatest of difficulties, yet to the extent that was possible and that I was able to”.¹² For Simon Daniel Barohn the language was to be perfected, though, in a later Russian journey lasting eleven years, far into captivity as a POW. Beyond that lay at last the Swedish patent of nobility which old Benjamin had never been able to aspire to. And a circle was closed.

¹⁰ Statements appended to the Caporie court verdict of 25 Feb. 1643 (B. Barohn vs. K. Rap) in: SNA. Biographica. Barohn, Benjamin; Grundel-Helmfelt to the Government, naming her “Steffanida Charlammavna”.

¹¹ Daniel's burial in Moloskowitz and his daughter's marriage: A. Morath and O. H. Tolcks's [?] affidavit, 6 Feb. 1655, in: Latvian State Historical Archive (Riga). f. 109:2:552; Daniel's marriage: Helmfelt-Grundel to the Government; Luther. Friherinnan von Benjamin; witness to A. Pereswetoff and A. Clementeoff's marriage contract, 8 Nov. 7149/1640, in: Latvian State Historical Archive (Riga). f. 109:2:921, appendix K to the Exceptio of A. Morath; infirmity: Hindrich Johan Barohn's memorial (1723).

¹² S. D. Barohn: “Kort relation om mine, under 36 årh allerunderdånigst giorde trogne Krigztienster” in: SNA. RA. Sköldebrevsamlingen, vol. 2: Barohn.

Персональный состав братии Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI – начале XVII в.

Кирилло-Белозерский монастырь, основанный преп. Кириллом в конце XIV в. в Белозерском крае, уже в XV веке становится центром духовной культуры Русского государства, а во второй половине XVI в. — вторым после Троице-Сергиева монастыря владельцем обширных земель. В 1559 г. его вотчины находились в 8 уездах, за ним числилось 2678 крестьянских дворов, в 1601 г. — в 10 уездах более 3 тыс. крестьянских дворов (Белозерском, Вологодском, Пошехонском, Угличском, Ростовском, Дмитровском, Костромском, Бежецком Верхе, Клинском и Московском), в 1668 г. — в 12 уездах 3913 крестьянских дворов, где проживало 16 тыс. душ м.п.

Около времени кончины преп. Кирилла в 1427 г. братия монастыря насчитывала 53 человека. В 1601 г. в Кириллове числилось 184 человека, включая игумена, 10 соборных старцев, 12 священников, 5 диаконов, 20 крылошан и 136 рядовых старцев. Эти цифры известны, установлены также имена игуменов и отдельных представителей монастырского собора (их приводит акад. Н. К. Никольский в монографии, посвященной истории Кирилло-Белозерского мон.).

Исследование персонального состава кирилловской братии позволяет осветить ряд важных проблем истории российского монашества: 1) кто, когда, из какова социального слоя и с каким вкладом вошел в состав кирилловской общины; кто из них входил в монастырский собор — орган высшего управления в монастыре (состоял из 7–11 человек, ведал экономическим состоянием самой обители и вотчин, имел право распоряжаться казной); 2) определение степени занятости рядовых старцев и членов собора в обеспечении существования духовной общины, в управлении монастырскими селами и промыслами. Третье направление моей работы — написание биографий отдельных старцев.

Термин «старец» во всей документации XVI–XVII вв., включая синодики, вкладные и кормовые книги) относится ко всем монашествующим в Кириллове.

Источники — учетно-хозяйственная документация : приходные и расходные книги денежные, «хлебные», «соляные», «сундушные» (учитывали движение денег в монастырской казне) а также вкладные. Приходо-расходные книги, сведения которых сопоставимы с вкладными книгами, охватывают 1580-е – 1630-е гг. (весь корпус материалов опубликован).

В расходной денежной книге 1581/1582 г. упоминается 49 старцев, в той или иной мере участвовавших в организации повседневной хозяй-

ственной жизни и в обеспечении насельников монастыря продуктами питания и предметами быта. Послушания старцев включали работу на территории монастыря и за его пределами. Пономари и рядовые старцы собирали «молебные деньги», посельские старцы — оброки в селах, заемные деньги с крестьян, продавали скот, покупали самые разнообразные товары и продукты питания. В этой деятельности привлекались не только рядовые старцы, но члены собора.

Состав постриженников устанавливается по материалам вкладной книги (Архив СПбИИ РАН, кол.115, д. 1074, охватывает записи о вкладах второй половины XVI – начала XVII в. С конца 1570-х до 1600 г. в Кириллове монастыре приняли постриг 103 человека, причем 32 из них постриглись перед кончиной. В эти годы братию монастыря пополнил 71 человек. Более половины, вновь прибывших в монастырь, в миру были монастырскими людьми (слугами, служками, мастеровыми), крестьянами, священниками и членами и семей. Монастырские слуги преобладали — 22 человека, из крестьян и священников происходило 24 человека. Их вклады не были значительными. В основном состояли из небольших денежных сумм (5–10 р.), зерна, одежды и проч. Только некоторые священники приносили книги (Уставы, Триоди, Минеи). Не отличались богатством и вклады посадских людей. Из посадских людей, детей боярских, приказных людей, монастырских слуг из других монастырей постриглись единицы. Известно пострижение одного донского казака в 1588/89 г. Только двух постриженников можно отнести к московской элите. В ряде случаев можно только предполагать социальное происхождение постриженника.

Вкладная книга зафиксировала 32 случая принятия сана перед смертью. Чаще всего этого делали монастырские слуги, крестьяне, священники и члены их семей. Это давало им право быть похоронным на территории монастыря.

Братия монастыря пополнялась не только постриженниками, но и монахами из других монастырей: Спасо-Каменного, Иосифо-Волоколамского, Ферапонтова, Троице-Сергиева, Соловецкого, Шаровского, Ошевенского, Чудова. По вкладной книге удалось установить 18 имен. Монахи передавали в казну значительные суммы денег, книги, иконы, утварь и проч. Многие из них включались в хозяйственную жизнь монастыря, выбирались в состав монастырского собора.

Весь представленный материал дает основание говорить о Кириллове монастыре как общине открытой для всех слоев русского общества, а также и для монахов из других монастырей. В составе братии преобладали выходцы из монастырских работников и крестьян. Они же составляли и значительную часть монастырского собора.

Personal composition of monks in Cyrill-Beloozero monastery in late 16 – early 17th c.

Cyrril-Beloozero monastery was found by St. Cyrill in early 15th c. in Beloozero region. It became an important center of Russian spiritual culture just in 15th c.; in 2nd half of 16th c. the monastery became the second (after St. Trinity Sergijj monastery) landowner in the country. In 1559 the monastery had estates in 8 districts with 2678 peasant yards; in 1601 — 10 districts with more than 3000 yards, in 1668 r. — 12 districts, 3913 peasant yards (16000 men).

Cyrril dyed in 1427; at that time there were 53 monks in the monastery. In 1601 there were 184 persons: hegumen (abbot), 10 council elders, 12 priests, 5 deacons, 20 clerics and 136 monks. The number is well known, the names of the hegumens (abbots) are indicated; also the names of some members of the monastery council (mentioned in N. K. Niko'skij's book).

The study of personal composition of monks in St. Cyrill monastery let us investigate some important issues of the history of Russian monkhood: 1) who, when and from which social group, with what contribution had come to participate in St. Cyrill community; who became a member of St. Cyrill council. The council was the institute of monastery supervising; it consisted of 7–11 person, deal with the economics of the monastery, had a right to take charge of the exchequer; 2) the extent of employment of the monks and the members of the council in daily existence of the community, in the governing of the estates and mines. The third direction of my study is making the biographies of individual elders. monks.

The term “elder” (*starets*) in the documents of 16–17th cc, (synodics, contributory and maintaining books) is used for all the monks in St. Cyrill monastery.

The records are: economic documents (debit and credit books, money books, bread books, salt books, chest books, also contributory books). Debit and credit books (could be compared with contributory ones) belong to 1580–1630s (all of them published).

In credit money book 1581/1582 49 elders were mentioned; all of them more or less took part in the organizing the day-to-day economic life and in maintain the inhabitants with food and goods. The tasks of the elders included works on monastery territory and also outside. Sextons and elders gathered “prayer money”, village elders gathered rent in the villages, also debts from the peasants; they bought very different goods and food. Not only ordinary monks but also members of the council took part in that activities.

The composition of the monkhood could be determine on the data of contributory book (SPbII, kol. 115, d. 1074; includes contributory notes of the 2nd half of 16th 0 early 17th cc.). Since late 1570s to 1600 103 persons had become monks; 32 of them became monks immediately before the death. 71 persons re-

plenish the community. More than a half of them were the servants of the monastery before, also peasants, priests, members of their families. 22 of them were monastery servants, 24 — peasants and priests. Their contributions were not large. It was small amounts of money (5–10 roubles), crop, clothes, etc. Only few priests brought also books (Orders, Thriodes, Menologies). The contributions of townsmen were also not too reach. Only some townsmen, state servicemen, clerks, servants of other monasteries became monks in St. Cyrill monastery. In 1588/89 one Cossack from Done also became a monk there. Only two monks could be characterized as members of Moscow elite. Sometimes social roots of the person becoming monk could not be indicated clearly.

The representation book fixed 12 times of becoming monk immediately before the death. Most often that belong to monastery servants, peasants, priests, members of their families. That allowed them to be buried inside the monastery.

The monastery community was replenished not only with new monks but also monks from other monasteries: Spaso-Kamennyj, St. Josif in Volokolamsk, Ferapontovo, St. Trinity-Sergij, Solovki, Sharov, Oshevensk, Tchudov monasteries. 18 names of such monks were indicated in the contributory book. Such monks transferred to the treasury significant amounts of money, books, icons, implements, etc. Many of them took active part on monastery economic life, were elected to the monastery council.

All the data under consideration allows to talk about the St. Cyrill monastery as a community open for all the ranks of Russian society, including monks from other monasteries. The most of the community was representatives of monastery servants and peasants. They were also the most in the monastery council.

Вадим Стецюк

Камень-Подольский государственный университет, Украина

Участники религиозной полемики в Речи Посполитой XVI–XVII вв.: особенности просопографии восточноевропейских интеллектуалов раннего Нового времени

Специфическим явлением в истории восточноевропейских стран, входивших в состав Речи Посполитой, является полемическая литература конца XVI – начала XVII вв.

Первую трудность в изучении вопроса являет вопрос о том, что считать полемической литературой. В XIX в. сформировалась точка зрения, что полемистами можно считать только представителей православной стороны. Сторонники подобного подхода игнорировали элементы полемики в трудах католических авторов, а также употребляли термин «униатская литература», рассматривая униатских авторов отдельно от православных. Лишь в 1990-е гг. в украинской и белорусской историографии распростра-

нилась практика совместного анализа представителей разных сторон религиозной полемики, однако полного признания она не получила.

Также стоит отметить, что биографии многих полемистов не удастся реконструировать полностью (тем более, ряд писателей скрывались за псевдонимами — Христофор Филалет, Клирик Острожский), а часть источников вызывают сомнения относительно достоверности (особенно происходящие из противоположного лагеря).

Тем не менее, анализируя биографии участников религиозной полемики, можно отметить ряд тенденций.

Анализируя происхождение, следует отметить факт, что около 80% представителей православной и протестантской сторон были уроженцами западных пограничных территорий. К примеру, большинство православных представляли Галицию (Русское воеводство), частично — Холмщину и Волынь, а большинство протестантов — западные воеводства Беларуси, преимущественно Полоцкое. Полемисты-католики в большинстве своем происходили из приграничных регионов на западе или востоке польских земель. Даже те полемисты, которые не представляли пограничные территории, происходили из поликультурной и поликонфессиональной среды (например, отец и сын Смотрицкие — из Каменца-Подольского, где были причастны к борьбе между тремя национальными магистратами).

Вопреки утверждениям советских и дореволюционных украинских (преимущественно представителей народнической историографии) историков, большинство полемистов происходили из небогатой шляхты или мещанства (в определенных случаях точную грань провести сложно).

Стоит отметить, что практически все полемисты происходили из семей, активно участвующих в религиозной жизни — более 90% писателей-полемистов, о происхождении которых сохранились данные, принадлежали к семьям, давшим церковных иерархов, активистов братств, писателей и т.д.

Характерной чертой писателей-полемистов было получение ими европейского образования. Практически все они, в том числе православные, получали образование в западноевропейских университетах или учебных заведениях западного типа — иезуитских коллегиях, протестантских школах. Например, Ипатий Потий обучался в кальвинистской школе в Несвиже, М. Смотрицкий — в Виленском иезуитском коллегии, а также Лейпцигском и Виттенбергском университетах (в одном из них даже получил степень доктора медицины), Кирилл Лукарис — в Падуанском университете.

Характеризуя восприятие западных реформационных идей, следует отметить несколько аспектов этого:

— многие участники религиозной полемики (независимо от конфессиональной принадлежности) уделяли много внимания сотрудничеству с

объединениями верующих. Даже представитель ортодоксального католицизма П. Скарга выступал как основатель краковского Братства Милосердия, которое опекалось убогими. Еще более активно эта тенденция проявлялась у протестантов, православных и униатов, хотя у двух последних конфессий с определенными ограничениями — например, Иван Вышенский и Ипатий Потий критиковали вмешательство мирян в дела церкви;

— уделяли внимание вопросам образования и просвещения (более 90% участвовали в работе учебных заведений),

— обращали внимание на распространения церковных знаний путем публикации произведений. При этом все печатались на польском, разговорном украинском и белорусском («мове беларускай», как выражался С. Зизаний) языках, чтобы сделать произведения максимально читаемыми.

За несколькими исключениями, все полемисты принимали активное участие в политической жизни Речи Посполитой, при этом практически все высказывали нетипичные для своего времени идеи. Протестантские и православные полемисты по-новому воспринимали социальные, национальные и конфессиональные границы — например, активно взаимодействовали между собой. Мелетий Смотрицкий рассматривал украинско-польское противостояние не только под конфессиональным углом, но и заявлял, что «не вера делает русина русином, поляка поляком, литвина литвином, а рождение и кровь...». Подобно Иов Борецкий называл казаков «племенем русского народа Яфетового племени». Автор анонимной «Супликации» говорит о Речи Посполитой трех народов и об угрозе «уничтожения Руси» (ср. со словами Б. Хмельницкого «Поляк и покой на Руси вместе существовать не могут»). Петр Скарга активно пропагандировал абсолютистскую модель власти, а также призывал к уравниванию сословий и ликвидации шляхетских привилегий.

Общим для всех полемистов было неоднозначное отношение к ним со стороны современников. Часть из них уже при жизни окружающие воспринимали практически как святых (самые яркие примеры — Петр Скарга и Иван Вышенский). В то же время многие полемисты выглядели своими неординарными взглядами вызывали удивление и даже осуждение, становились объектами различных слухов. Ипатию Потию приписывали принятие иудаизма, Лукарису — написание кальвинистских произведений. Стефана Зизания обвиняли в ереси и даже осудили на Новогородском церковном соборе 1596 г., «Катехизис» Лаврентия Зизания в 1627 г. осудили и сожгли в Москве. Подобные инциденты известны в биографиях практически всех представителей полемики.

Participants of the religious controversy in the Commonwealth in XVIth–XVIIth cc.: features of prosopography of Eastern European intellectuals of Early Modern period

A specific phenomenon in the history of the Eastern European countries that were part of the Commonwealth, is a polemical literature of the end of XVIth – early XVIIth centuries.

The first difficulty in the study of the issue is the question of what constitutes a polemical literature. In the nineteenth century there was formed the view that the polemicists can only be considered representatives of the Orthodox side. Proponents of this approach ignored the elements of controversy in the writings of Catholic authors, and used the term «Uniate literature», considering the Uniate authors separately from the Orthodox. Only in the 1990s in Ukrainian and Belorussian historiography the practice of joint analysis of representatives of different parties of religious polemics was spread, though it didn't receive full recognition.

Also it is worth noting that the biographies of many polemicists cannot be completely reconstructed (especially since a number of writers were hiding behind pseudonyms — Christophor Philaleth, Cleric Ostrozhsy), and some sources cast doubt on the credibility (especially those originating from the opposite camp).

Nevertheless, analyzing the biographies of the members of religious polemics, it is possible to note a number of trends.

Analyzing the origin, there should be noted the fact that about 80% of the representatives of the Orthodox and Protestant sides were natives of the western border areas: most of the Orthodox represented Galicia, Holmshchyna and Volyn, as most Protestants represented Western Province of Belarus, mainly Polotsk. Catholic polemicists in the majority came from the border regions in the west or east of the Polish lands. Even those polemicists who did not represent the border areas were from a multicultural and multi-faith environment (for example, a father and son Smotricky — from Kamenets-Podolsk, where they were involved in the fight between the three national magistrates).

Contrary to the claims of the Soviet and pre-revolutionary Ukrainian (mostly from the populist historiography) historians, most polemicists came from the impoverished gentry or middle class (in some cases it is difficult to draw the exact boundary).

It is worth noting that almost all polemicists came from families who took active part in religious life — more than 90 % of polemicists, whose data of origin survived, belonged to the families who gave the Church hierarchy, fraternities activists, writers, etc.

A characteristic feature of the polemicists was their getting European education. Almost all of them, including the Orthodox, were educated in Western

universities or institutions of the Western type — Jesuit College, the Protestant schools: I.Potij studied at the Calvinist school in Nyasvizh, M. Smotricky studied in Vilnius Jesuit College and the universities of Leipzig and Wittenberg (even having received the degree of Doctor of Medicine), C. Lucaris studied in the University of Padua.

Characterizing perception of Western ideas of the Reformation there should be mentioned several aspects:

— many members of religious polemics (regardless of religious affiliation) paid much attention to cooperation with the associations of the believers. Even the representative of orthodox Catholicism P. Skarga acted as the founder of the Brotherhood of Mercy in Krakow, that patronized the miserable. The Protestants, Orthodox and Uniate were even more active in this trend, although the latter two with certain restrictions — for example, Ivan Vyshenskyi and I. Potij criticized the interference of the laity in church affairs;

— payed attention to education and enlightenment (more than 90% participated in the work of educational institutions);

— payed attention to the dissemination of religious knowledge through the publication of works. In this case, everything was published in Polish, Ukrainian and Belarusian languages in order to make the works as readable as they could be.

With few exceptions, all polemicists were actively involved in the political life of the Polish-Lithuanian Commonwealth, with almost all expressing unusual for their time ideas. Protestant and Orthodox polemicists perceived social, national and religious boundaries in a new way— for example, actively interacted with each other. Meletij Smotritsky regarded Ukrainian-Polish conflict, not only through sectarian point of view, but also stated that «faith does not turn a Ruthenian into a Ruthenian, a Pole into a Pole, a Lithuanian into a Lithuanian, but birth and blood do...». Like Iov Boretskij called Cossacks «a tribe of the Russian people of the Yafet tribe». An anonymous author of «Suplikatsiya» tells about the three nations of the Commonwealth and the threat of «destruction of Russia» (compare with the words of Khmelnytsky «A Pole and peace in Russia cannot exist together»). P.Skarga actively promoted the absolutist model of the government, and called for the equation of gentry estates and elimination of privileges.

Common to all the polemicists was an ambiguous attitude towards them from their contemporaries. Some of them while still living were apprehended almost as saints (the most prominent examples are Petro Skarga and Ivan Vyshenskii) . At the same time, many polemicists excited amazement and even amazing and even condemnation by their views, as well as were subject to various rumors. The concept of Judaism was attributed to I. Potij, writing Calvinist works was attributed to Lucaris. Stephen Zizaniy was accused of heresy and even condemned by the church council in Novogrodok in 1596, «Catechism» by

Lavrentij Zizanj in 1627 was condemned and burned in Moscow. Such incidents are known in the biographies of almost all members of the polemics.

Просопографическая база данных как инструмент реконструкции судеб карельских пашенных солдат¹

Одна из главных проблем, с которой сталкиваются исследователи жизни карельских крестьян XVII в., состоит в скудости источниковой базы. Немногочисленные дошедшие до нас источники состоят из писцовых и переписных книг, а также актовых материалов. Все эти документы содержат буквально крупицы информации об упоминаемых в них людях и, встретив в источнике имя человека в какой-либо одной определенной ситуации, в дальнейшем историк сталкивается с проблемой: больше об этом человеке он ничего не знает и узнать что-либо дополнительно маловероятно. Новые перспективы открываются перед исследователем при внесении всех известных сведений в компьютерную базу данных. Возможности систематизации, поиска и выборки делают информацию наглядной и более доступной для изучения.

Данный доклад посвящен использованию возможностей программы FileMaker Pro для обработки и анализа информации просопографического характера, собранной и структурированной в специально разработанной компьютерной базе данных "Пашенные солдаты Олонецкого уезда". Создание такой базы данных преследует две основные цели. Во-первых, это сбор и хранение информации о каждом пашенном солдате, о котором хоть что-нибудь известно. Во-вторых, это анализ собранной информации, возможности которого значительно расширяются благодаря функциональным возможностям программы FileMaker Pro (поиск, выборка, сортировка)².

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–31–01225 а2 и в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

² Программа FileMaker Pro успешно применяется для создания электронных просопографических баз данных. См.: *Суслова Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с. Режим доступа: http://carelica.petrso.ru/CARELICA/Suslova_2.html, свободный. Проверено: 29.11.2013; *Чернякова И. А.* База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьян-

Служба пашенных солдат была введена в Олонецком уезде в 1649 г. для охраны русско-шведской границы и отменена в 1666 г. В число пашенных солдат были записаны практически все государственные крестьяне, за исключением увечных и самых бедных. Одновременно с несением службы пашенные солдаты должны были продолжать заниматься сельскохозяйственным трудом. Общее количество карельских крестьян, служивших в полках пашенных солдат, точно неизвестно, но за все годы службы их было не менее 14000 чел. Именно столько имен солдат зафиксировано в переписных книгах Ивана Дивова в 1657 г. Электронная база данных является единственной возможностью собрать воедино, обработать и проанализировать просопографическую информацию в отношении многих тысяч карельских пашенных солдат.

В созданной базе данных на каждого человека заводится отдельная карточка, в которой предусмотрены поля для введения различной информации: географической — о месте жительства человека с указанием погоста, волости и деревни; персональной — с указанием имени, отчества, прозвища, социального статуса, состава семьи человека; биографической — представление сведений о жизни человека, выявленных из различных источников; архивной — показывающей, в каких источниках (переписных книгах и актах) встречается имя этого человека. Источниковой базой исследования служат три переписные книги — 1646, 1657 и 1678 гг.³, а также актовые материалы. Таким образом, в одной карточке происходит сохранение и накопление информации из разных временных срезов и исследователь, открыв карточку, сразу может увидеть, в каких источниках встречается имя конкретного человека. В некоторых случаях имеется возможность проследить изменения в семейном и социальном статусе и уточнить родственные связи, что важно для просопографического исследования. В базе данных содержатся имена не только солдат, но также их родственников, причем на родственников солдат могут быть заведены отдельные карточки в том случае, если в их жизни и деятельности было что-то важное для изу-

ства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 279–285.

³ Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. 577 л.; Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погостов переписи И. С. Дивова 1657 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л.; Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л.; Ч. 2. 427 л.

чения истории пашенных солдат. На данный момент информации внесенной в карточки пока недостаточно для того, чтобы сделать обобщающие выводы, но можно наметить перспективы и ожидаемые результаты.

Для реконструкции судеб карельских пашенных солдат важно более глубоко изучить вопрос о последствиях солдатской службы, как служба отразилась на местных крестьянах, насколько уменьшилось население, изучить явление переселения крестьян из одних деревень в другие и сделать вывод, было ли это связано с последствиями их службы в солдатах. Важно проследить, сколько бывших пашенных солдат зафиксировано в переписной книге 1678 г. и сравнить эти данные с переписными книгами Дивова 1657 г. В оба источника переписчики вносили имена как взрослых мужчин, так и мальчиков. В качестве иллюстрации приведу пример деревни Кижского погоста — Демидова Карташева. В этой деревне из 23 солдат, зафиксированных в 1657 г., только 7 дожили до 1678 г. Кроме того, два солдата, отмеченные Дивовым как беглые, в 1678 г. снова проживали в своих дворах. Таким образом, судьбы карельских пашенных солдат можно изучать и в период после отмены солдатской службы, так как часть крестьян, побывавших в рядах солдат, дожили до переписи 1678 г. В результате можно проследить динамику изменений в жизни этих крестьян с 1646 г. до 1678 г.: место жительства и его перемену, семейный состав, социальный статус, должности, отношение к солдатской службе, место службы, участие в войнах с Польшей и Швецией, взаимоотношения с родственниками, соседями, представителями власти.

Таким образом, преимущества сбора и хранения просопографической информации в электронной базе данных очевидны, и когда в базе данных будет заполнено достаточное количество карточек на отдельных солдат и их родственников, можно будет обобщить и проанализировать собранную информацию и сделать убедительную реконструкцию судеб карельских пашенных солдат.

Prosopographical database as an instrument of Karelian ploughmen soldiers' destinies reconstruction

One of the main problem that researchers of Karelian peasants' living face is a lack of sources. Not numerous surviving sources consists of Scribe and Census Books and acts. All these documents contain just crops of information about people mentioned there. Historian that once met a name in a definite case later faces a problem that he knows nothing more about this person and there is almost no hope to know something additional. New perspectives open for researcher after entering all known data in a computer database. Systematization, searching and sorting options make information visual and easier to study.

The report is devoted to using a computer program FileMaker Pro advantages for processing and analyzing of prosopographical information, collected and structured in a specially processed computer database «Ploughmen soldiers of Olonetskii uезд». There are two aims of creating this database. First of all, it is collecting and keeping of information about each ploughmen soldier about whom something is known. Secondly, it is analyzing of this collected information. Opportunities of such analysis become wider and deeper due to functional opportunities of FileMaker Pro (searching, choosing and sorting options).

As for ploughmen soldiers' service, it was organized in Olonetskii uезд in 1649 to guard Russian-Swedish frontier and abolished in 1666. Almost all state peasants were enlisted in soldiers except ill and the poorest ones. Ploughmen soldiers were to train military skills and at the same time to make agricultural works. Total amount of Karelian peasants that were enlisted in ploughmen soldiers regiments is not known exactly but it was not less than 14000 during all period of military service. So it was fixed in the Census Books of soldiers' dispatcher Ivan Divov in 1657. An electronic database is the only opportunity to keep, process and analyze prosopographical information about many thousands of Karelian ploughmen soldiers.

In the database there is a special card for each person where are fields for entering different information provided: geographical — a place of living (pogost, volost', villige); personal — name, patronymic name, nickname, social status, family; biographical — facts about person's life from different sources; archival — sources where information was found. The sources of the research are three scribe books (1646, 1657, 1678) and acts. So, there is keeping and collecting information of different years and a researcher can open a card and see in what documents a name of the person is fixed. In some cases it is possible to trace changes in family and social status and to get more specific information about relatives that is important for prosopographical study. There are names not only of soldiers but also of their relatives in the database. If there something important happened in soldiers' relatives life for the history of ploughmen soldiers a special card creates for any of them. At the moment there is not enough information in the fields to make conclusions about destinies of Karelian ploughmen soldiers but it is possible to draw up perspectives and expected results.

For the reconstruction of the destinies of Karelian ploughmen soldiers is important further studying the implications of a soldier's service: how it affected the local peasants, how much the population decreased, to study the phenomenon of peasants migration from one village to another and to conclude whether this was due to the effects of their service in the regiments. It is important to trace how many former ploughmen soldiers were recorded in the Census Book of 1678, and to compare these data with Census Books of Ivan Divov (1657). In these sources the names of both adult men and boys were wrote. One village of

Kizhskii pogost — Demidova Kartasheva — can be an illustration. In this village of 23 soldiers, fixed in 1657 only 7 lived till 1678. Besides, two soldiers marked by Divov to be fugitives, in 1678 lived in their own homesteads again. So, destinies of Karelian ploughmen soldiers can be studied in the period after the abolition of the soldiers' service because some peasants that served in the regiments lived till the Census of 1678. As a result, it is possible to follow the dynamics of change in the lives of the Karelian peasants from 1646 to 1678: place of residence and its change, family structure, social status, positions, relation to the soldier's service, place of service, participation in the wars with Poland and Sweden, relationships with relatives, neighbors and the authorities.

Thus, the benefits of collecting and keeping prosopographical information in the electronic database are obvious, and when the database is filled with a sufficient number of cards for soldiers and their relatives, it will be possible to summarize and analyze collected information and make a convincing reconstruction of Karelian ploughmen soldiers' destinies.

Kimmo Katajala
University of Eastern Finland

Studying Noble and Gentry of Käkisalmi province and Ingria during the Swedish period (17th century)

1. Background: The Great Reduction of 1680

Following Russia's ceding of the territories of Ingria and the province of Käkisalmi (Kexholm) to Sweden under the treaty of Stolbova (1617), most of the available lands in these areas, as in many other parts of Sweden, were given as fiefs, or donations, to members of the nobility or gentry serving the Swedish Crown in the course of the 1630s, and especially during the reign of Queen Christina in the 1640s and 1650s. These dignitaries usually built manor houses for themselves on their newly acquired estates, although in the case of the northern parts of the province of Käkisalmi they did not actually live there but in Stockholm, Riga or one of the other large cities of that era, leaving the manor houses in the hands of bailiffs.

The holder of a fief was entitled to collect taxes from the peasants living on his land, although in principle the donation did not give him any other rights over the peasant farms or over the persons of the peasants themselves. During the 1660s and 1670s, however, the nobility tried to expand their powers to include rights of possession over the peasants living on their fiefs, and in spite of the fact that their appeals were rejected by the Diet of 1672 and opposed especially by the young King Charles XI, some of the manorial barons would treat their peasants extremely harshly. Actual serfdom was never practised in the Kingdom of Sweden, however.

The vast fiefdoms awarded to the nobility and the gentry nevertheless meant that the peasants concerned were paying their taxes to their manorial landlords and not to the Crown, plunging the latter into a series of serious economic crises. The problem was eventually solved at the Diet of 1680, by confiscating the largest donations of land and re-establishing them as Crown property. This operation, known in the historical literature as the Great Reduction, meant that the peasants began to pay their taxes to the Crown once more, providing it with the necessary incomes. In practise, many of the confiscated manor houses continued to be leased to officers and civil servants as residences, often the same people who had previously owned them.

2. Tax farming — a solution for taxing the Baltic provinces

In the case of the “Baltic provinces” (Sw. *Östersjöprovinserna*), i.e. Livonia, the territories of Estonia, Ingria and the province of Käkisalmi, the Crown arrived at a somewhat different solution after the Great Reduction, in that the manors and fiefdoms confiscated by the Crown after the decision of 1680 were rented to “tax farmers”. Tax farming was a system that had already existed in ancient times whereby a person paid a certain rent to the Crown for the right to collect and use the taxes paid by the peasants. In practice, many tax farmers ruled over their rented areas just as the nobility and gentry had done over their estates before the Reduction. The peasants themselves usually hated the tax farming system, as the tax farmers tried to benefit from their rented areas as much as possible, which meant adopting a strict attitude towards tax collecting and demanding day labour from the peasants.

This paper will examine the people who acted as tax farmers in Ingria and the province of Käkisalmi between the years 1680 and 1700. The latter date marks the beginning of the Great Northern War, during which Russia recaptured Ingria in 1703 and the southern part of the province of Käkisalmi in 1710, both of which were annexed to the Russian Empire under the Treaty of Uusikaupunki (Nystad) in 1721. In the northern parts of the province of Käkisalmi, which remained in Swedish possession, the tax farming system also came to an end after the war.

The idea of this paper is to see what kind of data can be found concerning individual tax farmers and what we can say about them as a group. As almost all the people in the upper echelons of society in Käkisalmi and Ingria ended up as tax farmers after the Great Reduction for one reason or another, studying these gives us at the same time a certain amount of information about the life of the nobility and gentry in these areas. The paper will end with an example of the social networks that can be traced from the bibliographic data concerning the tax farmers. In this way prosopographical details can be turned into social history.

The work is based on my own study of tax farmers and the tax farming system in the province Käkisalmi, entitled *Säätyläisiä ja nousukkaita* (Gentry and

Upstarts) and on the master's thesis of a student of mine, Tiina Karjunen, on tax farmers in Ingria.

3. Sources: collecting the bibliographic data

The main source for tracing the tax farmers consisted of the contracts they made with the Crown, which are archived with the Crown's provincial account books (verification books). These contracts indicate the names of the tax farmers and sometimes their professions, including the ranks of military officers and civil servants. Sometimes it is mentioned that the tax farmer had served as the bailiff of a fief prior to the Reduction, either the one he was later renting, or a different one. It is evident, however, that not all the tax farming contracts have been preserved in the Crown's accounts, but in most cases the "missing" tax farmers can be found from the annual financial statements in the provincial accounts, which mention the incomes accruing to the Crown from tax farmers and the names of the individuals concerned. In some cases names of tax farmers that are unfamiliar can be found in the records of the local court. The coverage of the source material is not perhaps entirely complete, but it must be very nearly so.

This basic database of tax farmers was complemented with the data on the social status or rank of each tax farmer, his or her years of birth and death (in special cases women sometimes entered into such contracts), their social background, i.e. the social status of their parents and the origins of their family, their marriages and children, and sometimes even the marriages of their children. Information is also provided on the size of the rented area or fief and the duration of the lease, if applicable. It was possible to collect all these data items with regard to most of the tax farmers, but not all, as there are some for whom we know only their name and title as given in the contract or in the court records. These biographical data were gathered into a register of tax farmers, which constituted the starting point for the research proper.

4. Bailiffs and officers in the Käkisalmi province

We can now take a glimpse at the tax farmers of Käkisalmi and Ingria, their professions and their geographical backgrounds. There were 56 tax farmers in the province of Käkisalmi for whom the social status could be ascertained, 15 of whom (27%) had been bailiffs before the Reduction, some of them on the same lands prior to confiscation by the Crown, while others had moved and rented a different, perhaps more suitable, confiscated fief. In a certain sense, however, they were just continuing in the same profession as before: taking care of the manor and its fields and cattle and collecting taxes from the peasants. Previously they had done this for the holder of the fief, but now they were working independently as tax farmers. In effect, some owners of fiefs had rented them out to tax farmers even before the Reduction, so that six persons recorded as tax farmers (11%) had simply continued in this capacity under a new contract concluded with the Crown. These two groups, the former bailiffs and former tax farmers,

had made a contract with the Crown in order to earn an independent living. Thus running an estate and collecting its taxes was the principal occupation of 38% of the tax farmers in the province of Käkisalmi.

The next most common group of Käkisalmi tax farmers after the former bailiffs comprised military officers, of whom there were 13 (23% of the total). This high proportion can be explained by the fact that the Swedish Crown had permanent military detachments garrisoned in the town of Käkisalmi (known as Korela in the 16th century and nowadays the Russian town of Priozersk) and their officers had to have a residence that was fitting for their social rank, for which the manor houses, larger or smaller, that were now available for them to rent from the Crown as tax farmers were highly suitable. This can be seen, for example, from the location of the fiefs and manors rented by military officers, six of which were situated close to the town of Käkisalmi and seven in the southern part of the province, i.e. near Käkisalmi and Vyborg. Only one military officer rented an estate in the northern part of the province, some distance away from the military detachments.

The same logic also applied to the seven civil servants who had made tax farming contracts in the province (13% of the total), as their obvious motive had been to acquire a residence that was appropriate to their status in the local society. One fairly large group within the tax farmers consisted of widows, most of whom had taken over the contract of a member of the above three groups who had died. This shows that in some circumstances women were also able to make contracts to run estates in 17th-century Sweden. The number of widows among the tax farmers of Käkisalmi was thirteen (23%), i.e. they were just as numerous as the military officers.

If we look at the backgrounds of the Käkisalmi tax farmers, we find that the majority of the officers came from the Baltic region, mostly from the Baltic territories acquired by Sweden in the 1560s, 1580s and 1620s, although there were also some who originated from Finland, Sweden, Ingria and the Käkisalmi area itself. In terms of background they formed a rather heterogeneous group. Most of the civil servants who ended up in tax farming came from Finland, and just a few were of local origin. Those who had previously been bailiffs most commonly came from Ingria or were of local origin, but there were also some from Sweden.

5. Officers and civil servants in Ingria

In her master's thesis Tiina Karjunen identified 146 people mentioned in the Ingrian sources as tax farmers, 64 of whom (44%) were military officers. The town of Narva, the castle and town of Nötheborg (Oreschack) and the small town of Nyenskants founded at the mouth of the River Neva in the 1630s were all important military centres and the manor houses and estates rented by officers were often situated fairly close to these. Many officers who rented a manor

house and estate had held high ranks in the army, including Anders Fraser, commander of the citadel in Nyenskants, and Colonel Otto von Vellink, military commander of Ingria.

There were 36 civil servants in Ingria who ended up as tax farmers (25% of the total). These included crown bailiffs, local district judges and the secretary to the governor general, for example, and also the mayors of Narva and Nötheborg. In addition, there were 22 widows of former tax farmers who had continued the contract in their own name (15%). Similarly, eight former bailiffs on the fiefs had continued their work in this capacity (5% of the total), as also had 16 former tax farmers in Ingria from the period preceding the Great Reduction (11%). Thus these “professional” tax farmers made up about 16% of the total in Ingria.

If we look at the backgrounds of the tax farmers in Ingria, we find that 25% of them originated from the Baltic region. This is quite understandable as after parts of the present-day territories of Estonia, Latvia and Lithuania had been ceded to Sweden many Baltic officers began to serve in the Swedish army. Ingria was not far away and was similar in character to areas around their home manors. The same logic can also be perceived in the case of the tax farmers who hailed from German regions, a fairly large group, in fact, about 17% of all the tax farmers in Ingria. The biggest group of all, however, 32%, had an Ingrian background, many having worked as civil servants, especially in municipal administration, and having for the most part come from families who had lived in Narva and Nötheborg before the Swedish period. About 16% of the tax farmers had a Swedish background, often as officers assigned to the Ingrian garrisons. Finns, Russians and those who had moved to Ingria from the province of Käkisalme made up small groups of 2–5 % among the tax farmers.

6. Social networks of the gentry: one example

One possibility for studying the social networks of the early modern upper class is to examine marriages between the families. Marriage was more a bargain between families than a union between two people, and was controlled by fairly strict social norms. A spouse was normally chosen from a family of about the same social rank, so that marrying into another estate was uncommon. Studying marriages thus gives us a picture of how social rankings were understood and secured with suitable marriages. We can take here just one example of how marriages contributed to the network of upper stratum families.

Although the number of high-ranking families in the province of Käkisalme was small and the possibilities for concluding a suitable marriage therefore rather limited, marriages between tax farmer families usually followed certain conventional patterns. In our example Lieutenant Salomon Enberg, a tax farmer in the parish of Pielisjärvi, was married to Christina Sahlo, sister of Captain Christian Sahlo, a tax farmer in Suistamo, while Christian Sahlo himself was

married to Christina Arnander, daughter of Magnus Arnander, a border inspector and tax farmer in Salmi.

Meanwhile, another daughter of Magnus Arnander, Ottiliana, married Herman Reinhold Taube, son of Cavalry Captain Johan Claesson Taube, a tax farmer at Valkiamäki Manor in the parish of Pyhäjärvi. One of Johan Taube's daughters, Eva Christina, married the district judge Johan Ehrnrooth, who became the tax farmer at Asila Manor in the parish of Tiurula. It seems that arranging this marriage for Eva Christina was a way for Johan Claesson Taube to gain access to the tax farming contract for the Asila Manor, which had been confiscated in the Great Reduction from his relative Jakob Johan Taube af Kudding, former Governor General of Ingria and Käkisalmi. After the death of Ehrnrooth, Eva Christina continued as a tax farmer in her own right at Asila Manor in 1696–1697, until she married Cavalry Captain Georg Freudenfeldt in 1698, whereupon he rented Asila Manor from the Crown as a tax farmer.

Another daughter of Johan Claesson Taube, Elsa Elisabet, married Henrik Mether, son of Johan Mether, a border inspector, mayor of the town of Sortavala and a tax farmer in the parish of Sortavala. Johan Mether also had another son, Anders, who married Katarina Boisman, daughter of Jacob Boisman, a tax farmer at the manors of Kiviniemi and Haparainen in the parish of Sakkola. Jacob Boisman was the brother of Didrik Boisman, the Crown's district bailiff in the southern part of the province of Käkisalmi.

This one example shows us how the higher-ranking families in the province of Käkisalmi were closely entwined one with other. Several similar networks can be traced from the source material. One can only guess what it may have meant in the local society of that time if the Crown's district bailiff and the district judge, for example, were related to your family through a network of marriages.

Вероника Беляева

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

Реконструкция семейных связей балахонских солепромышленников XVII в.

Город Балахна находится на среднем течении реки Волги, в непосредственной близости от Нижнего Новгорода. Уже в XVI столетии в Балахне формируется устойчивый промысел, связанный с добычей соли. Для реконструкции семейных связей лиц, связанных с соледобычей, привлекается комплекс документов: сотная грамота города Балахны, выписанная из дозорных книг 1617/18 г.¹, писцовые книги Балахны 1628, 1674–76 гг.²,

¹ Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского (Казань) Отдел рукописей и редких книг (далее – НБЛ ОРПК). Ед.хр. 1139.

переписные книги 1646, 1653 и 1678гг.³. Каждый из привлекаемых к рассмотрению источников имеет свою специфику. Сотная грамота и писцовые книги снабжены дополнительной информацией: в тексте источника присутствует описание инфраструктуры города, в том числе соляных варниц и рассолоподъемных труб с указанием владельцев, а также приводится перечень купчих на рассолы и хозяйственные и производственные помещения. Переписные книги менее информативны в силу того, что содержат исключительно перечень дворов с указанием владельцев и некоторых членов семей.

Комплекс материалов писцового делопроизводства, сформировавшийся в течении XVII в., является полным и хорошо сохранившимся, поэтому процесс реконструкции семейных связей становится возможным.

В течении XVII столетия выделяется порядка 15 семей ведущих активную деятельность в соляном промысле. Все эти семьи к началу XVII столетия имели семейные прозвания, что значительно облегчает процесс реконструкции семейно-родственных связей.

Для реконструкции семейных связей балахонских солепромышленников используются тексты перечня дворовладельцев, а также включения в них (передача текстов приказной актовой документации — купчие, данные, закладные, деловые записи и т.д.). На основании данных переписи дворов может быть составлено основное генеалогическое древо. В нем чаще всего отсутствует упоминания о связях рода с другими семьями города.

Для облегчения работы с текстами источников были созданы две базы. Первая включила в себя данные описания дворовладений. В данном случае при составлении базы сделан акцент на количественные данные. Вторая база содержит в себе данные о владении балахонцами долями в рассолоподъемных трудах, документах, на основании которых подтверждено право владения, предшествующие владельцы и т.д. Подобное структурированное представление данных позволяет получать более четкую информацию.

Реконструкция семейных связей необходима для того, чтобы лучше понимать причины перехода влияния от одних семей к другим. Рассмотрим данный вопрос на примере семьи Соколовых. В конце XVI столетия Соколовы относились к числу средних посадских людей Балахны. Документы фиксируют несколько сделок, связанных с продажей соли, откупа в уезде. В 1620-х годах Ларион Минин сын Соколов выдал замуж свою дочь Каптелину за Ивана Колесникова, которого на тот момент можно было от-

² НБЛ ОРПК. Ед.хр. 1056. Писцовая книга города Балахны 1674 –1676г. // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Н.Новгород, 1913. Т. XV, вып. 1. (Далее – Действия НГУАК) С. 1–170.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–68; РГАДА. Ф.281. Оп.1. Балахнинский уезд. Д. 396. Л. 7–72; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15648. Л. 4–64об.

нести к числу десяти наиболее состоятельных людей Балахны. Далее мы видим, как семьи Соколовых и Колесниковых ведут совместные дела: на пример, на время отъезда Соколовых в Соль Камскую в их дворе жил и управлял делами Иван Григорьев сын Колесников. Во второй половине XVII в. мы видим, что Соколовы будут вести совместные дела с московским гостем Щепоткиным. Деловые контакты двух семей были подкреплены и брачным союзом их детей.

Материалы писцового делопроизводства ограничены в фиксации членов семей, особенно малолетних, целями фиксации налогоплательщиков. Доказательством этого может быть попытка реконструкции семейных связей внутри одного из самых экономически активных родов Балахны — Добрыниных. Благодаря дополнительным источникам нам известно о Кондрате Добрынине, чья деятельность территориально связана с Московским регионом. Его отец проживал на территории Балахны, следовательно, и он и родился в этом городе, но ни один известный нам на сегодняшний день источник его не фиксирует. Поэтому генеалогические схемы, реконструируемые нами, имеют определенную степень допущения.

Другой сложностью является попеременное употребление календарных и некалендарных имен. Примером будет род Милютиных. Родовыми именами данной семьи были Богдан и Ефим — мы видим устойчивое чередование этих имен через поколение. При этом имя Богдан календарным не являлось. При анализе документов писцового делопроизводства Нижегородского Поволжья можно отметить такую особенность: при фиксации имен владельцев дворов часто фигурировало некалендарное имя, при фиксации сделок с собственностью и фиксации в документации владельцев объектов инфраструктуры городов (или крупных сельских центров) чаще использовались календарные имена. При помощи сопоставления данных разного рода выявлено, что один из представителей рода Потеха Ефимов сын Милютин, в части документов фиксируется как Наум, хотя его дети записаны как Потехины дети.

Сложность при реконструкции семейных связей связана с частым повторением одинаковых имен. На уровне конца XVI—начала XVII в. среди членов семьи Соколовых появляется Иван Ларионов сын, в 1620-е годы документами фиксируются два его старших сына, также носившие имя Иван. Возникают сложности при выявлении вклада в развитие семейного промысла каждым из трех Иванов. Из текста источника не всегда понятно, о ком идет речь: отце или одном из сыновей, так как в источниках фигурирует имя и семейное прозвание без отчества.

Это лишь небольшой перечень сложностей, на которые необходимо обращать внимание при реконструкции семейных связей и создании генеалогической схемы.

Подобные исследования, направленные на реконструкцию семейных связей людей, объединенных территорией проживания, экономической деятельностью могут рассматриваться как самодостаточные. Вместе с этим результаты подобных изысканий могут стать основой для уточнения специфики социального и экономического развития русского города.

The reconstruction of Balakhna's saltmen family connections in the XVII century

The city of Balakhna is situated in the middle streamway of the Volga river, in close vicinity to Nizhny Novgorod. In the XVIth century the stable trade, related to salt production, had been already formed. For reconstruction of people family connections, related to salt production, complex of documents was drawn: Balakhna's abstract of title, made out from observation books in 1617/18⁴, Balakhna's chirographist books of 1628, 1674–76⁵, census books of 1646, 1653 and 1678⁶. Each several source drawn to investigation has its own specificity. The abstract of title and chirographist books are accommodated by additional information; there is the description of city infrastructure in the source text, among them the description of saltpens and brine pipes with specification of its owners, purchase catalogue to brines and the household and fabrication facilities. Census books are less informative by virtue of the fact that they content the catalogue of including owners and some family members only.

The paperwork system of information was formed for XVIIth century; now it is complete and in fair preservation, that's why the reconstruction process of family connections becomes possible.

For the XVII century about 15 families held a vigorous activity in salt works were allocated. To the beginning of the XVIIth century all these families had had family names; it facilitates the reconstruction process of family connections today.

For reconstruction of Balakhna's saltmen family connections catalogues of common areas owners and also inclusions to it are used (mandatory register texts and documents — purchases, data, bills of sale, business papers etc). On the authority census data of common areas may be a fundamental family tree

⁴ Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского (Казань) Отдел рукописей и редких книг (далее – НБЛ ОРПК) Ед.хр. 1139.

⁵ НБЛ ОРПК. Ед.хр. 1056. Писцовая книга города Балахны 1674 –1676г. // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Н.Новгород, 1913. Т. XV, вып. 1. (Далее – Действия НГУАК) С. 1–170.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–68. РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Балахнинский уезд. Д. 396. Л. 7–72. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15648. Л. 4–64об.

composed. Most often the mentions about generation relations with other families are present in it.

The two basis were generated facilitate further observations of source texts. The first basis included description data of common area holding. In this case qualitative data were brought into focus. The second basis contains the data about Balakhons possessions of parts in brine works, documents certificating rights to possession, anterior owners etc. This structured data representation allows to receive crisper information.

Family connections reconstruction is necessary to appreciate the reasons of conversion the effect of family (from family to family) environment better. Let's consider this problem by the example of Sokolov family. At the end of the XVIth century Sokolovs were range to middle trading quarter people of Balakhna city. The documents commit some bargains concerned with salt disposal, lease of county. In 1620s Larion Minin the son of Sokolov settled his daughter Kaptelina to Ivan Kolesnikov, who could be fit to ten most well-to-do people in Balakhna at that moment. There and then we can see how Sokolov and Kolesnikov families run their cooperative business: for example, during Sokolovs outgoing to Sol Kamskaya Ivan Grigoriev the son of Kolesnikov lived in their area and regulated their business. At the second part of the XVIIth century we can see Sokolovs to run their cooperative business with a Moscow guest Shchepotkin. Business contacts of two families were also supported matrimonial alliance of their children.

The paperwok system of information is limited by fixing of family members, especially preteens, with a view of ratepayer fixing. As an explanatory evidence can be an attempt of family connections reconstruction within a house one of the most economically active families in Balakhna — Dobrynins. Thanks to additional sources we know about Kondrat Dobrynin, whose activity is territorially aligned with Moscow region. His father lived in the territory of Balakhna, so he was born in this city, but none of the currently learned sources does not fix him. That's why the genealogic schemes reconstructed by us have a determinate degree of credibility.

The other complication is an alternate use of calendar and noncalendar names, family of Maliutin being an example. The patronimic names of this family were Bogdan and Efim, we can see the steady interchange of these patronimic names through the generation. However, the name Bogdan was not a calendar name. For the paperwok documents of Nizhegorodskoye Povolgye analysis we can depict the tendency: in the time of common areas owners fixing a noncalendar name often appears, in the time of consumer transactions and money jobbery and infrastructure facilities (or large rural settlements) proprietors fixation in documents calendar names was used more often. With the help of different data comparison we found out that one of family members Potekha Efimov the son

of Maliutin was fixed like Naum in the part of documents, although his children were registered like Potekha's ones.

The complexity of the family connections reconstruction is concerned with the frequency of homonymity. At the end of XVIth and the beginning of XVIIth centuries Ivan the Larionov son appeared among the Sokolov's family members, in 1620s two of his elder sons were also documented as Ivans. The difficulties emerge when we want to elicit the contribution to family business progress by each of three Ivans. It is intractable problem to comprehend who we have in mind — father or one of two sons, because the sources fix only names without patronimics.

It is just a small description of complications we have to pay attention to for family connections reconstruction and genealogic schemes composing.

The similar investigations focused on family connections reconstruction of people consolidated by living area and economical activity can be treated as all-sufficient. Along with it the results of similar research can be the framework for the specification of social and economic development of Russian city.

Андрей Дедук

Российский государственный архив древних актов

«Список русских городов дальних и ближних» в научных биографиях Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера

«Список русских городов дальних и ближних» — памятник русской мысли, известный нам в составе Новгородской первой летописи младшего извода¹, Новгородской четвертой летописи², свода 1518 г.³, Воскресенской летописи⁴, кратких летописных сборников XVI–XVII вв.⁵, сборника Новгородского софийского собора⁶ и в некоторых других памятников, неоднократно привлекал внимание исследователей. К сожалению, в историогра-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 475–477.

² Полное собрание русских летописей (далее в сносках: ПСРЛ). Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 623–624.

³ ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 163–164; Отдел рукописей Государственного исторического музея (далее в сносках: ОР ГИМ). Собр. Уварова, № 188. л. 32 об.–37 об.; Синод. собр. № 645. Л. 46–49.

⁴ ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. III, 240–241.

⁵ ОР ГИМ. Синод. собр. № 939. Л. 5–9; Собр. Уварова. № 138. Л. 16–18 об.

⁶ *Абрамович Д. И.* Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. Вып. III. Сборники. СПб., 1910. С. 186–204. № 1449; *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. С. 98–99.

фии «Списка» зачастую отсутствует полемика и знание историографии по проблеме. Цель данной работы: показать интерпретации Г. Ф. Миллером и А. Л. Шлёцером «Списка» на примере их научных биографий.

Особо отметим, что интерпретациям «Списка русских городов дальних и ближних» в работах Н. М. Карамзина и З. Я. Доленги-Ходаковского посвящена статья Р. Б. Казакова⁷. Ранняя история изучения списка остается на данный момент не изученной.

Герхард Фридрих Миллер получил образование в Лейпцигском университете в 1720-е гг. По мнению А. Б. Каменского, для него «так же как для Татищева, история России была неотделима от географии»⁸.

В своих воспоминаниях Шлецер дает следующую характеристику Миллеру: «бесспорно заслуженнейший и известный за границей их ученых в России, в продолжении более тридцати лет собрал неимоверное множество сведений по древней и новой истории, географии и статистике этого вновь созданного государства, которое до сих пор было terra incognita или, что еще хуже, было совершенно ложно представляемо иностранцам... Но подавленный и запуганный неслыханными интригами, он уже продолжительное время не решался опубликовать что-либо из собранного...»⁹.

Шлецер же учился на богословском факультете Виттенбергского университета и в Геттингенском университете¹⁰. Его становление как историка пришлось на время возникновения такой научной дисциплины как библейской текстологии. По мнению В. Г. Вовиной-Лебедевой, именно с Шлёцера начинается изучение летописных памятников путем сравнения их текстов¹¹. По мнению историка, подход Миллер к изучению летописей

⁷ Казаков Р. Б. Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX в.: Н. М. Карамзин и З. Я. Доленга-Ходаковский // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 169–178.

⁸ Каменский А. Б. Акад. Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 144–145.

⁹ Шлецер А. Л. Общественная и частная А. Л. Шлецера, им самим описанная / перевод с нем. В. Каневича // Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XIII. СПб., 1875. С. 3.

¹⁰ Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705 – 1783) // Миллер Г. Ф. Соч. по истории России: Избранное. М., 1996. С. 374.

¹¹ Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей XIX – XX вв. СПб., 2011. С. 60, 67–68.

«не представлял ничего кардинально нового по сравнению с подходом, например, В. Н. Татищева»¹².

В «портфелях Миллера» нами был выявлен список «Списка русских городов дальних и ближних»¹³. Бумага, на который написан текст памятника, имеет следующие филигранные: «ГКС», баронский герб Сиверса и «1762». По альбому Клепикова полный аналог найти не удалось, хотя существует ряд схожих филигранных¹⁴. Таким образом, уже в начале 1760-х гг. памятник был известен основоположнику изучения русских летописей Г. Ф. Миллеру.

В 1785 г. впервые издал «Список» на немецком языке А. Л. Шлёцер¹⁵. Текст памятника был передан путем транслитерации. При публикации было указано, что открытие «Списка» состоялось в 1761 г. в Санкт-Петербурге.

Второй раз источник был опубликован в «Несторе» А. Л. Шлёцера¹⁶. По наблюдениям последнего (текст цитируется в переводе Д. Языкова), «Уже за 20 лет до сего припечатал я этот географический отрывок в моей *Литовской истории* (курсив А. Л. Шлёцера. — А. Д.) стр. 17–19, в том намерении, что кто-нибудь возьмется объяснить оный; но, сколько мне известно, ни кто ещё не принимался за него»¹⁷.

А. Л. Шлёцер призывал локализовать города, упомянутые в «Списке», провести выявление и сравнение списков памятника. Стоит отметить, что данные изыскания были проведены только в XX в. М. Н. Тихомировым¹⁸.

На наш взгляд ранняя история изучения памятника выглядит следующим образом. В начале 1760-х гг. «Список» был открыт А. Л. Шлёцером. Практически сразу Г. Ф. Миллером была снята копия с памятника. Г. Ф. Миллером не были произведены попытки анализа памятника, и даже при подготовке к публикации «Географического лексикона» Ф. Полунина, изданного усилиями и с добавлениями Г. Ф. Миллера, он не был использо-

¹² Там же. С. 59.

¹³ РГАДА. Ф. 199. Портф. 365. Ч. 4. Д. 7. Л. 1—3.

¹⁴ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели... М., 1959. С. 45–46. М., 1959. № 171–200.

¹⁵ Schlozer A. L. Geschichte von Litauen, Kurland und Liefland. Halle, 1785. S. 17–19.

¹⁶ Шлёцер А. Л. Нестор: русские летописи на древнеславянском языке / Пер. Д. Языкова. Ч. II. СПб., 1816. С. 779–783; Schlozer A. L. Nestor: Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. V. 3. Göttingen, 1805. S. 353–356.

¹⁷ Шлёцер А. Л. Нестор... С. 778.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83–137.

ван¹⁹. А. Л. Шлецером «Список» был впервые издан, и им же был сделан призыв к изучению памятника. Шлецер фактически стоит не только у истоков изучения памятника, но и у истоков российской текстологии.

¹⁹ *Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. Об издании см.: *Каменский А. Б.* Акад. Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. История СССР. 1989. № 1. С. 153–154.

"List of Russian towns near and far" ("Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh") in scientific biographies of G. F. Müller and A.L. Schlözer

"List of Russian towns near and far" ("*Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh*") is a literary monument of Russian thought, known to us in many chronicles¹. "List ..." repeatedly drawn the attention of researchers. In the historiography of the "List" there is no controversy on the issue of knowledge of historiography. The purpose of this work: to show the interpretation of G. F. Müller and A. L. Schlözer "List" in the case of scientific biographies.

The study of the "List ..." N. M. Karamzin and Z.Ya. Dolega-Khodakovskogo was provided in the article by R. B. Kazakov². The early history of the study of the list is not currently understood.

Gerhard Friedrich Müller was educated at the Leipzig University of 20 years of the XVIII century³.

Schlözer studied at the theological faculty of the Wittenberg University and the University of Göttingen⁴. His emergence as a historian had the time to occurrence of biblical textual criticism. According to V. G. Vovina-Lebedeva, it began with Schlozer study chronicles the monuments by comparing their texts⁵. According to the historian's approach to the study of Miller chronicles "There was nothing cardinally new in comparison with the approach, for example, V. N. Tatishchev"⁶.

¹ *Абрамович Д. И.* Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. Вып. III. Сборники. СПб., 1910. С. 186–204. № 1449; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 475–477; ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 623–624; Т. VII. М., 2001. С. III, 240–241; Т. XXIII. М., 2004. С. 163–164; ОР ГИМ. Синод. собр. № 939. Л. 5–9; Синод. собр. № 645. Л. 46–49; Собр. Уварова. № 138. Л. 16–18 об.; Собр. Уварова, № 188. л. 32 об.–37 об.; *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. С. 98–99.

² *Казakov Р. Б.* Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX в.: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 169–178.

³ *Каменский А. Б.* Акад. Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 144–145.

⁴ *Каменский А. Б.* Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705 – 1783) // *Миллер Г. Ф.* Соч. по истории России: Избранное. М., 1996. С. 374.

⁵ *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 60, 67–68.

⁶ *Ibid.* С. 59.

We had identified in the "Müller's portfolios" list of the monument⁷. The paper on which the text of the monument is written has the following filigree, "ГСК", baronial coat of arms Sievers and "1762". The Klepikova album full analogue has been found⁸. Thus, in the early 1760s the manuscript was founded by G.F. Müller.

A. L. Schlözer published for the first time in 1785 "List" in German. The text of the monument was given by transliteration. When publishing, it was stated that the opening of the "List" was held in 1761 in St. Petersburg⁹.

The monument was re-published in the "Nestor"¹⁰. A. L. Schlözer called localize the cities mentioned in the "List" to identify and compare the lists of the monument. It should be noted that these studies were conducted only in the XX century, by M. N. Tikhomirov¹¹.

In my opinion, the study of the early history of the monument is as follows. In the early 1760s. "List" has been discovered by A. L. Schlözer. Almost immediately, G. F. Müller was charged with a copy of the monument. G. F. Müller had not made attempts to analyze the monument, and Nick and even in the publication of "gazetteer" F. Polunin, published efforts and additions by G. F. Müller, it was not used¹². A. L. Schlözer "List" was first published, and it was also a call for the study of the monument. A. L. Schlözer actually stands not only for the study of the origins of the monument, but also at the origins of the Russian textual.

⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 365. Ч. 4. Д. 7. Л. 1–3.

⁸ *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели... М., 1959. С. 45 – 46. М., 1959. № 171–200.

⁹ *Schlozer A. L.* Geschichte von Litauen, Kurland und Liefeland. Halle, 1785. S. 17–19.

¹⁰ *Шлөцэр А. Л.* Нестор: русские летописи на древле-славянском языке / Пер. Д. Языкова. Ч. II. СПб., 1816. С. 779–783; *Schlozer A. L.* Nestor: Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprashe verglichen, übersetz und erklärt. V. 3. Göttingen, 1805. S. 353–356.

¹¹ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 83–137.

¹² *Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773; *Каменский А.Б.* Акад. Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 153–154.

Биографический аспект трансфера европейских технологий морского промысла в Россию в XVIII в.

Представленный доклад содержит некоторые результаты изучения истории правительственных проектов по масштабному переносу морских промысловых технологий из Европы в Россию в XVIII в. Исследования были поддержаны Нидерландским институтом высших исследований в области социальных и гуманитарных наук (NIAS) и морским фондом Нидерландов OHR, предоставившим стипендию Петера Рогаара (Mr. Peter Rogaar fellowship) для проведения исследований в Нидерландах.

Правительственные мероприятия, ставшие предметом моего изучения, мало привлекали внимание исследователей, в первую очередь потому, что, разумеется, меркли на фоне грандиозных преобразований в военной и политической областях. Кроме того, они не вызывали особого интереса, по видимому, из-за своих результатов. Проекты, безусловно, провалились, и в основном исследователи, все же касавшиеся этих событий, предпринимали попытки объяснить этот провал. Именно с этих позиций обращались к данной теме Э. Веберман, С. Ф. Огородников, А. Ф. Шидловский¹, рассматривая попытки развития на китобойного промысла на Белом море при Петре Великом и его ближайших наследниках (вероятно, наиболее известный эпизод этих многолетних правительственных усилий). Наконец, проекты воспринимались как ряд разрозненных попыток и не ставились в более общий контекст европеизации и модернизации России.

При этом все исследователи в общем исходили из ряда предпосылок, принимаемых за аксиому:

1. Природные условия Русского Севера (в первую очередь исследователи обращались именно к проектам, связанным с этим регионом) как нельзя лучше подходили для внедрения европейских видов эксплуатации морских природных ресурсов — идет ли речь о китобойном промысле, европейском засоле сельди или о внедрении европейских конструкций промысловых судов².

¹ Веберман Э. Китобойный промысел в России, ч. 1, М., 1914; Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890; Шидловский А. Ф. (ред.) Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. Архангельск, 1909.

² Последнее замечание требует ряда существенных оговорок. В истории кораблестроения вопросы, касающиеся петровской модернизации промыслового

2. Сам по себе замысел, связанный с именем Петра I, несомненно, был жизнеспособным и направленным на процветание Русского Севера. Только невежество и технологическая отсталость не позволяли местным жителям ранее в полной мере использовать природные ресурсы родного для них региона. В рамках правительственных проектов новейшие европейские методы морского промысла, доказавшие свою эффективность, должны были прийти в жизнь русских промышленников и полностью ее изменить.

3. Провалы в ходе реализации проектов в первую очередь могут быть объяснены, выражаясь современным языком, человеческим фактором. Иностранцы недостаточно добросовестно работали, российские управленцы не были в достаточной мере подготовлены а крестьяне не осознавали всех выгод, которые им сулило выполнение правительственных планов³.

В этой связи одним из важнейших направлений исследования для меня стало изучение биографий и связей людей, так или иначе втянутых в рассматриваемые события, в первую очередь, разумеется, основных участников. В конечном итоге представляется важным попытаться создать коллективные биографии различных групп акторов — владельцев компании, управляющего персонала, зарубежных экспертов и русских промышленников, вовлеченных в изучаемые события, но такая работа является делом будущего. В настоящем докладе я представлю только некоторые результаты поисков сведений о персоналиях, приводящие, на мой взгляд, к неожиданным выводам, касающимся проектов в целом.

А. Бенедикт Небель.

Сведения о Бенедикте Небеле в литературе весьма скудны и в основном сводятся к тому, что именно он в феврале 1698 г., во время пребывания Петра I в Амстердаме в ходе Великого Посольства подал царю проект

флота, разрабатываются довольно активно. Стоит в первую очередь назвать обстоятельную статью В. В. Брызгалова («Строительство западноевропейских судов в Поморье (первая половина XVIII в.)» Нидерланды и Северная Россия: Сборник научных статей. СПб. 2003. С. 235–249), в которой автор далеко уходит от выводов столетней давности, в том числе и относительно соответствия европейских судов русским природным условиям.

³ Приведем один из характерных для существующей исторической литературы выводов, до сих пор принимаемых без особых возражений : «Великий Монарх был зорким стражем производительных сил России, её природных богатств и её интересов. Ошибки позднейших администраторов отдали богатства нашей северной природы и её морей в чужие руки, от которых мы и до сих пор еще не можем вполне освободиться.» (*Арсеньев Ф. А.* Петр Великий в Вологде и на Севере России. Вологда. 1880. <http://www.booksite.ru/fulltext/pit/ert/hef/first/1.htm>

реорганизации морских промыслов на Русском Севере⁴. Сам Небель не был допущен к его реализации и просьба его о предоставлении монополии была отвергнута, но основные положения проекта впоследствии легли в основу правительственных мероприятий. Таким образом, личность этого человека представляет определенный интерес для лучшего понимания дальнейших событий. Обнаруженные в ходе исследования новые материалы о нем позволяют сделать ряд любопытных наблюдений⁵.

Сам Бенедикт Небель представился Петру как опытный шкипер, с юности вовлеченный в разнообразные морские промыслы, в том числе и в китобойные экспедиции к Гренландии (Шпицбергену)⁶. Между тем, поиски в Нидерландах, где история китобойного флота XVII в. (трактуемого в истории Голландии как «Золотой Век») документирована очень хорошо, не дали никаких результатов. Человек по имени Бенедикт Небель (отметим кстати, что имя скорее немецкое, чем голландское, что само по себе ни о чем еще не говорит) не значится ни среди капитанов, ни в списках амстердамских домовладельцев и судовладельцев, которые велись нотариусами. Ни его, ни, кстати говоря, других голландских китобоев, приглашавшихся в Россию, историки голландского китоловства не знают. Между тем шкипер китобойного судна в Нидерландах того времени был заметной, состоятельной и уважаемой личностью, и такое отсутствие каких бы то ни было сведений само по себе подозрительно.

Еще больше сомнений в правдивости информации, сообщенной о себе Небелем, возникает при изучении вновь найденных документов о его деятельности в России. Как следует из прошения, поданного Небелем уже после смерти Петра в 1729 г., он не оставил своих замыслов. Переехав в Россию, Небель поступил на русскую службу и дослужился до обер-фискала. Едва ли состоятельный и успешный шкипер пошел бы на подобный шаг, ломая всю свою сложившуюся жизнь. Более того, в 1729 г., через 30 лет после встречи с Петром в Амстердаме, Небель продолжал составлять и отправлять на рассмотрение российских властей проекты создания компании, строя при этом планы на довольно далекую перспективу⁷. Это заставляет предположить, что в 1698 г. он был еще совсем молодым человеком. Только этим можно объяснить такую активность на протяжении такого долгого времени. Между тем очень сомнительно, чтобы в таком молодом возрасте человек был бы опытным шкипером и капитаном китобойного

⁴ Гузевич Д., Гузевич И. Великое Посольство. Рубеж эпох или начало пути. СПб. 2008. С. 295–296.

⁵ РГАДА. Ф 397. Оп. 1. Д. 221.

⁶ РГАДА. Ф 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 7.

⁷ РГАДА. Ф 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 – 6.

корабля. Можно предположить, что Небель основательно преувеличил свою опытность в морском деле, пытаясь произвести впечатление на московского царя. Судя по тому, что Петр не увлекся его предложениями, попытка Небеля была не слишком удачной. Для нас же важно, что проект, положенный в основу дальнейших правительственных мероприятий, был, вероятно, подготовлен человеком не слишком компетентным в морских делах и сообщившим о себе недостоверные сведения.

Б. Соломон Вернизобер.

Имя Соломона Вернизобера относится к числу наиболее упоминаемых в истории организации китобойного промысла. Именно на него зачастую возлагают ответственность за провалы. Он, единственный из акторов изучаемой истории, стал персонажем массовой культуры, будучи в середине XX в. представлен крайне отрицательным персонажем в повести К. Бадигина «Путь на Грумант» и в кинофильме «Море Студеное». Между тем в истории этой семьи немало деталей и подробностей, заставляющих иначе взглянуть на ситуацию.

С. Вернизобр, потомок гугенотов-кальвинистов, осевших в Пруссии, по прибытии в Россию в нач. XVIII в. стал членом голландской общины гор. Архангельска⁸. Связи с голландцами да и само восприятие его окружающими как голландца весьма важны в контексте деятельности по развитию китобойного промысла, в котором именно голландцы имели непревзойденную репутацию.

По сообщениям источников, Вернизобер был вовлечен в деятельность китобойных компаний с 1723 г., после разорения, и числится управляющим Кольским китоловством, а впоследствии компанией графа П. И. Шувалова с 1749 по 1762 г. В 1760–70х гг. он вновь является архангельским купцом⁹. Между тем, такое долголетие не может не вызывать удивления, как и в случае с Б. Небелем. Трудно представить, чтобы Вернизобер прибыл в Россию с торговой миссией ребенком, к началу 1720-х гг., чтобы выдавать себя за опытного в китобойном деле человека, он должен был быть уже не слишком юн. Стало быть, в нач. 1760-х гг., 40 лет спустя, это был уже глубокий старик. Не совсем очевидно, насколько он был способен вести активную торговлю в нач. 1770-х гг.

Поиск ответа на этот вопрос продолжается. Отметим только, что имя Соломон Вернизобер не было уникально для России того времени. Так, в 1777 г. в Смоленске служил по судебной части артиллерии капитан Соломон Францевич Вернизобер (Месяцеслов Российский за 1777 г. С. 254).

⁸ *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М. 2005. 263–265.

⁹ Там же. С. 264, 267.

Есть основания полагать, что род Вернизоберов в России был куда более разветвлен, чем предполагается на основе скудных материалов, касающихся китобойных компаний.

На данный момент отметим, что сохранившаяся в Государственном архиве Архангельской области небольшая часть делопроизводства китобойных компаний показывает, что С. Вернизобер был опытным бухгалтером, через руки которого проходили крупные суммы. Учетная документация, посылаемая им по запросу от вышестоящей администрации, оставляет впечатление добросовестной работы¹⁰. Вероятно, именно бухгалтерская квалификация, позволяющая представлять на рассмотрение вышестоящих инстанций весьма убедительные отчеты по затраченным суммам, и была тем талантом Вернизобера, который позволял ему так долго держаться на посту управляющего при всех изменениях в руководстве компаний.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (далее в сносках: ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4204, 4205 и др.

Biographic aspect of transfer of the European technologies of marine harvesting to Russia in the 18th c.

The paper presents some results of the research dedicated to the governmental projects of large-scale transfer of European technologies of marine harvesting into Russia in the 18th c. The research has been supported by NIAS and OHR Maritime Foundation (Mr. Peter Rogaar fellowship 2012–2013).

The governmental activities under study got relatively little attention from the researchers first of all because they looked far less important than the dramatic changes in military and political spheres. Additionally the results were quite poor. The projects undoubtedly failed and in general the researchers tried to find some explanations for that. This was the main interest for E. Veberman, S. F. Ogorodnikov, A. F. Shidlovskii who studied the history of development of whaling in the Russian North (perhaps the most known episode of these governmental activities). Finally the projects were considered as a number of separated attempts not connected to the general context of modernization and Europeanization of Russia.

Notably all the researchers adopted several premises:

1. The environmental condition of the Russian North (this region received the major attention from the researchers) were perfect for the introduction of the European methods of marine harvesting, be it whaling or herring preservation.

2. The plan itself connected to the name of Peter the Great was undoubtedly well-done and promised development and prosperity to the Russian North. It was ignorance and technological weakness that prohibited the local inhabitants to use properly the natural resources of their home region. The governmental projects aimed to implement the advanced European technologies into the life of the Russian fishermen and change their life radically.

3. The failures can be explained by the human factor (if we use the modern terminology). The foreign experts didn't work honestly, the Russian officials were not experienced enough to manage such a complicated enterprise and the peasants didn't understand the profits the governmental plans promised to them.

In this connection the details of biographies of actors involved in the projects are quite important for my research. In this paper I will present some results quite important also for the understanding of the story in general.

A. Benedict Nebel.

Our info about Benedict Nebel is quite scarce. He was the person that presented the first project of reorganization of the Russian marine harvesting to Peter I during his visit to Amsterdam in February 1698¹. Nebel himself failed to get approval from the Czar for his plans but the major ideas of the project

¹ *Gouzevitch D., Gouzevitch I. Velikoe posolstvo. Rubezh epoch ili nachalo puti. SPb. 2008. P. 295–296.*

were later used by the Russian government. Thus this person is quite important for the research.

Nebel introduced himself to Peter as experienced skipper involved since his young age into shipping including whaling expeditions to Spitsbergen. At the same time research in the Netherlands, where the history of the 17th c. whaling is well-documented provided no positive results. Benedikt Nebel was not mentioned neither among the skippers of the whaling vessels, nor among the Amsterdam homeowners or shipowners. This is quite strange since the skipper of the whaling ship in the 17th c. Holland was known wealthy and respected person.

Further investigations lead to even more doubts. Some documents were discovered concerning his life in Russia². As we can see from the materials when his project was rejected Nebel moved to Russia and made successful career as a tax-officer. It is very unreliable that the wealthy and known skipper would change his established life that radically. Even in 1729, 30 years after meeting Peter in Amsterdam, he still continued to propose absolutely fantastic projects of whaling and fishing companies with far-reaching plans³. Based on that we can assume that in 1698 he was rather young person and it is very doubtful that in this age he could be an experienced skipper and whaler. Very probably he exaggerated his expertise in order to impress the Russian Czar and unsuccessfully since Peter rejected the project. Thus we may assume that the ideas that became basic for the governmental plans for decades were assumingly prepared by the young and inexperienced person.

B. Solomon Vernizobre.

His name is one of the most mentioned in the history of Russian whaling in the 18th c. He is often claimed to be guilty for the failure of the whaling development. At the same time his biography includes some important details.

S. Vernizobre was born in the family of French Calvinists moved to Prussia. When appeared in Russia in the early 18th c., he became a member of Dutch Calvinist community in Archangelsk⁴. These links with the Dutch community are quite important for the better understanding of his involvement into the development of the whaling activities. The Dutch whalers were undoubtedly considered as the best experts in that time and had superb international reputation.

According to the documents Vernizobre was involved into whaling companies activities since 1723 when he became after bankruptcy the director of Kola whaling company. Later in 1749–1762 he managed the company of count Shu-

² RGADA. F. 397. Op. 1. D. 221.

³ RGADA. F. 397. Op. 1. D. 221. P. 1–6.

⁴ *Zaharov V. N. Zapadnoevropeiskie kupcy v rossiiskoi torgovle XVIII v. M., 2005. P. 263–265.*

valov. Later in 1760–1770s he is mentioned again among the Archangelsk merchants⁵. Meanwhile such a longevity is quite uncommon. We can suppose that Vernizobr was rather young in the early 1720s, but very unlikely he was able to pretend to be an expert in whaling and management in this case. Thus in 1760s, more than 40 years later, he was very old. He could hardly be active on the market in 1770s.

There is still no satisfactory explanation. We can only mention that the name Solomon Vernizobre was not unique for the 18th c. Russia. We can assume that the family was more branched than it is seen through the scarce whaling history documents.

The survived documents of the whaling companies found in Archangelsk regional archives⁶ demonstrate that S. Vernizoblre was quite an experienced accountant and his ability to provide persuasive financial reports for the administration was presumably the main talent that let him to keep the position of manager in all the chages that took place in the companies.

⁵ Ibid. P. 264, 267.

⁶TAAO. F. 1. Op. 1. D. 4204, 4205 and others.

**Петербургский период в биографии вольского именитого
гражданина В. А. Злобина. (ок. 1789—1812 гг.)**

О вольском откупщике В. А. Злобине Н. И. Костомаров писал, что после своего быстрого обогащения он «перестал быть лицом исключительно своей провинции, он сделался историческим лицом целой России»¹. В «Воспоминаниях» Ф. Ф. Вигеля сказано, что в первые годы XIX в. Злобин «в богатом русском кафтане своем ... не оставлял, по большим праздникам, всегда являться во дворце, и не было в Петербурге ни одного человека, который бы не знал его»². Судьба Злобина необычна. Крестьянин Малыковской волости в 1781 г. после преобразования Малыковки в город Волгск (Вольск) Злобин был избран в число ратманов этого города, три года спустя он стал городским головой³. В 1785—1786 гг. он занялся откупными операциями⁴. С этого времени Злобин постоянно не жил в Вольске, часто отлучаясь в Петербург. С начала 1790-х гг. Злобин держал откупа на вино в нескольких губерниях, на соль из Эльтонского и близлежащих соляных озер, а также на производство игральных карт (совместно с компаньоном) — по всей империи. Среди жителей Вольска сохранилось предание о том, что в течение двадцати лет его ежегодный доход достигал 500 тыс. руб.⁵

Не удивительно, что деловая активность Злобина привела его на жительство в северную столицу. Начало его постоянного пребывания в Петербурге можно отнести к 1789 г. Именно тогда он отказался от нового выдвижения на пост городского головы в Вольске⁶. Однако крупные операции по откупам были весьма рискованными предприятиями. Столичный период в жизни Злобина закончился его разорением, которое последовало

¹ *Костомаров Н. И.* Поездка в г. Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. С. 90.

² [Вигель Ф. Ф.] Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. М., 1864. Ч. 2. С. 21.

³ *Владимиров М. М.* Первое столетие Вольска 1780—7 ноября 1880 г.: Материалы для исторического очерка // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. С. 23, 27, 29.

⁴ *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов в конце XVIII—первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 99

⁵ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 92.

⁶ *Владимиров М. М.* Указ. соч. С. 23, 27, 29.

в 1812 г., после чего он вернулся в Вольск и через два года умер⁷. Обстоятельства его пребывания в Петербурге, деловые и дружеские связи в столичной среде, причины быстрого обогащения и стремительного разорения вызывали интерес у современников и потомков. Однако пребывание Злобина в Петербурге оказало влияние не только на его собственную жизнь. Оно отразилось на судьбе его сына и внука. Последствия петербургского периода его биографии в течение длительного времени сказывались на жизни уездного города Вольска и даже повлияли на формирование его внешнего облика.

Самые ранние биографические исследования о Злобине принадлежат Костомарову и М. М. Владимирову⁸. Они послужили основой для биографических очерков о Злобине и его сыне Константине в «Русском биографическом словаре»⁹. В. А. Томсинов в своей монографии о М. М. Сперанском приводит существенные подробности о взаимоотношениях этого государственного деятеля со Злобиными¹⁰. Материал о жизни Злобина в Петербурге и о первом браке его сына содержат воспоминания Ф. Ф. Вигеля,¹¹. Кроме того, существует неопубликованная запись сведений о его биографии, в которой встречаются расхождения с данными, опубликованными Костомаровым и Владимировым. Она хранится в государственном архиве Саратовской области.¹²

Неизвестный автор этой рукописи указывает точную дату смерти Злобина — 18 августа 1814 г.¹³ и его возраст к моменту смерти — 61 год. На основании сведений из этого документа выясняется дата его рождения — 1753 г. Здесь же указано и его сословное происхождение. Его отец Алексей Половников был дворцовым крестьянином слободы Воскресенской, принадлежавшей к Малыковской волости¹⁴. Автор анонимной записи сообщает, что сын Алексея Половникова Василий благодаря своим способностям был замечен чиновником, ведавшим дворцовыми селами в Поволжье, —

⁷ Государственный архив Саратовской области (далее в сносках: ГАСО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 113.

⁸ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 87–111; *Владимиров М. М.* Указ соч. С. 17–64.

⁹ *Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский* / Ред. Шумигорский Е.С., Курдюмов М.Г. Пг., 1916. С. 411–415.

¹⁰ *Томсинов В. А.* Сперанский. М., 2006.

¹¹ *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 21–23.

¹² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 110.

¹³ Там же. Л. 113.

¹⁴ Там же. Л. 110.

управителем Шагаровым — и назначен волостным писарем¹⁵. Злобин сумел завоевать доверие членов волостной избы и благодаря их содействию выгодно жениться. Его женой стала Пелагея, дочь богатого крестьянина Михаила Волковойнова¹⁶. Костомаров пишет, что, женившись на ней, Злобин стал старообрядцем, хотя до этого не принадлежал к «раскольникам»¹⁷.

Вигель, посещавший его в Петербурге в первые годы царствования Александра I, дает ему любопытную характеристику: «Старик Злобин был тип наших православных мужичков, то есть, человек и добрый, и хитрый; он сохранил и поступь, и речи и поговорки своего первобытного состояния, одним словом, все, даже одежду и бороду. Этим самым отличился он от братии своей, откупщиков, и, как говорится ныне, создал себе позицию в свете»¹⁸. Мемуарист пишет и об умении откупщика «ставить себе везде подпоры», выполняя просьбы разных лиц о ходатайстве. При этом Злобин обладал чувством такта, которое Вигель называет «великим достоинством», поскольку «с молящими его о помощи обходился он дружески ласково, совсем не покровительственно, что в купце было бы несносно»¹⁹.

Вигель отметил в нем и чувство любви к своей малой родине — городу Вольску. В Петербурге этот богач «ни дома, ни дачи не хотел...купить», но зато тратил деньги на строительство и богатое убранство каменного дома в Вольске, на разведение там садов, а в столице он «жил как на ночлеге»²⁰. Относительно «петербургского ночлега» богатого откупщика он отмечает, что «ночлег» был весьма солидным — это был наемный трехэтажный дом, для которого была закуплена дорогая мебель, картины и бронзовые украшения. (Причем, эти покупки были сделаны не самим Злобиным). По мнению Вигеля, все дорогие предметы «без вкуса и порядка» загромождали интерьеры²¹.

Осуществлять свои масштабные откупные операции Злобин мог только при поддержке могущественного покровителя. В Вольске рассказывали, что основой его успехов было знакомство с генерал-прокурором князем А. А. Вяземским²². Их «деловая дружба» могла продолжаться до смерти князя в 1793 г. Владимиров сообщает, что, кроме Вяземского, Злобина

¹⁵ Там же. Л. 110 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 93.

¹⁸ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 21–22.

²¹ Там же. С. 22

²² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 89–90.

поддерживал «тогдашний министр финансов Кочубей»²³. (Однако этот государственный деятель никогда не занимал пост министра финансов.²⁴). О деловых связях Сперанского со Злобинными в Саратовской губернии сведений не сохранилось. Его не называли в числе покровителей этой семьи, хотя факт родственной связи Константина Злобина со Сперанским был известен. (Константин был женат на сестре его жены англичанке Марианне Стивенс и приходился ему свояком).

В высших петербургских кругах родственные и деловые связи Злобиных со Сперанским были предметом пристального внимания. Томсинов приводит фрагмент письма секретаря императрицы Н. М. Логинова к С. Р. Воронцову от 13 сентября 1812 г. Он писал, что Сперанский приобрел свои имения нечестным путем, что несколько его домов куплены на имя Злобина, чей сын приходится ему свояком; Константин Злобин получил «чины, места и жалованье» благодаря Сперанскому, а его отец в своих делах «имел в Сперанском подпору и защиту, а в спекуляциях — товарища»²⁵. Томсинов полагает, что такого рода обвинения в адрес Сперанского были несправедливы²⁶. Однако факт покровительства Сперанского Злобиным подтверждается рядом событий. Они связаны с биографиями Константина Васильевича Злобина и его сына Константина, а также с судьбой города Вольска.

В «Русском биографическом словаре» в качестве даты рождения К. В. Злобина указан 1771 г.²⁷. Более точные сведения на этот счет находятся в документах дела о дворянском достоинстве рода Злобиных, которое хранится в фонде дворянского собрания государственного архива Саратовской области²⁸. В частности, здесь имеется выписка из формулярного списка К. В. Злобина и свидетельство о его смерти, выданное на основании метрических книг. В свидетельстве о смерти указано, что он умер 13 августа 1813 г. в возрасте 32 лет²⁹. Следовательно, он родился в 1781 г. Ко времени его рождения семья уже обладала солидными средствами и видным общественным по-

²³ *Владимиров М. М.* Указ. соч. С. 37.

²⁴ *Чечулин И. Д.* Кочубей Виктор Павлович // *Русский биографический словарь: Кнаппе—Кюхельбекер.* / Ред. Чечулин И. Д. СПб., 1903. [Репринтное воспроизведение М., 1995]. С. 374.

²⁵ *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 219.

²⁶ Там же.

²⁷ *С. Г. [Горяинов С.]* Злобин Константин Васильевич // *Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский* / Ред. Шумигорский Е. С., Курдюмов М. Г. Пг., 1916. С. 412.

²⁸ ГАСО Ф. 19. Оп. 1. Д. 468.

²⁹ Там же. Л. 40.

ложением. Это позволило В. А. Злобину позаботиться о возможности для сына поступить на государственную службу. К. В. Злобин получил образование в колонии Сарепте, находившейся на территории Саратовской губернии³⁰. В учебные заведения этой колонии охотно отдавали своих детей саратовские дворяне³¹. В.А. Злобин, вероятно, преследовал цель дать сыну «дворянское» образование, и одновременно — навыки общения в среде молодых дворян, которые учились в этой колонии.

Образование позволило К. В. Злобину поступить на государственную службу. Его продвижение по лестнице чинов совершалось весьма успешно. Согласно сведениям формулярного списка Константина, он поступил на службу в 1798 г. в канцелярию Санкт-Петербургского генерал-губернатора, из которой в 1800 г. был переведен в канцелярию генерал-прокурора. В этом же году он был произведен в губернские секретари, в 1801 г. получил последовательно два чина — титулярного советника и коллежского асессора, в конце 1802 г. был произведен в надворные советники. Но, несмотря на стремительное продвижение по службе, в феврале 1805 г. К. В. Злобин подал прошение об отставке. При увольнении он был награжден чином коллежского советника³². (К тому времени он служил уже в министерстве юстиции³³.)

И успешная карьера, и прекращение службы К. В. Злобина были результатом его взаимоотношений со Сперанским. Их знакомство произошло, скорее всего, в канцелярии генерал-прокурора. Будущий реформатор с 1797 г. занимал в канцелярии разные должности и довольно быстро стал ее правителем³⁴. Свою будущую жену Константин, по словам Вигеля, встретил в доме Сперанского, который стал инициатором их брака³⁵. Он хотел «пристроить» свояченицу и обеспечить ей безбедное существование, а карьера будущего мужа Марианны была в его руках. Продвижение Константина по лестнице чинов должно было способствовать получению им дворянского звания. Его жена, по тогдашним законам, в этом случае обретала дворянское достоинство. Полученный им в 1801 г. чин коллежского асессора давал право на потомственное дворянство. Однако брак со своя-

³⁰ С. Г. [Горяинов С.]. Указ. соч. С. 414.

³¹ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 452–453.

³² ГАСО Ф.19. Оп. .1 Д. 468. Л. 14 об.

³³ Там же. Л.57.

³⁴ Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1993. С. 14.

³⁵ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 22.

ченицей Сперанского оказался для Константина неудачным, что привело к его отъезду из Петербурга.³⁶

Благодаря тому, что сын Злобина стал дворянином, семья смогла приобрести не только винокуренные заводы, сады, мельницы, каменные дома, но также земли, дачи и поместья с крестьянами, которых насчитывалось более 6 тыс. душ³⁷. Разорение В. А. Злобина последовало после войны 1812 г. В записке, хранящейся в ГАСО, причиной его разорения назван «гибельный 1812 год»³⁸. Информатор Н. И. Костомарова называет и другие причины — недобросовестность деловых агентов Злобина и неосторожное проявление им враждебности по отношению к влиятельным лицам.³⁹ Имущество Злобиных было распродано с торгов по заниженным ценам⁴⁰. Городское общество Вольска выступало в качестве поручителя за откупные операции, поэтому на нем остался огромный долг — 1млн. 353 тыс. руб.⁴¹. Константин Злобин умер в 1813 г., а его отец в — 1814 г.

Примечательно то, что разорение Злобиных произошло тогда, когда Сперанский был уже отстранен от дел и отправлен в ссылку. Однако история его взаимоотношений с семьей Злобиных на этом не закончилась. После смерти Константина остались вдова и дети, поскольку в 1810 г. он женился вторично⁴². Дальнейшая судьба его семьи, а также обстоятельства аннулирования долга жителей Вольска показывают, что Сперанский после своего возвращения в Петербург (1821 г.) не забыл Злобиных. Положение вдовы и детей Константина после разорения было очень сложным. Однако в Саратове говорили, что часть имущества В. А. Злобина смогли утаить от продажи с торгов его прежние «сотрудники» вольские купцы⁴³. В 1829 г. был издан указ Николая I, по которому город Вольск был освобожден от уплаты процентов и штрафных денег, и казенный долг Злобина был аннулирован⁴⁴. Внуку Злобина Константину Константиновичу была выдана денежная компенсация в размере 100 тыс. рублей за имение его отца, незаконно проданное за долги В.А. Злобина.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а Л. 112

³⁸ Там же.

³⁹ С. Г. [Горяинов С.] Указ. соч. С. 414.

⁴⁰ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 111 об.

⁴² [Скопин Н. Г.] Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовскою ученою архивною комиссией. Саратов, 1891. Т. 1. . С. 401.

⁴³ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 112–112 об.

⁴⁴ Владимиров М. М. Указ. соч. С. 39.

Вероятно, этому способствовал Сперанский. Начало успешной карьеры Константина Константиновича, который окончил Петербургский университет и уже в двадцатичетырехлетнем возрасте получил должность столоначальника в министерстве иностранных дел⁴⁵, тоже могло быть результатом покровительства Сперанского.

Дома, выстроенные в Вольске на деньги Злобина в конце XVIII в., остались своеобразным памятником «делового сотрудничества» Злобиных со Сперанским. Они заложили основы формирования архитектурного облика центра города, который отличается стилистической цельностью и до сих пор продолжает удивлять приезжих.

⁴⁵ С. Г. [Горяинов С.] Злобин Константин Константинович //Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский / Ред. Шумигорский Е.С., Курдюмов М. Г. С. 415.

Petersburg period in the biography of the Volsk eminent citizen

V. A. Zlobin (about 1789–1812)

N. I. Kostomarov wrote about Volsky farmer V. A. Zlobin that after his get-rich-quick scheme he had "ceased to be the person of only his province, he became a historical figure of the whole of Russia"¹. In his "Reminiscences" F. F. Vigel said that in the early years of the XIX century Zlobin "in a rich Russian coat ... kept, on great occasions, appearing in the palace, and there was not a single person in St. Petersburg, who did not know him."² The life of this person is unusual. In 1781 Zlobin, a peasant of Malykovsky volost, after converting Malykovka to the city of Volgsk (Volsk) was elected one of the Aldermen of the city, and three years later he became a mayor³. In 1785-1786 he took up the farming operations⁴, and since then he spent more time in St. Petersburg than in Volsk. Starting with the early 90's Zlobin had sole right to sell wine in several provinces, salt from Eltonsky and nearby salt lakes, as well as the right for playing cards production, with a partner, throughout the empire. Volsk residents tell a legend that for twenty years his annual income was as big as 500 thousand rubles.⁵

It is not surprising that Zlobin's business activity brought him to the northern capital of Russia. Approximately in 1789 he declined his new nomination to the position of Volsk mayor⁶ and settled in St. Petersburg. However, serious farming operations were quite risky enterprises. Metropolitan period of his life ended with bankruptcy in 1812; then he returned to Volsk and died two years later⁷. The circumstances of his stay in St. Petersburg, his business and friendly ties, his rag-to-riches story and rapid downfall caused interest among his contemporaries and descendants. However, Zlobin's stay in St. Petersburg had an impact not only on his own life but also on the life of his son and grandson. St. Petersburg period of his biography had a long-lasting effect on the town of Volsk, its life and look.

¹ *Костомаров Н. И.* Поездка в г. Волгск. // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. С 90.

² [*Вигель Ф. Ф.*] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. М., 1864. Ч. 2. С.21.

³ *Владимиров М. М.* Первое столетие Вольска 1780 –7 ноября 1880 г.: Материалы для исторического очерка //Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т.1. С. 23, 27, 29.

⁴ *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов в конце XVIII – первой половине XIX веков. Дис. канд. ист. наук. Саратов, 2007. С.99

⁵ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С.. С.92.

⁶ *Владимиров М. М.* Указ. соч. С. 23, 27, 29.

⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 113.

Kostomarov and M. Vladimirov⁸ were the first to conduct research on Zlobin's biography; their studies formed the basis for biographical essays about Zlobin and his son Konstantin in the "Russian Biographical Dictionary"⁹. V. A. Tomsinov in his monograph on Mikhail Speransky gives essential details about the relationship of this statesman with the Zlobins¹⁰. The sources of information about Zlobin's life in St. Petersburg and his son's first marriage are the memories of F. F. Vigel¹¹. Besides, there exists an unpublished version of his biography that has some discrepancies with the data published by Kostomarov and Vladimirov. It can be found in the State Archive of Saratov region.¹²

An unknown author of the manuscript names the exact date of Zlobin's death: 18 August 1814¹³ and his age at the time of death: 61. Hence, the date of his birth: 1753. The same document reveals his social background. His father Alexey Polovnikov was a royal peasant of Voskresenskaya sloboda that belonged to Malykovskaya volost¹⁴. The author of the anonymous entry informs that Alexey Polovnikov's son Vasily due to his abilities had been noticed by the state officer Shagarov who was in charge of royal villages in Volga region and appointed a district clerk¹⁵. Zlobin managed to win the trust of volostnaya izba (parish hut) members and due to their support he made a good match. He married Pelageya, a daughter of a rich peasant Mikhail Volkovoinov¹⁶. Kostomarov writes that in their marriage Zlobin turned an Old Believer though he had never been schismatic before¹⁷.

Vigel who visited him in St. Petersburg in the early years of Alexander I reign gives him a curious description: «Old Zlobin was of the Orthodox moujik type, i. e., both kindhearted and crafty; he has kept the gait, talk and sayings of his natural state, in a word, everything, even clothing and the beard. In that he was different from his fellow-farmers and made his position in the society»¹⁸. The memorialist notes the farmer's skill to find useful connections, fulfilling

⁸ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 87–111; *Владимиров М. М.* Указ соч. С. 17–64.

⁹ *Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский*/Ред. Шумигорский Е.С., Курдюмов М. Г. Пг., 1916. С.411–415.

¹⁰ *Томсинов В. А.* Сперанский. М., 2006.

¹¹ *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 21–23..

¹² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л 110–113.

¹³ Там же. Л. 113.

¹⁴ Там же. Л 110.

¹⁵ Там же. Л. 110об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 93.

¹⁸ *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 21.

different requests of mediation. Moreover, Zlobin possessed the sense of delicacy which Vigel called «a great virtue», as «he treated those begging for help in a friendly manner and without any condescension which would be obnoxious in a merchant»¹⁹.

Vigel also marked his love to his homeland, the town of Volok. This wealthy man «did not want to buy neither a house nor a summer cottage» in Petersburg, but spent a lot of money on construction and refurbishing of his stone house in Volok, on keeping gardens there, but he regarded the capital city as «an overnight stay»²⁰. As for the rich farmer's «Petersburg abode», he noted that «the abode» was quite substantial: it was a rented three-story building furnished with expensive pieces, paintings and bronze ornaments (all these were purchased by some other person). In Vigel's opinion, all expensive things "without taste or order" clutter up the interiors²¹.

Zlobin could carry out his operations only with the support of a powerful patron. Volok attributed his success to his acquaintance with the Attorney-General Prince A. A. Viazemsky²². Their "business friendship" probably continued to the prince's death in 1793. Vladimirov said that beside Viazemsky, Zlobin enjoyed support of "the then Minister of Finance Kotchoubey"²³. (In fact, this statesman never had the position of the Minister of Finance.²⁴). There is no evidence about Zlobin's business relations with Speransky in the Saratov province. He was not mentioned among this family's patrons, although their kinship was known as Konstantin was married to Speransky's sister-in-law.

St. Petersburg looked at it differently. Tomsinov mentions a piece of writing of the Empress's Secretary N. M. Loginov to S. Vorontsov of 13 September 1812. He wrote that Speransky acquired his estates by dishonest means and that several of his houses were bought in the name of Zlobin whose son is his brother-in-law, Konstantin Zlobin received the "ranks, fat office and handsome salary" due to Speransky, and for his father's business "Speransky was his support and protection, while in profiteering they were comrades."²⁵. Tomsinov believes that such accusations were not fair to Speransky.²⁶ However, the fact of Speran-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 21–22.

²¹ Там же. С. 22.

²² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 89–90.

²³ Владимиров М. М. Указ. соч. С. 37.

²⁴ Чечулин И. Д. Кочубей Виктор Павлович // Русский биографический словарь: Кнаппе—Кюхельбекер / Ред. Чечулин И. Д. СПб., 1903. [Репринтное воспроизведение М., 1995]. С. 374.

²⁵ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 219.

²⁶ Там же.

sky patronage to Zlobin is confirmed by a number of events connected with the biographies of Konstantin Vasilievich Zlobin and his son Konstantin as well as with the town of Volsk.

Russian Biographical Dictionary gives K. V. Zlobin's date of birth as 1771²⁷. More detailed information can be found in the documents on nobility of the Zlobins' family that is kept in the fund of Nobility Assembly of the State Archive of the Saratov region²⁸. There is an extract from the official record of K. V. Zlobin and his death certificate, issued on the basis of church books. His death certificate states that he died on 13 August 1813 at the age of 32²⁹. Therefore, he was born in 1781. By the time he was born his family had already possessed substantial wealth and distinguished position in the society. It gave V. A. Zlobin's son the opportunity to join the state service. K. V. Zlobin received education in Sarepta colony on the territory of Saratov province³⁰. Saratov nobility gladly sent their children to educational institutions of this colony³¹. V. A. Zlobin, probably, aimed to give his son «noble» education together with social ties among young nobility who attended there.

The education allowed K. V. Zlobin enter the state service. His promotion up the rank ladder was quite successful. According to Konstantin's record, in 1798 he joined the Office of St. Petersburg Governor General, and in 1800 was transferred to the Office of the Attorney General. The same year he was promoted to Secretary of province, in 1801 he got successively two ranks —Titular Councilor and Collegiate Assessor, and at the end of 1802 he was promoted to Court Councilor³². But in spite of this quick promotion, in February 1805 K. V. Zlobin tendered his resignation. At dismissal, he was awarded the rank of Collegiate Councilor. (By that time he had been serving in the Ministry of Justice³³).

Both K. V. Zlobin's successful career and retirement resulted from his relationship with Speransky. They might have met in the Office of the Attorney General. The future reformer had various positions in the Office since 1797 and

²⁷ С. Г. [Горяинов С.] Злобин Константин Васильевич //Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский/Ред. Шумигорский Е.С., Курдюмов М.Г. Пг., 1916. С. 412.

²⁸ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 468.

²⁹ Там же. Л. 40.

³⁰ С. Г. [Горяинов С.]. Указ. соч. С. 414.

³¹ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 452–453.

³² ГАСО Ф.19. Оп. 1 Д. 468. Л. 14об

³³ Там же. Л. 57.

quite soon became its head³⁴. According to Vigel, Konstantin met his future wife in the house of Speransky who was the initiator of their marriage³⁵. He wanted to settle his sister-in-law and provide her with a comfortable life; and the career of Marianne's future husband was in his hands. Konstantin's promotion up the state officials ladder had been instrumental in obtaining noble titles. His wife in this case regained the noble rank, too. The rank of Collegiate Assessor received in 1801 gave him the right of hereditary nobility. However, the marriage with Speransky's sister-in-law proved unsuccessful for Konstantin and made him leave St. Petersburg.³⁶

Due to Zlobin's son's newly-acquired nobility the family was able to acquire not only distilleries, gardens, mills, stone houses, but also the land, summer cottages and estates and more than six thousand peasants³⁷. V. A. Zlobin's downfall followed the war of 1812. A note kept in the State Archive of Saratov region (SASR) has «perilous 1812»³⁸ named as the cause of his downfall. N. I. Kostomarov's informer gives also some other causes: Zlobin's agents' dishonesty and his careless hostility manifestation towards some people of influence.³⁹ The Zlobins' property was sold at auction at low prices⁴⁰. Volsk community acted as guarantor for farming operations, so it was left with a huge debt of 1 mln 353 thousand rubles.⁴¹ Konstantin Zlobin died in 1813 followed by his father in 1814.

It should be noted that the Zlobins' downfall happened after Speransky's had been shelved and sent into exile. However, his relationship with the Zlobins family was not over. Konstantin left a widow and children after his death (he had married the second time in 1810)⁴². His family further fate and the circumstances Volsk citizens' debt was cancelled witness that Speransky did not forget the Zlobins upon his return to Petersburg in 1821. Some of Saratov residents were aware that part of V. A. Zlobin's property was concealed from the auction

³⁴ *Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1993. С. 14.

³⁵ *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 22.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1..Д. 506а Л. 112

³⁸ Там же.

³⁹ *С. Г. [Горяинов С.]* Указ. соч. С. 414

⁴⁰ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 95.

⁴¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 111 об.

⁴² [*Скопин Н. Г.*] Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовскою ученою архивною комиссией. Саратов, 1891. Т. 1. С. 401.

by his fellow-merchants.⁴³ In 1829, Nicholas I issued a decree releasing the town of Volsk from payment of interest and penalty money. Thus, Zlobin's official debt was cancelled.⁴⁴ Zlobin's grandson Konstantin received monetary compensation in the amount of 100 thousand rubles for the estate of his father that has been illegally sold for V. A. Zlobin's debts. That might have been Speransky's contribution as well. Successful start of Konstantin's career could also be the result of Speransky patronage: Zlobin's grandson graduated from St. Petersburg University and at the age of 24 was promoted to Head Clerk in the Ministry of Foreign Affairs⁴⁵. Houses built in Volsk on Zlobin's money in the late 18 century remain a monument to "business cooperation" of the Zlobins and Speransky. They formed the base of architectural face of the city centre that even today amazes us with its stylistic unity.

⁴³ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 112–112 об.

⁴⁴ *Владимиров М. М.* Указ. соч. С. 39.

⁴⁵ *С. Г. [Горяинов С.]* Злобин Константин Васильевич // *Русский биографический словарь: Жабокритский—Зявловский...* С. 415.

Финляндские торговые стряпчие в портах Российской империи в XIX в.

Настоящая статья посвящена финляндским торговым стряпчим, защищавшим в период существования Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.) интересы финляндцев на территории Российской империи. При ее написании использованы как уже имеющиеся публикации, содержащие данные по этой теме, так и не использованные ранее материалы финляндской периодической печати. Интернет-ресурс финляндских газет и журналов за 1771–1910 гг., переведенных в цифровой формат, находится по адресу <http://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/secure/main.html>. Похожий ресурс исторических эстонских газет (1821–1944 гг.) располагается на сайте по адресу <http://dea.nlib.ee/>.

В 1809 г. Финляндия, до этого находившаяся под властью Швеции, была аннексирована Российской империей и получила в составе последней статус автономного великого княжества. В этом качестве Финляндия представляла собой единую административную единицу и осуществляла довольно независимую экономическую политику в отношении новой метрополии. У нее была своя таможенная служба, и, несмотря на попытки российских властей создать себе преимущества в торговых отношениях с новой провинцией путем регулирования финляндско-российской торговли (особенно в период с 1835 по 1859 г.),¹ Финляндии удавалось достаточно успешно защищать свои экономические интересы. Интересно заметить при этом, что российские власти рассматривали торговлю с великим княжеством в рамках внешней торговли. Поэтому, например, соответствующая статистика велась Департаментом внешней торговли Министерства финансов.² В то же время в Финляндии торговля с балтийскими портами Российской империи была в 1812 г. приравнена к внутренней торговле,³ а ста-

¹ Суни Л. Финляндско-русские торговые отношения (1858–1885), Тарту. 1963, стр. 32.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 19. Департамент внешней торговли Министерства финансов.

³ Joustela K. E. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809–1865. Helsinki, 1963. S. 94.

тистика торговли Финляндии с Россией велась отдельно от статистики финляндской торговли с иностранными государствами.⁴

Главным направлением в торговле Финляндии с Россией был, безусловно, Санкт-Петербург — столица империи. Уже в 1826 г. Комитет по делам Финляндии установил, что в Петербурге должен находиться специальный чиновник, который будет следить за порядком вывоза в княжество кованого железа.⁵ С расширением объемов российско-финляндской торговли возникла необходимость назначения более универсальных торговых представителей великого княжества в трех городах, являвшихся основными партнерами для финляндских купцов, то есть в Санкт-Петербурге, Ревеле (Таллинне) и Риге. В связи с этим в российско-финляндское торговое положение 1835 г. была внесена статья, гласившая, что для оказания финляндским купцам, шкиперам и промышленникам содействия «предоставляется финляндскому начальству определить торговых стряпчих по сим делам в Петербурге и Ревеле, а если окажется нужным, то и в Риге».⁶

Первым финляндским торговым стряпчим, назначенным в 1835 г. в Петербург, стал коллежский советник Карл Шлютер (Carl Schlüter).⁷ С 1841 г. он также занимал должность переводчика при Министерстве иностранных дел Российской империи.⁸

Одновременно с этим первый финляндский торговый стряпчий был назначен также в Ревеле. Этот пост достался переводчику ревельского оберландгерихта (верховного земского суда), купцу третьей гильдии Густафу Фредрику Бёнингу (Gustaf Fredrik Böning)⁹, который занимал его вплоть до своей смерти в 1866 г. В действительности на эту должность претендовало еще одно лицо. Это был ревельский купец Аугуст Фрейбуш (August Freybusch), который обратился за поддержкой к эстляндскому гражданскому губернатору Павлу Ермолаевичу Бенкендорфу (Paul Friedrich von Benckendorff). Бенкендорф направил рекомендательное письмо в пользу Фрейбуша статс-секретарю Великого Княжества Финляндского графу Роберту Ивановичу Ребиндери (Robert Henrik Rehbinder), но к тому

⁴ *Rein G.* Bericht über die Verwaltung des Grossenfürstenthums Finnland während der Jahre 1855–1861. Übersetzung aus dem Schwedischen / verfasst nach offiziellen Dokumenten. Helsingfors, 1862. S. 140–147.

⁵ *Joustela K. E.* Suomen Venäjän-kauppa autonomian... S. 97.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1835. Т. X. 8241, § 39.

⁷ *Finlands Allmänna Tidning* 28.10.1835.

⁸ *Joustela K. E.* Suomen Venäjän-kauppa autonomian... S. 99.

⁹ *Finlands Allmänna Tidning* 28.10.1835.

времени Бёнинг был уже назначен на эту должность, поэтому Фрейбуш ее не получил.¹⁰

Почти год спустя, 1 (13) октября 1836 г., должность финляндского торгового стряпчего была введена также в Риге.¹¹ 17 (29) октября 1836 г. на этот пост был назначен Карл Густаф Вестберг (Carl Gustaf Westberg) — глава купеческого дома Вестбергов.¹²

Любопытно, что помимо трех вышеперечисленных портов еще один порт в Российской империи получил впоследствии финского торгового представителя. Речь идет об Одессе. В 1850 г. купец Йонс Олоф Берг (Jöns Olof Berg), сын шведского консула в Кенигсберге, стал первым финляндским «торговым атташе» в Одессе.¹³

С просопографической точки зрения было бы очень интересно изучить биографии финляндских торговых стряпчих в Санкт-Петербурге, Ревеле, Риге и Одессе в период существования Великого княжества Финляндского.

К настоящему времени автору данной статьи удалось более подробно исследовать биографию первого торгового стряпчего в Ревеле Густафа Фредрика Бёнинга, оставившего заметный след в истории финляндско-российских торговых и финско-эстонских культурных связей.¹⁴

Г. Ф. Бёнинг родился в городе Экенес (Таммисаари), в шведоязычной семье. Он был старшим сыном Густава Бёнинга, члена местного городского совета. В 1806 г. Густаф Фредрик, по семейным обстоятельствам, переехал жить в Ревель. Его родственник Рейнхольд Йохан Бёнинг (Reinhold Johan Böning), бывший в то время пастором шведского прихода в Ревеле, помог молодому человеку найти работу в одном из крупных ревельских торговых домов. В 1814 г. Густаф Фредрик женился на приемной дочери Р. Й. Бёнинга Анне Шарлотте. У них было двое детей — дочь Дженни Ловиса Рейнхольдина и сын Рейнхольд Брикс.

Г. Ф. Бёнинг стал преуспевающим ревельским купцом. Кроме того, в 1826–52 годах он работал переводчиком в ревельском оберландгерихте, а в 1835 г. был назначен торговым стряпчим Великого княжества Фин-

¹⁰ Соответствующая переписка между Бенкендорфом и Ребиндером хранится в Эстонском историческом архиве – Eesti Ajalooarhiiv (EAA) f. 21, n. 1, s. 2648.

¹¹ Finlands Allmänna Tidning 31.10.1836.

¹² Joustela K. E. Suomen Venäjän-kauppa autonomian... S. 99.

¹³ Engman M. Finländare i Moskva, Odessa, Kazan och Baku // Historisk Tidskrift för Finland 4 (85). Helsingfors, 2001. S. 458–464.

¹⁴ Värä E. Gustaf Fredrik Böning – en bortglömd föregångare inom estnisk-finska relationer // Historisk Tidskrift för Finland 3. Helsingfors, 2009. S. 320–333; Värä E. Suomen ensimmäinen Tallinnan kauppa-asiamies Gustaf Fredrik Böning // Genos: Suomen Sukututkimusseuran aikakauskirja 3. Helsinki, 2011. S. 109–119.

ляндского в Ревеле. Систематичные отчеты Бёнинга о торговле между портами Эстляндии и Финляндии являются ценными источниками для тех, кто изучает эстляндско-финляндские торговые связи в период до 1865 г. В 1840 г. Бёнинг был принят в состав финляндского рыцарства, будучи удостоен титула барона.

Хотя Бёнинг не получил университетского образования, он играл заметную роль в социальной, культурной и образовательной жизни Финляндии. Он был членом нескольких научных и культурных обществ: Финского литературного общества (1840), Королевского общества по изучению древних текстов в Копенгагене (1843), Академии литературы, истории и древностей в Стокгольме (1857) и т. п.

Бёнинг сделал немало пожертвований (коллекции монет, книг, церковной утвари и т. п.) университетам Хельсинки и Лунда, нескольким школам в Финляндии, церквям в Финляндии и Эстонии и т. д. Одним из самых масштабных его начинаний была постройка церкви на острове Нарген (эст. Найссаар) близ Ревеля. Под предводительством Бёнинга были собраны деньги и получены необходимые для строительства разрешения. Церковь на Найссааре была освящена в 1856 г.

Бёнинг также часто организовывал сбор пожертвований для нуждающихся как в Эстонии, так и в Финляндии. За свою деятельность торговый стряпчий был награжден несколькими орденами и медалями как со стороны российских и финляндских, так и шведских (орден Вазы) властей. Бёнинг скончался в Ревеле 26 мая 1866 г.

После его смерти в Ревеле сменилось несколько торговых стряпчих. В июле 1866 г. на эту должность был назначен коллежский асессор Франс Август Теодор Якоб Тавастшерна (Frans August Theodor Jakob Tawaststjerna).¹⁵ Родившийся 7 апреля 1821 г. в Стокгольме Тавастшерна служил в финляндском гренадерском батальоне, закончив службу в 1849 г. в звании штабс-капитана. Помимо этого, он был также известен как оперный певец и аранжировщик. В некрологе, напечатанном в газете Suomen Virallinen Lehti после смерти Тавастшерна, отмечалось, что среди финляндских композиторов, которых не так уж и много, он занимал заметное место, хотя его произведения не приобрели той известности, которую они заслуживали. Тавастшерна был автором ряда песен, а также оперетты «Земфира» и музыки к пьесе Фредрика Сьогнеуса «Пигмалион». В молодости он отличался приятным тенорным голосом.¹⁶ Должность финляндского торгового стряпчего в Ревеле Тавастшерна занимал до 1874 г., после чего

¹⁵ Helsingfors Tidningar 07.07.1866.

¹⁶ Suomalainen Virallinen Lehti 30.01.1882.

подал в отставку. Последние годы жизни он провел в Петербурге, находясь на государственной службе. Там же он и умер 24 января 1882 г.

Преемником Тавастшерны в роли финляндского торгового стряпчего в Ревеле стал купец Карл Фредрик Ньюберг (Carl Fredrik Nyberg). Ньюберг занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1880 г.¹⁷ К сожалению, к настоящему времени автору данной статьи не удалось собрать каких-либо значительных сведений о жизни и деятельности Карла Ньюберга.

В 1882 г. торговым стряпчим в Ревеле был назначен купец Эрнст Генрих Штюнкель (Ernst Heinrich Stünkel), родившийся в 1856 г. в Выборге. Относительно Штюнкеля известно, что он получил образование в немецкоязычном учебном заведении Выборга, а в 1872–1876 годах работал в Бремене. Вернувшись домой, создал свой торговый дом, деятельность которого вскоре перевел в Ревель. Наряду с должностью торгового стряпчего он занимал также место управляющего в торговом доме Дехио. Эрнст Штюнкель умер 21 ноября 1892 г. в возрасте 36 лет.¹⁸

После смерти Штюнкеля в Ревеле был назначен исполняющий обязанности торгового стряпчего. Им стал Карл Форсман (Carl Forsman).¹⁹ Надо отметить, что и в отношении Форсмана к настоящему моменту не удалось найти значительных биографических данных. Что же касается самой должности торгового стряпчего в Ревеле, то с конца XIX в. ее значение резко падает. Следует сказать также, что ни один из финляндских торговых стряпчих в Ревеле после 1866 г. не сумел добиться такого же авторитета и влияния, как Бёнинг.

По поводу Петербурга можно отметить, что Шлютер занимал там пост финляндского торгового стряпчего до 1854 г., после чего его сменил Людвиг Брун (Ludwig Bruun),²⁰ родившийся 24 августа 1814 г. К моменту отставки с должности торгового стряпчего в 1859 г. он имел титул торгового советника и был кавалером ордена Святого Станислава 3-го класса.²¹ Брун умер 1 ноября 1886 г. в Петербурге. После Бруна торговым стряпчим великого княжества в столице империи работал Андерс Йохан Вирениус (Anders Johan Wirenius), родившийся 22 февраля 1815 г. в Лаппвеси, в Южной Карелии. Обучался на юридическом факультете Гельсингфорского Императорского Александровского университета. После окончания учебы Вирениус отправился работать в Петербург и устроился там служащим в финляндскую паспортную службу. После этого занимал различные долж-

¹⁷ Suomalainen Virallinen Lehti 26.08.1880.

¹⁸ Finlands Allmänna Tidning 25.11.1892.

¹⁹ Finlands Allmänna Tidning 09.02.1893.

²⁰ Åbo Tidningar 27.06.1854.

²¹ Suomen Julkisia Sanomia 01.12.1859.

ности, в том числе заведующего хозяйственным отделом финляндской церковной общины в Петербурге. Вирениус был награжден орденом Святого Станислава 3-го класса за заслуги перед Отечеством в годы Крымской войны 1853–1856 гг. В 1860 г. он получил звание титулярного советника. Умер 17 июня 1867 г. в Петербурге.²²

Целых четверть века должность финляндского торгового стряпчего в Петербурге занимал Томас Леонард Хеллстрём, родившийся 21 января 1836 г. в городе Або (Турку). Известно, что в 1882 г. он был награжден орденом Святого Владимира 4-го класса.²³ Хеллстрём умер в Петербурге 14 июля 1893 г. в звании коллежского советника.²⁴ В течение года после его смерти исполняющим обязанности торгового стряпчего был Уно Вернер Розенбрёйер — бухгалтер финляндской паспортной службы в Петербурге²⁵, а с 1894 г. на эту должность был назначен Карл Леннарт Кюандер²⁶, родившийся 30 июля 1854 г. в Леппявирта. Образование Кюандер получил в гимназии в Куопио. В 1880-е годы работал в Баку в Товариществе нефтяного производства братьев Нобель. Надо заметить, что деятельность Кюандера в качестве торгового стряпчего стала вызывать в начале XX в. множество нареканий со стороны как финляндских купцов, так и прессы. К этому времени стало ясно, что институт торговых стряпчих в том виде, в котором он был учрежден в 1835 г., себя изжил и не отвечал требованиям времени. Особенно ожесточенной критика стала в 1910 г. Однако вспыхнувшая вскоре Первая мировая война и распад Российской империи (Финляндия стала в 1917 г. независимым государством) повлекли за собой исчезновение вышеназванного института. Сам Кюандер умер в Петербурге 25 июня 1915 г.

Назначенный в 1836 г. финляндским торговым стряпчим в Риге Карл Густав Вестберг оказался самым долговечным в этой должности. Он исполнял эти обязанности в течение четырех десятилетий. Тем не менее, значительных биографических данных относительно Вестберга к настоящему моменту также не удалось найти. Известно, что в 1875 г. император Александр Второй наградил Вестберга орденом Святого Станислава 3-го клас-

²² Yrjö Kotivuori, Ylioppilasmatrikkeli 1640–1852: Anders Johan Wirenius. Verkkojulkaisu 2005

<<http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=14918>>.

²³ Suomalainen Virallinen Lehti 11.04.1882.

²⁴ Finlands Allmänna Tidning 15.07.1893; Turun Lehti 18.07.1893, Päivälehti 18.07.1893.

²⁵ Helsingfors Aftonblad 27.07.1893.

²⁶ Aamulehti 26.06.1894.

са.²⁷ Должность торгового стряпчего в Риге была в конце XIX в. ликвидирована, как и в Одессе.²⁸ В последнем из названных городов должность финляндского торгового стряпчего после Йонса Олофа Берга в течение многих десятилетий занимал Людвиг Лагус, который в 1870 г. был назван финляндским торговым стряпчим во всех черноморских портах и на берегу Азовского озера. По поводу Лагуса можно отметить, что родился он 6 мая 1821 г. в Йомала на Аландских островах, долгие годы состоял на военной службе, участвовал в войне 1849 г. в Венгрии и ушел в 1859 г. в отставку в звании капитан-лейтенанта. Лагус умер в мае 1891 г. в Гельсингфорсе.²⁹

Как видно из вышесказанного, биографии финляндских торговых стряпчих в Российских портах требуют дополнительных исследований. Помимо материалов, опубликованных в периодической печати, следует обязательно привлечь архивные материалы, хранящиеся в России, Финляндии, Эстонии, Латвии и (вероятно) Украине. В любом случае, изучение биографий финляндских торговых стряпчих, которые занимали эту должность в период финляндской автономии (1809–1917), будет способствовать составлению более полной картины истории торгово-экономических связей между различными территориями Российской империи в XIX – начале XX вв.

Gustaf Fredrik Böning (von Böning), the first Finnish Trade Representative for the Governorate of Estonia

In 1809, Finland being reclaimed from Sweden and annexed by the Russian Empire became an autonomous Grand Duchy. Finland as an autonomous Grand Duchy was a single administrative unit and performed quite independent economic policy towards the new parent state. It had its own customs system and despite the Russian authorities' attempts to achieve a commercial advantage in trade with the new province by means of trade regulations (especially from 1835 to 1859) Finland managed quite successfully to protect its economic interests.

The role of the main trade partner for Finland in Russian Empire played St. Petersburg, the capital of the empire, Riga, the capital of the governorate of Livonia, and the ports of the Governorate of Estonia led by its capital Reval (Tallinn).

As the above mentioned ports were the most important trade destinations for Finland, the trade representatives were appointed there in the second half of 1830s (according to the Russian-Finnish trade regulations of 1835). Their mission was to assist the Finnish merchants, industrialists and seamen.

²⁷ Suomalainen Virallinen Lehti 19.06.1875.

²⁸ Mercator 15.09.1909. S. 32–33.

²⁹ Finlands Allmänna Tidning 16.05.1891.

The first Finnish trade representative appointed in 1835 to St. Petersburg was Collegiate Councillor Carl Schlüter (Karl Johan Schlyter). From 1841 he had a position of a translator in Russian Foreign Ministry as well.

Same year, the first Finnish trade representative was appointed to Reval. This post went to a translator of the upper land court in Reval and a merchant of the third guild Gustaf Fredrik Böning who held this position until his death in 1866. Actually, another person also applied for this place. This was Reval merchant August Freybusch who appealed for support to Paul Friedrich von Benckendorff, the civil governor of Estonia. Benckendorff sent his support letter to count Robert Henrik Rehbinder, the State Secretary of the Grand Duchy of Finland but by that time Böning was already appointed to this position and Freybusch did not get the job.

Almost one year later, i. e. 1st (13th) of October 1836 the position of the Finnish trade representative was introduced also in Riga. 17th (29th) of October 1836, Carl Gustaf Westberg, the head of Westberg's Trade House was appointed to this position in the capital of the Governorate of Livonia.

It is remarkable that together with three above mentioned ports in 1850 one more port in Russian Empire got the Finnish trade representative. This port was Odessa. In 1850, merchant Jöns Olof Berg, son of the Swedish consul in Königsberg, became the first Finnish "commercial attaché" in Odessa.

So from the prosopographical point of view it would be very interesting to study biographies of all Finnish trade representatives in St. Petersburg, Reval, Riga and Odessa in the period from 1835 to 1917.

This paper is devoted to Gustaf Fredrik Böning who has left a significant mark in the history of Finnish-Russian trade connections. Unfortunately his name and activity were forgotten right after his death.

G. F. Böning was born in Tammisaari (Ekenäs) to a Swedish-speaking family. He was the first son of Gustaf Böning, a local town councillor. In 1806 Gustaf Fredrik moved to Reval. His relative Reinhold Johan Böning, who at that time held the position of the minister in the Swedish parish in Reval, helped young Gustaf Fredrik to find a job in one of the Reval's major merchant offices. In 1814 Gustaf Fredrik married R. J. Böning's adopted daughter, Anna Charlotta. Gustaf Fredrik and Anna Charlotta had two children — daughter Jenny Lovisa Reinholdina and son Reinhold Brix.

G. F. Böning became a successful merchant in Reval. In addition, in 1826–52 he worked for the upper land court (Oberlandgericht) in Reval as a translator. In 1835 Böning was appointed as trade representative of the Grand Duchy of Finland in Reval. Böning's systematic reports concerning trade between Finland and Estonian ports are valuable sources for those who wish to study Estonian-Finnish economic connections till 1865. In 1840 he acquired membership of the Finnish House of Knights as Baron (vapaaherra) Gustaf Fredrik von Böningh.

Although Böning did not have a university degree, he took very active part in social, cultural and educational life. He was a member of several scientific and cultural societies: the Finnish Literature Society (1840), Kongliga Fornskrifts-Sällskapet in Copenhagen (1843), Vitterhets-, Historie och Antikvitets-akademien in Stockholm (1857) etc.

Böning made a number of contributions (coin collections, books, chandeliers etc) to Helsinki and Lund universities, various schools in Finland, churches in Finland and Estonia etc. One of the most remarkable undertakings was building a church on the island of Naissaar (Nargen) near Reval. Under the leadership of Böning, the collecting of money and obtaining of necessary permissions were arranged. The church on Naissaar was consecrated in 1856.

Böning also often arranged donations for those who needed help in Finland and Estonia. For his activities Böning was recognized in the form of several orders and medals from Russian, Finnish and Swedish authorities (including Vasaorden). Böning died in Reval on May 26, 1866.

After his death there were several different Finnish trade representatives in Reval. In 1866–1874, Frans August Theodor Jakob Tawaststjerna held this position. Inter alia, he was also known as an operatic singer and arranger. In 1874 Tawaststjerna was relieved of his duties at his own request and a merchant Carl Fredrik Nyberg became his successor. He held this job until his death in 1880. In 1882, a merchant Ernst H. Stümel was appointed to this post. But none of them was able to achieve the same level of authority as Böning.

Anyway, studying of the biographies of Finnish trade representatives who held these positions in the period of Finnish autonomy (1809–1917) may be very useful to get more complete picture of Finnish history as well as Russian and Estonian history.

Finding aid

In compiling this paper, following materials were used:

□ Ansioluettelokokoelma, Kansallisarkisto, Helsinki, Ansioluettelokokoelma, LUETTELOT — B, 370/1 Böningh, Gustaf Fredrik von.

□ Hultman, O. F. & Osmo Durchman: Bidrag till kännedom av å Finlands riddarhus icke upptagna adliga ätter av utländskt ursprung. VII. Böning. (von Böningh). — Genealogiska Samfundet i Finland Årsskrift 7. 1923, s. 59–61.

In addition, there is a lot of information contained in the Estonian and Finnish periodicals of that time. Internet resource of the digitalized Finnish newspapers of 1771–1910 may be found using this link: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/secure/main.html>. Internet resource of the digitalized Estonian newspapers of 1821–1944 is located on the Internet address <http://dea.nlib.ee/>.

**Американские друзья русской свободы, 1890-е–1920-е гг.:
просопографическое исследование**

Просопография как исследовательский подход изучает биографические данные людей, объединенных в одну социальную группу. Это написание коллективной биографии, где основное внимание уделяется внешним характеристикам, которые являются типичными для того или иного круга людей. В этом значении просопография помогает прояснить социальный контекст существования группы или семьи, а также объяснить устойчивость связей ее членов¹. Целью статьи является воссоздание коллективной биографии участников Американского общества друзей русской свободы (АОДРС), организации, история которой охватывает почти три десятилетия, с 1890-х по 1910-е гг. Общество было основано весной 1891 г. во время лекционной поездки российского революционера С.М. Степняка-Кравчинского (далее — Степняк) по США, в которой он пытался повторить успех выступлений журналиста Дж. Кеннана, сделавшего имя на разоблачении суровых условий содержания политзаключенных в сибирской ссылке². Используя ажиотаж вокруг статей Кеннана, Степняк организовал кампанию по сбору подписей под воззванием АОДРС «К друзьям русской свободы» в апреле–мае 1891 г.

Все члены АОДРС принадлежали к одной социальной группе. Это были представители белого среднего класса: они разделяли схожие политические воззрения и культурные предпочтения, а также принадлежали к одному региону.

Анализ географии городов и штатов, в которых проживали американцы, подписавшие воззвание, свидетельствует, что общество получило поддержку на северо-востоке США. 37 общественных деятеля были рекрутированы из 5 штатов этого региона: Массачусетс (17 человек), Нью-Йорк (13), Коннектикут (2), Пенсильвания (2), Род-Айленд (2), а также округ Колумбия (1). Лишь один человек, подписавший воззвание, был со Среднего Запада — священник Джозеф Т. Дьюри (Duryea). Но и он большую

¹ Prosopography Approaches and Applications: A Handbook. Ed by K. S. B. Keats-Rohan. University of Oxford, 2007.

² Travis F. F. George Kennan and the American-Russian Relationships, 1865–1924. Athens, 1990.

часть жизни провел в Бостоне и Нью-Йорке, и лишь в конце 1880-х гг. пастор перебрался в Омаху, чтобы возглавить там местный приход³.

Часть американцев, поддержавших идею Степняка о создании АОДРС, ранее участвовала в аболиционистском движении, центром которого был Бостон. С конца 1860-х гг. многие бывшие борцы за отмену рабства стали участниками суфражистских организаций⁴. Кроме того, в Бостоне, как и в других крупных городах Новой Англии, активное участие в общественной жизни принимали протестантские священники. Они составили видную группу американцев, вошедших в общество. Еще одной общей чертой мировоззрения общественных деятелей северо-востока являлся космополитизм. Аболиционисты всегда приветствовали тираноборцев, революционеров, религиозных диссидентов, воспринимая их как поборников дела всеобщей свободы. Такое отношение передавалось от поколения к поколению. Прием Степняка в Бостоне был с этой точки зрения типичным примером одобрительного отношения к русскому нигилисту как борцу за свободу своей родины. В 1850-е гг. знаменитый лидер аболиционистов У. Л. Гаррисон в ежегоднике *«Liberty Bell»* печатал письма русского эмигранта Н. И. Тургенева, который ратовал за уничтожение крепостного права в России. Пышный прием в Бостоне был устроен русскому революционеру Михаилу Бакунину. В 1861 г. его приветствовала не только местная общественность, но и губернатор штата счел нужным познакомиться с анархистом⁵.

Интерес к России, к ее политике и культуре, был характерен для всех видных участников АОДРС на протяжении всей истории общества. Некоторые из них посетили Россию, причем в этом случае все они являлись авторами различных работ о стране, которой желали освобождения от деспотической власти царя. Кеннан, объехавший всю Россию с запада на восток, прославился книгой «Сибирь и ссылка». Секретарь АОДРС Э. Нобл проработал в Санкт-Петербурге в качестве корреспондента английских газет в 1882–1884 гг. В 1885 г. он издал книжку «Русский бунт», в которой занял сторону революционных народников⁶. Президент АОДРС в 1903–1904 гг. У. Д. Фульк был автором памфлета «Славянин или Саксонец», в котором он предсказывал продолжение территориальной экспансии царской России. В 1907 г. он посетил Россию, причем перед поездкой в Санкт-

³ Free Russia. American Edition. 1891. July. P. 1; New York Times. 1898. 18 May. P. 7.

⁴ Stevens E. C. Elizabeth Buffum Chace and Lillie Chace Wyman. Jefferson, 2004.

⁵ The Liberty Bell. Boston, 1853. P. 211–225; Budd L. J. Twain, Howells, and the Boston Nihilists // New England Quarterly. 1959. Vol. 39. № 3. P. 356.

⁶ Who Was Who in America. Vol. I. Chicago, 1962. P. 901; Noble E. The Russian Revolt. L., 1885.

Петербург он побывал сначала в Стокгольме, где встречался с К. Маннергеймом, а потом — в Хельсинки⁷. Также писали о России, посетившие ее в разное время участники общества А. Буллард, Э. Кросби, Дж. Аддамс⁸.

Наконец, отдельные друзья русской свободы смогли привить интерес к России своим детям. Доктор В. Баудич, сын аболициониста Г.И. Баудича, поддержавшего АОДРС в 1891 г., был в 1920-е гг. казначеем «Общества распространения полезных знаний среди иммигрантов в Соединенных Штатах». Благодаря ему общество материально поддерживало русского поэта К. Д. Бальмонта. Также В. Баудич способствовал знакомству Бальмонта с дочерью Э. Нобла, поэтессой Лидией Нобл, которая переводила на английский стихи русского поэта. Через Бальмонта Л. Нобл стала переписываться с литовскими поэтами В. Креве и Л. Гира, планируя опубликовать переводы их стихов в бостонской печати⁹.

В заключение можно сделать вывод, что изучение друзей русской свободы в США имеет хорошие перспективы с точки зрения рассмотрения общества как однородной социальной группы, интересовавшейся Российской империей и ее соседями в Балтийском регионе на протяжении трех поколений. Итогом такого изучения должен стать биографический словарь, состоящий из нескольких сотен имен, в разное время состоявших в АОДРС.

⁷ *Viollette A.D.* William Dudley Foulke and Russia // *Indiana Magazine of History*. 1986. № 1. P. 89–90.

⁸ *Crosby E.* Tolstoy and His Message. N.Y., 1903; *Bullard A.* Russian Pendulum. N.Y., 1919; *Addams J.* Twenty Years at Hull-House. N.Y., 1912. P. 259–280, 400–426.

⁹ *Шерон Ж.* Американские письма К. Д. Бальмонта. Публикация Ж. Шерона // *Минувшее*. Том 13. М.; СПб., 1993. С. 293; *Салакавичюте К.* Литературные связи Константина Бальмонта и Винцаса Креве-Мицкявичюса. http://www.russianresources.lt/archive/Kreve/Kreve_4.html

American Friends of Russian Freedom, 1890s–1920s: a Prosopographical Study¹

The aim of this paper is to reconstruct a collective biography of the members of the Society of American Friends of Russian Freedom (SAFRF), 1891–1919. SAFRF was a small group of American reformers who were active in the support for the Russian opposition which was fighting for the political rights in the Russian empire.

SAFRF was founded in April 1891 in Boston by a Russian émigré and a former assassin Sergei Stepniak while he was on a lecture tour across the USA. He tried to draw attention to the activity of the Russian opposition after a huge success of articles and appearances of George Kennan, an American journalist who exposed harsh conditions of Siberian exile². Taking into account a broad popularity of Kennan's views on Czarist regime, Stepniak organized a signature campaign aiming at enlisting notable American people to support the society in April–May 1891.

All SAFRF members enjoyed common social features, shared similar political views and cultural values, belonged to one geographical region.

SAFRF received support mainly from the Northeast. 37 signatures represented 5 states: Massachusetts (17 people), New York (13), Connecticut (2), Pennsylvania (2), Rhode Island (2) as well as Washington, D.C. (1). One signature represented the support from Omaha. It was Dr. Joseph T. Duryea, who shortly before 1891 moved to the Midwest from Boston where he had spent ten years as a pastor of the Central Congregational Church³.

The majority of SAFRF was recruited from former abolitionist activists and social reformers. All of them shared cosmopolitanism and hailed both freethinkers and religious dissidents as the champions of freedom. A notable abolitionist W.L. Garrison published the letters of a Russian émigré Nikolay Turgenev in the 1850s; a Russian revolutionary Mikhail Bakunin was heartily greeted in Boston

¹ Prosopography studies biographical data of human beings, who have firm social ties. Prosopographical approach helps historians elucidate the social context of a group of people as well as typical features of an individual. See *Prosopography Approaches and Applications: A Handbook*. Ed by K. S. B. Keats-Rohan. University of Oxford, 2007.

² *Travis F. F. George Kennan and the American-Russian Relationships, 1865–1924*. Athens, 1990.

³ *Free Russia*. American Edition. 1891. July. P. 1; *New York Times*. 1898. 18 May. P. 7.

in 1861. From that perspective, the support of SAFRF was not a completely new cause for reformers from New England⁴.

The most active members of SAFRF were much interested in both Russian politics and Russian history. Besides Kennan, who got widely known in America as the author of "The Siberia and the Exile System", the other notable associates made a noticeable contribution to the study of Czarist Russia. Edmund Noble, the secretary of SAFRF in 1892–1894, worked in Russia as a correspondent of English newspapers "Daily News", "Daily Globe", Manchester "Guardian", and Glasgow "Herald" in 1882–1884. In 1885 he published a book "Russian Revolt". Noble justified the political terror in Russia being on the side of Nihilists. William Dudley Foulke, the president of SAFRF in 1903–1904, was an author of the pamphlet "Slav or Saxon". In this work he warned the future collision between Russia and Great Britain because of continuation of Czarist expansion. In 1907 Foulke visited Russia traveling across the Baltic Sea region extensively⁵. Some other prominent members of SAFRF also wrote the books about Russia. Among them were: Arthur Bullard, Jane Addams, Ernest Crosby⁶.

Some friends of Russian freedom inherited their keenness for Russia to their children. Dr. V.Y. Bowditch, a son of H.I. Bowditch, who joined SAFRF in 1891, was a treasurer of the «Society for the Distribution of Useful Knowledge among Immigrants in the USA» in the 1920s. As a treasurer he collected and sent money to a Russian poet K. Bal'mont to relief his dire straits in France. Due to V.Y. Bowditch, Bal'mont was introduced to a writer Lydia Noble, a daughter of Edmund Noble. L. Noble translated some poems of K. Bal'mont into English. She also was in correspondence with Lithuanian poets V. Krėvė-Mickevičius and L. Gira⁷.

To sum it up, the study of friends of Russian freedom from prosopographical perspective shows the history of SAFRF as cause of several generations. A

⁴ The Liberty Bell. Boston, 1853. P. 211–225; *Budd L. J.* Twain, Howells, and the Boston Nihilists // *New England Quarterly*. 1959. Vol. 39. № 3. P. 356; *Stevens E. C.* Elizabeth Buffum Chace and Lillie Chace Wyman. A Century of Abolitionist, Suffragist, and Workers' Rights Activism. Jefferson, 2004.

⁵ *Who Was Who in America*. Vol. I. Chicago, 1962. P. 901; *Noble E.* The Russian Revolt. L., 1885; *Viollette A. D.* William Dudley Foulke and Russia // *Indiana Magazine of History*. 1986. № 1. P. 89–90.

⁶ *Crosby E.* Tolstoy and His Message. N.Y., 1903; *Bullard A.* Russian Pendulum. N.Y., 1919; *Addams J.* Twenty Years at Hull-House. N.Y., 1912. P. 259–280, 400–426.

⁷ *Sheron J.* American Letters of Konstantin Bal'mont // *Minuvshee (The Past)*. Vol. 13. Moscow, 1993. P. 293; See also http://www.russianresources.lt/archive/Kreve/Kreve_4.html

biographical dictionary of its members can be a valuable contribution to the history of Russian-American relationships.

Юлия Лайус

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург/ Европейский университет в СПб

Трансграничные взаимодействия в биографиях российских и скандинавских исследователей Арктики, 1900–1950-е гг.

История контактов полярных исследователей России и Скандинавских стран привлекает значительное внимание как историков науки, так и географов. Особенное место в таких исследованиях занимает Фритъоф Нансен, роль которого в развитии скандинавско-российских связей не ограничивается наукой, но выходит в область большой политики.¹ Задачу этого сообщения я вижу, главным образом, не в том, чтобы расширить спектр биографических материалов и несколько сместить фокус с более известных сюжетов, как правило, связанных со взаимодействием российских ученых с норвежскими, в сторону менее известных шведских и датских исследователей, и затронуть хронологически более поздние периоды 1930-х–1950-х гг., изученные в рамках этой тематики совершенно недостаточно. Наряду с этими частными задачами, моя основная задача — показать как традиционное изучение *контактов*, подразумевающее наличие жесткой границы, как правило национальной (иногда, впрочем, также дисциплинарной) в последнее вре-

¹ *Алимова Т. А.* Сотрудничество ученых России и Скандинавии в исследовании северных районов Европы (конец XIX – начало XX вв.) // История географических знаний и открытий на севере Европы. Сб. статей. Л., 1973. С. 136–142; *Пасецкий В. М.* Фритъоф Нансен, 1861–1930. М., 1986; *Файнштейн М. А.* Из истории русско-норвежских научных связей (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук) // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Петербурга / Сост. и ред. М. Л. Алекшина. СПб., 1996. С. 39–51; *Шрадер Т. А.* Норвежские полярные исследователи — гости Санкт-Петербурга (на рубеже XIX–XX веков) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной науч. конф. СПб., 2002. С. 45–52; Россия и Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джексон, Й. П. Нильсен. М., 2004; *Лайус Ю. А.* Контакты русских и норвежских ученых в области морских исследований в начале XX в. // Скандинавские чтения 2005 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2005. С. 88–97; *Lajus, Julia.* Linking People through Fish: Science and Barents Sea Fish Resources in the Context of Russian-Scandinavian Relations // Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region: Norden beyond Borders, ed. S. Sörlin. Farnham: Ashgate, 2013, pp. 171–194.

мя сменяется изучением *взаимодействий* «поверх границ», и в конечном счете — *циркуляций* людей, материальных объектов, знания и технологий.² Люди, знание и объекты (даже если это всего лишь письма и книги, но часто также научные инструменты, биологические, геологические, этнографические и другие артефакты), а также технологии всегда циркулируют взаимосвязанно — часто письма и обмен книгами «прокладывают дорогу» для встречи ученых, затем встреча «закрепляется» новыми потоками артефактов. Но особенно важными участками таких циркуляций, которые многократно усиливают их интенсивность и «емкость», как способность к переносу знания, служат локальности, в которых происходит совместная деятельность людей. Такая деятельность способствует выработке общих практик и «неявного знания» (*tacit knowledge*), что является центральным как для переноса знания, так и для трансфера технологий.

В данном сообщении будет сделана попытка встроить изучение циркуляций в биографические исследования и показать не только важность конкретных людей и строящихся ими сетей (*networks*) для формирования циркуляционных потоков, но и ключевое влияние этих потоков и их изменений на выбираемые учеными индивидуальные стратегии и, в конечном итоге, на их биографии. Это будет показано на примерах биографий российских и скандинавских исследователей Арктики, в первую очередь, Николая Книповича и Николая Зубова, Харальда Ульрика Свердрупа и Ханса Альмана. Несмотря на то, что регион, в котором происходила циркуляция знания и научных практик (*area of circulation*), был очень широким и кроме Северной Европы включал, особенно для скандинавских ученых, также и Америку, основными локальностями, важными для этого процесса, служили научные центры Северной Европы: норвежский город Берген с его биологической станцией и международными океанографическими курсами (1903–1913), база Мурманской научно-промысловой экспедиции на берегу Кольского залива, Стокгольм, Арктический институт в Ленинграде, и др. Важнейшую роль в создании и направлении процессов циркуляции и соответственно в биографиях ученых, вовлеченных в эти циркуляции, играли международные научные организации и программы, такие как Международный совет по исследованию моря, Второй полярный год и др.³

² *Cohen Y.* Circulation localities: the example of Stalinism in the 1930s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 11, 1 (2010): 11–45; *S. Gross Solomon.* Circulation of knowledge and the Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9, 1 (2008): 9–26.

³ *Lajus Julia.* Field Stations on the Coast of the Arctic Ocean in the European Part of Russia from the First to Second IPY // *Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region: Norden beyond Borders*, ed. S. Sörlin. Farnham: Ashgate, 2013. P. 111–

Хочется надеяться, что теоретические подходы, использованные в данном докладе окажутся полезными за пределами истории науки для изучения биографий людей из других социальных групп, осуществлявших трансграничные взаимодействия.

142; *Luedecke, Cornelia and Lajus, Julia A.* The Second International Polar Year 1932–1933 // *The History of the International Polar Years (IPYs)* / Susan Barr & Cornelia Luedecke, ed. Series: From Pole to Pole. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. IX, 319. P. 135–174; *Lajus J., Pantiulin A.* Soviet oceanography and the Second International Polar Year: national achievements in the international context // C. Groeben (Ed), *Places, People, Tools: Oceanography in the Mediterranean and Beyond. Proceedings of the Eighth International Congress for the History of Oceanography.* Napoli: Giannini Editore 2013, 71–85; *Лайус Ю. А.* Подготовка Второго международного полярного года в СССР: от кооперации ученых к государственному проекту // *Экологическое планирование и управление.* 2008. № 3–4 (8–9). С. 92–108.

Transborder interactions in the biographies of Russian and Scandinavian Arctic scientists, 1900–1950s.

Significant attention to the history of the contacts of Russian and Scandinavian polar scientists and explorers exists among historians of science and geographers. Particular focus is directed towards the biography of Fridtjof Nansen, whose role in the development of Scandinavian-Russian contacts was not limited to science but embraced problems of the big politics.¹ A goal of this presentation I see not only in the extension of the spectrum of biographical materials or in shifting the focus from better known cases concerned with the interactions of Russian and Norwegian scientists towards less known Swedish researchers and moving into more recent time periods of 1930s – 1950s which are still remain underexplored. My main goal, in addition to these specific tasks, is to show how the traditional historical studies of the *contacts* that assume the existence of rigid border, usually national (while often also disciplinary) are currently replacing by studies of *interactions across the borders*, and finally by studies of *circulations* of people, material objects, knowledge or technologies.² People, knowledge and objects (even if the later are only consist of letters and books, but more often they also include scientific instruments, biological geological, ethnographic and other artifacts), and also technologies, are circulating in interconnectedness. Often letters and books are paving the road to the meeting of scientists, and then the result of the meeting is consolidated by new flows of artifacts. However, the most significant sections of these circulations, which for many times enhance

¹ *Alimova T.A.* Sotrudnichestvo uchenykh Rossii i Skandinavii v issledovanii severnykh raionov Evropy (konets XIX – nachalo XX vv.) // *Istoria geograficheskikh znaniy i otkrytii na severe Evropy*. Leningrad, 1973. P. 136–142; *Pasetsky V. M.* Fridtjof Nansen, 1861–1930. Moscow, 1986; *Fainshtein M. A.* Iz istorii ruskono-rvezhskikh nauchnykh svyazei // *Rossisko-norvezhskie kontakty*. Vzgljad iz Peterburga. St. Petersburg, 1996. P. 39–51; *Shrader T.A.* Norvezhskie poliarnye issledovateli – gosti Sankt-Peterburga (na rubezhe XIX–XX vekov) // *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: Materialy ezhegodnoi nauchn. konf.* St. Petersburg, 2002. P. 45–52; *Rossia i Norvegiya. Skvoz veka i granitsy*. Moscow, 2004; *Lajus J. A.* Kontakty russkikh i norvezhskikh uchenykh v oblasti morskikh issledovanii v nachale XX v. // *Skandinavskie chtenia 2005 goda: Etnograficheskie i kulturno-istoricheskie aspekty*. St. Petersburg, 2005. P. 88–97; *Lajus, Julia.* Linking People through Fish: Science and Barents Sea Fish Resources in the Context of Russian-Scandinavian Relations // *Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region: Norden beyond Borders*, ed. S. Sörlin. Farnham: Ashgate, 2013. P. 171–194.

² *Cohen Y.* Circulation localities: the example of Stalinism in the 1930s, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 11, 1 (2010): 11–45; *S. Gross Solomon.* Circulation of knowledge and the Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9, 1 (2008): 9–26.

their intensity and ‘carrying capacity’ as capacity to transfer knowledge, are the localities in which the joint activities of people take place. These activities facilitate the emergence of shared practices and tacit knowledge that is a central presupposition for knowledge and technology transfer.

In this presentation I make an attempt to imbed the studies of knowledge circulation into biographical research and show not only the importance of personalities as actors and the networks which they are building for the formation of flows of circulation, but also the key influence of these flows and their changes on the individual strategies which scientists chose and as a consequence on their biographies. Examples are built on biographical studies of Russian and Scandinavian polar scientists, first of all Nikolai Knipovich and Nikolai Zubov, and Harald Ulrik Sverdrup and Hans Ahlmann.

In spite of the fact that the area of circulation of knowledge and scientific practices was very broad and included in the case of Scandinavian scientists in addition to the Northern Europe even the USA, the main localities significant for this process were scientific centers of the Northern Europe: such as Norwegian city of Bergen with its biological station where international oceanographic courses were organized in 1903–1913, headquarter of the Murman Scientific — Fisheries Expedition on the coast of the Barents Sea, institutions of the Swedish capital of Stockholm, Arctic Research Institute in Leningrad and others. International scientific organizations and programs like International Council for the Exploration of the Sea (ICES) or the Second International Polar Year (Second IPY, 1932–33) and many others played the formative role in creation and redirection of circulations and consequently in biographies of scientists involved.³

³ *Lajus Julia*. Field Stations on the Coast of the Arctic Ocean in the European Part of Russia from the First to Second IPY // Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region: Norden beyond Borders, ed. S. Sörlin. Farnham: Ashgate, 2013. P. 111–142; *Luedecke, Cornelia and Lajus, Julia A.* The Second International Polar Year 1932–1933 // The History of the International Polar Years (IPYs) / Susan Barr & Cornelia Luedecke, ed. Series: From Pole to Pole. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. IX, 319 pp. 135–174; *Lajus J. and Pantiulin A.* Soviet oceanography and the Second International Polar Year: national achievements in the international context // C. Groeben (Ed), Places, People, Tools: Oceanography in the Mediterranean and Beyond. Proceedings of the Eighth International Congress for the History of Oceanography. Napoli: Giannini Editore 2013, 71–85; *Лайус Ю. А.* Подготовка Второго международного полярного года в СССР: от кооперации ученых к государственному проекту // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4 (8–9). С. 92–108.

I hope that theoretical approaches used in this presentation might be useful outside the history of science for studies of biographies of people from other social groups who were involved in transborder interactions.

Павел Васильев

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Советская психиатрия: Просопографическое исследование

У медицинских текстов и научных концепций есть важное измерение, о котором часто забывают, а именно тот факт, что у них есть авторы. Так, например, исследователи социальной истории медицины в Советской России могут цитировать неких врачей Шоломовича или Голант, но читатель не имеет возможности познакомиться с их биографией и научной карьерой, которая спрятана за шаблонной характеристикой вроде «известный врач». Более того, нередко встречаются случаи ошибочного написания имен и фамилий этих врачей или неверная атрибуция пола (прежде всего в тех случаях, когда пол невозможно определить по фамилии). Это, к сожалению, означает, что историки зачастую ограничиваются библиографической справкой и подходят к медицинским текстам без должной критики, автоматически используя авторитет «медицинской» цитаты для подкрепления своего тезиса. Мы же, напротив, заинтересованы в идентичности авторов медицинских текстов и предпринимаем попытку обнаружить конкретную личность со специфической повесткой дня за безличностным на первом взгляд нарративом фармакологических характеристик, медицинской статистики и историй болезни. Таким образом, автор вносит свой вклад в направление исследований, обозначенное такими историками медицины, как Дэвид Ф. Масто, Кэролайн Дж. Эккер и Нэнси Д. Кэмпбелл.¹ Как показала Нэнси Д. Кэмпбелл, дискурс-анализ и «внимательное чтение» медицинских текстов дают более целостные результаты, если им предшествует «взгляд в социальные миры... исследований», который позволяет «понять социальные структуры и материальные условия, которые сформировали убеждения, приверженности и практики».²

В данной работе мы рассматриваем возможности и проблемы использования просопографического подхода для исследования истории советской психиатрии, фокусируясь прежде всего на двух группах: 1) раннесоветских наркологах в сравнении с их визави в Германии и 2) психиатрах,

¹ *Musto D. F. The American Disease: Origins of Narcotic Control. N.Y., 1999; Ack-er C. J. Creating the American Junkie: Addiction Research in the Classic Era of Narcotic Control. Baltimore, 2006; Campbell N. D. Discovering Addiction: The Science and Politics of Substance Abuse Research. Ann Arbor, 2007.*

² *Campbell N. D. Discovering Addiction... P. 4–5.*

работавших в раннесоветский период в городе Ленинграде. Для целей данного исследования раннесоветский период определяется как годы между Октябрьской революцией 1917 г. и вторжением нацистской Германии на территорию Советского Союза в июне 1941 г. Ключевыми вопросами для нас являются образование психиатров, развитие исследовательских школ и взаимоотношения с властями. Итоговая «групповая биография» также очертит сети индивидуумов и точки их соприкосновения — в том числе за пределами Ленинграда или Советского Союза. В случае второй группы психиатров, мы намеренно фокусируемся на локальном (Ленинград), а не на национальном (СССР), преследуя цель представить более точную картину и визуализировать трудные для фиксации «исследовательские школы» — прежде всего бехтеревскую школу, которая, по наблюдениям М. А. Акименко, к концу 1920-х гг. насчитывала более 5000 специалистов.³

Медицину часто рассматривают как орудие претворения в жизнь принципов биополитики и политики дисциплинирования. В частности, психиатрия является потенциально «политической» научной специальностью, и действительно активно использовалась в Советском Союзе для преследования политических оппонентов режима. Мы, однако, постараемся избежать упрощенного восприятия медиков как всего лишь «марионеток» Советского государства, говорящих и действующих от лица властей или же под принуждением. Более важным представляется локализовать те индивидуальные и групповые причины, которые заставили психиатров остаться в Советской России после 1917 г. (или даже вернуться туда по окончании обучения в Швейцарии — как сделал психиатр Л. Я. Пинес в 1921 г.), поддержать новый режим, заниматься разработкой сомнительных с этической точки зрения исследовательских программ и позволить превратить свою научную дисциплину в орудие массового политического преследования. Это позволит поднять более общие вопросы о природе поддержки авторитарных и тоталитарных режимов вообще. Таким образом, данная работа позволяет по-новому взглянуть на историю психиатрии в Советской России и ее взаимоотношения с властью, а также улучшает наше понимание роли и положения профессий в авторитарных и тоталитарных обществах.

Такое исследование также имеет особое значение для еврейской истории, поскольку очень значительный процент советских психиатров (особенно в раннесоветский период) были евреями. До определенной степени, это было частным отражением более общей тенденции в раннесоветской России. После эмансипации 1917 г. российским евреям была предоставле-

³ Акименко М. А. Развитие психоневрологии в Институте им. В. М. Бехтерева в XX веке. СПб., 2008. С. 7.

на возможность строить карьеру во многих ранее недоступных сферах — в том числе и в академической науке.⁴ Однако примечательно, что многие евреи концентрировались именно на изучении вопросов психического здоровья. Этот интересный факт может быть объяснен тем, что психиатрия в данный период являлась относительно новой и многообещающей медицинской специальностью, которая к тому же была открыта для новичков. Схожим образом, Первая мировая война и революции 1917 г. предоставили российским женщинам новые возможности для трудоустройства. Таким образом, в работе специально оцениваются новые возможности и старые ограничения, которые сформировали опыт советских евреев и женщин в психиатрической науке.

В завершение работы мы отмечаем потенциально интересные в будущем направления исследований и группы индивидуумов. В частности, просопографическое исследование психиатрии в раннесоветской России может стать эксплицитно компаративным через сравнение с другими национальными контекстами (например, Веймарской республикой и нацистской Германией). Мы также подчеркиваем важность включения в круг исследуемых групп пользователей и жертв психиатрии, а также среднего и низшего медицинского персонала (изучение истории психиатрии «снизу вверх»). Исследования, фокусирующиеся на позднесоветском периоде истории психиатрии, определенно могут выиграть от сочетания просопографического подхода с методами устной истории.

⁴ *Gitelman Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. N. Y., 1988. P. 109, 163–164, 166.*

Soviet Psychiatry: A Prosopographic Study

There is an important dimension of medical texts and scientific conceptions that is often neglected — the fact that they have authors. For example, scholars of social history of medicine in Soviet Russia often cite from certain Drs. Sholomovich or Golant, but the reader never finds any details about their personal lives or professional careers other than that they were 'famous physicians'. It is also not uncommon to encounter misspelled names of physicians or incorrect attribution of the gender to the author, when there is an ambiguous surname (unlike many Russian surnames). It means, unfortunately, that in many cases historians simply do not look any further than the bibliographic reference, but simply use the authority of the medical quotation to support their point. I am, however, interested in the authors' identity, and try to locate the human being and the specific professional with his or her own agenda behind the seemingly impersonal narrative of pharmacological characteristics, statistics and medical histories. In doing so, I am contributing to a perspective that was designated by such scholars of addiction research as David F. Musto, Caroline J. Acker and Nancy D. Campbell.¹ As Nancy D. Campbell has argued, discourse analysis and close reading of medical texts is more coherent when it is anticipated by 'looking inside the social worlds of ... research', which allows 'to understand the social structures and material conditions that shaped the beliefs, commitments, and practices'.²

This paper discusses the feasibility of prosopographic approach to the history of Soviet psychiatry while focusing on two cohorts in particular: 1) early Soviet addiction researchers in comparison with their German counterparts and 2) psychiatrists active in the city of Petrograd/Leningrad in the early Soviet period. The early Soviet period is defined here for our purposes as the years between the 1917 October revolution and the Nazi invasion of the Soviet Union in 1941. The study has special focus on the psychiatrists' education, the development of research schools, and the relationship with the authorities. The resulting 'group biography' will outline the networks of individuals and their points of connection — *inter alia* beyond Leningrad and the Soviet Union. In deciding to study a second cohort, I deliberately prioritize local (Leningrad) over national (Soviet) in order to provide a more nuanced picture and seeks to visualize the elusive 'research schools' — in particular,

¹ David F. Musto, *The American Disease: Origins of Narcotic Control* (New York: Oxford University Press, 1999); Caroline J. Acker, *Creating the American Junkie: Addiction Research in the Classic Era of Narcotic Control* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006); Nancy D. Campbell, *Discovering Addiction: The Science and Politics of Substance Abuse Research* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007).

² Campbell, 4–5.

the Bekhterev school, which, as Marina A. Akimenko claimed, counted ca. 5000 specialists by the late 1920s.³

Medicine is often discussed as the tool of enforcing bio-politics and the politics of disciplining. In particular, psychiatry is a potentially 'political' discipline, and it is in fact notoriously known to have been used as a tool of politically-motivated persecution in the Soviet Union. However, I will avoid presenting an overly simplified picture of Soviet medical professionals as simply puppets of the Soviet state, speaking and acting on behalf of the authorities or under coercion. Rather, I will try to locate various individual and group reasons which led the psychiatrists to stay in Russia after 1917 (or even move there after finishing studies in Switzerland — as Lev Ia. Pines did in 1921!), support the Soviet state, pursue questionable research programs, and allow their discipline to be used as a tool of mass-scale political persecution. This allows to raise broader issues and ask questions about the nature of support of totalitarian and authoritarian states in general. Thus, the paper presents a fresh perspective on the history of the psychiatric profession in Soviet Russia and its relationship with the authorities and contributes to improving our understanding of the role and position of the professions in authoritarian and totalitarian societies.

Such an investigation also has special relevance for Jewish history, since a very high proportion of early Soviet psychiatrists were Jewish. To a certain degree this was a reflection of a more general over-representation of the Jews in medicine in early Soviet Russia. After the emancipation of 1917, Russian Jews were provided with an opportunity to grow along previously inaccessible or problematic professional tracks — including academia and research.⁴ Perhaps even more importantly, many Jews would concentrate specifically on the study of mental health. This interesting fact can be explained if we consider psychiatry as a relatively new and promising medical field that was rather open to newcomers. By the same token, World War I and the turbulent events of 1917 provided new occupational opportunities for Russian women. Therefore, the paper specifically assesses the new opportunities and the old limitations that shaped the Soviet Jewish medical experience and the lives of women in psychiatric science.

The paper closes with establishing potential directions of research and cohorts of individuals for further investigation. In particular, I am interested in making my project explicitly comparative with references to other national contexts (e.g., Weimar Germany). I also advocate the inclusion of users and survivors of psychiatry, mid-level medical personnel and non-clinical health care workers in the research agenda ('bottom-up approach'). Investigations focusing on the late Soviet period can certainly benefit from combining prosopographic approach with methods of oral history.

³ Marina A. Akimenko, *Razvitie psikhonevrologii v Institute im. V. M. Bekhtereva v XX veke* (St. Petersburg: NIPNI, 2008), 7.

⁴ Zvi Gitelman, *A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present* (New York: Schocken Books, 1988), 109, 163–164, 166.

**«Исторические биографии
в контексте региональных и имперских границ Северной Европы»**

Proceedings of International Research Seminar
**“Historical Biographies
in the context of Regional and Imperial borders of Northern Europe”**

Материалы Международного научного семинара

Подписано в печать 23.12.2013. Формат 60×88 1/16.
Бумага офсетная. Грнитура Times New Roman/
Тираж 300 экз. Заказ № 891.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Отделом оперативной полиграфии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17а.
Тел./факс: (812) 786-58-95